

C.COM

**КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ВТОРАЯ:**

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ И ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Слово о Слове

Свидетельство

Володарское представление

Действие первое: Шкварин

Настенная пауза

Второе начало Никит

Действие второе: почти зелёное

Журнальная пауза

Топология осени

Действие третье: социально-коричневое

Ватер-газетная пауза

Девятка

Эпистолярная пауза

Действие четвёртое: во всех отношениях чёрное

Новогодняя пауза

Действие пятое: почти фатальное

Финальная турбулентность

СОДЕРЖАНИЕ:

Слово о Слове	4
Свидетельство	5
Володарское представление	45
Действие первое: Шкварин	73
Настенная пауза	102
Второе начало Никит	108
Действие второе: почти зелёное	128
Журнальная пауза	153
Топология осени	189

СЛОВО О СЛОВЕ

“*Ars longa, vita brevis...*”
: *Lingua Latina*

Как правило, издаваемую в нашей стране спелеолитературу можно отнести к одному из двух направлений:

1) как бы научное описание пещер различных типов – вне зависимости от соотношения научной и популяризаторской составляющих, а также компетентности автора;

2) чисто техническое повествование об истории покорения (исследования) какой-либо полости < карстового района, системы полостей или истории достижений конкретного спелеоклуба или группы >.

: *Моё повествование в принципе иное.* По исповедуемой мной философии Познание Мира неотделимо от его Сотворчества; представление о какой-либо полости, складывающееся в нашем мышлении – практически тоже самое, что создание некоего варианта этой полости. Пусть в исключительно эниологическом, нематериальном аспекте.

: Каждый из нас постигает и видит мир Подземли по-своему; по-своему ощущает и *творит его* своим персональным участием.

Понятно, что любое “научное” описание пещеры – лишь малая её часть. Ибо не научные теории (сегодня одни, завтра иные) складывают в нашем сознании образ Подземли – *наше восприятие* её гротов, проходов и залов.

: Наши рассказы, байки, стихи, анекдоты и песни – не менее важная часть мира Подземли, чем подземные пространства, вызвавшие их рождение.

Что спелеология (как и спелестология) “не просто” синкретичная разновидность науки, туризма и спорта — по-моему, доказывать не нужно. Ибо в огромной степени наш интерес к Подземле – Искусство. Неотделимое от творческого видения мира, и не компенсируемое никакой физической силой, техническими приёмами, безрассудной отвагой и кабинетными знаниями. “Слабые уходят, смелые погибают – умные остаются.” К такому афористическому определению спелеологии можно добавить: “И лишь творчески одарённые творят её дальше”.

В чём это проявляется — новых продолжениях наших Систем, увиденных там, где пасуют грубая сила и теоретические пристрастия, новых вариантах снаряжения, новых стихах или песнях, рассказах и книгах, — не суть важно.

: Всё это суть Творчество во-первых, во-вторых, в третьих, — и лишь потом что-то иное.

Об этом я говорил достаточно часто и много.

Здесь поведаю об ином.

И угол моего взгляда будет определяться не тем, что звало меня и моих друзей в Мир Белого Камня (хотя и тем, конечно, тоже) — а тем, что выжимало, выталкивало из него, — что разделяло нас или пыталось разделить в угоду

чьим-то далёким от спелеологии интересам.

Что ограничивало наш изначально свободный, творческий взгляд на Мир Подземли – как бы мы ни противились этому.

: Вот такой ракурс. Кому-то могущий показаться “весьма патологичным”, – но об остальном я сказал в прочих своих повестях.

Здесь настало время говорить о том, о чём раньше молчал из ложно понимаемой толерантности.

Возможно потому, что время для такого рода описаний наступило только теперь. Когда не сказать об этом – всё равно что продолжать смотреться в кривое зеркало недоговорок и былой конъюнктурной *лажи*.

А что кто-то от моих описаний и цитат скривит своё недоброкачественное рыло — так не надо было разменивать свою жизнь и хождение под землю на пакости.

: Жизнь – она один раз даётся. Как и душа.

Что же до поговорки, в спелеоверсии гласящей «кто прошлое помянет – тому коногон вон», – так у неё и продолжение имеется:

«А кто забудет — тому два».

: По жизни. Как финальная её оценка.

Ибо коль есть в твоей жизни нечто, что хочется забыть, или упоминать о чём за столом считается неприличным – не так ты эту жизнь прожил.

— И ещё одно, достаточно важное замечание: несмотря на условное следование хронологии, в повести моей не будет жёстко структурированного сюжета. Ибо любой наш разговор (как верно подметил И. М. Губерман) неизбежно вытягивает какие-то иные сюжетные нити и воспоминания; слова-отсылки, понятные кому-то из собеседующих – но для постороннего нуждающиеся в разъяснении — разъяснение это порой уводит беседу настолько в сторону от первоначальной темы, и представляется столь важным против неё, что полностью перестраивает сюжет, –

– *et cetera*:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

“Страна с непредсказуемым прошлым...”

: М. Жванецкий

Начну с компиляции – точнее, свидетельства спелеолога, писателя и поэта Константина Борисовича Серафимова.

На мой взгляд, Константин Борисович – самый замечательно пишущий из спелеологов и самый замечательный спелеолог среди пишущих. На его писательском счету прекрасные стихи, рассказы и повести о Вертикальной Подземле и спелеодайвинге; на счету спелеологическом столь много свершений, что перечислить их все я лично не в силах. Да, наверное, и нет смысла. Скажу

только, что Константин Борисович является основателем легендарного спелеоклуба “Сумган”; он одним из первых в нашей стране – вопреки косности и тупости тогдашнего спелеоруководства, и всем, чинимым ими преградам, применил на практике западную одномоментную технику SRT; из всех возможных ветвей и направлений современной спелеологии Константин Борисович занимался *спелеоподводными погружениями в вертикальных пещерах* –

: Сложнее **этого** в Море Подземли нет ничего. Интеллектуальней, спортивней и техничней — тоже.

: Ни один из рассказов, написанных им, издан не был. О повестях и поэзии говорить нечего. Ибо Константин Борисович – Настоящий Писатель.

В официальном литературном мире нашей страны таким не место. Мне, наверное, сказочно повезло: я имею возможность читать его произведения в компьютерном варианте. И есть два рассказа, изданные под обложкой Ежегодника РСС¹.

Вот и всё.

Данная характеристика могла быть исчерпывающей – но, думаю, всё-таки стоит добавить, что Серафимов никогда не писал, подобно другим авторам, “в стол”. В надежде быть услышанным, достучаться хоть до кого-то (и в полном понимании того, что *мы пишем в первую очередь для людей, – для Коллег и Читателей, – для Тех, Кто Придёт нам на смену*), он год за годом посылал свои рукописи во всевозможные издательства — от региональных до центральных. Собрал полномасштабную коллекцию отзывов-посылов... Которая сама по себе читается, как захватывающий “роман с продолжением” –

Близкий, к сожалению, мыльному сериалу: ибо интеллект совдеповских редакторов оставлял желать лучшего. [О современных и говорить нечего — когда основным мерилом текста становится его *продажность*, – то есть востребованность самым массовым, интеллектуально-серым читателем-обывателем – о какой “литературе” можно вести речь? Об анонистической фэнтези и криминально-любовном чтиве?

: Разве что. Но пипифакс такого рода с Подземлём не пересекается – а коль пересекается, то, право, “лучше бы этого не было”.]

: Константином Борисовичем написана замечательная книга об истории спелеологии в нашей стране. Называется “Экспедиция во Мрак”. Во многом она перекликается с моим “Катакомбным Мэйнстримом” – и теми главами из него, что прежде входили в “Спелеопенталогию”. В чём-то расходится, и это здорово.

Ибо, разделившись на “перпендикулярные ветви” изначально единой спелеологии, мы пишем о разном. Различны наши пройденные дороги, как различен, зачастую полярный, опыт. Различно полученное образование; а потому каждый пишет *своим языком*. О том, что важнее и ближе. Но — удивительно сходятся и перекликаются наши оценки Времени, Подземли и Друзей. А также тех, что друзьями нашими могли называться лишь в уничижительных кавыч-

¹ «Спелеология в России», выпуск 1, Москва, 1998 год – издатель и редактор Мавлюдов Булат Рафаэлевич. *Огромное спасибо ему!*

ках. И пусть наши подземные биографии различны, они едины в главном, что составляет всё более уходящую Суть подземного мира. Суть, теряющуюся в конфликтах, разногласиях, претензиях и барьерах – наиболее подлую и значительную часть которых породил издыхающий совок. И от которых мы до сих пор, к сожалению, не можем освободиться.

: Я начинал свой осознанный Подземный Путь с вертикальных пещер Крыма и Кавказа; затем обратился к спелестологии (которая тогда ещё так не называлась) и спелеонавтике, и всю свою подземную жизнь провёл в теневой спелеологии. Которую спелеодеятели ‘официального розлива’ упорно именовали “дикой”. А потому все мои слова об “официальной спелеологии” можно счесть чем угодно – но не “правдой жизни”.

Прошедший спелеопуть от подмосковных каменоломен до глубочайших пещер мира, искренне отдавший себя системе официальной спортивной спелеологии и “отыгравший по её правилам” спелеопятнадцатилетие, Константин Борисович более, чем кто другой, имеет право на *любые слова* в адрес этой порочной системы.

Прозрение – тяжело. Для кого-то в принципе невозможно. Лишь свободный духовно человек способен на постоянное развитие, – не отделимое от Познания мира, от способности осознавать совершённые ошибки, учиться на них – и никогда не отвергать непонятно-новое, пусть даже противоречащее сложившемуся жизненному опыту.

Константин Борисович – настоящий человек. Настоящий писатель и спелеолог. Его книга “Экспедиция во Мрак” – не просто книга; это Вершина Жанра. Ибо ничего, равного ей, в нашей стране о спелеологии до сих пор написано не было.

: Мне думается, что столь замечательное произведение *в нашей стране* не будет издано никогда.

– Надежды на издание моей вещи несколько меньше.

А потому рискну (просьба не считать это литературным воровством) привести несколько фрагментов из его повести:

: Как представляется, они прекрасно иллюстрируют всё сказанное мной в первой книге “Катакомбного Мэйнстрима”.

А также — что предстоит сказать на этих страницах.

Можете считать это неким иллюстративным дополнением.

Или показаниями **свидетеля эпохи.**

Но как можно ссылаться на заведомо неиздаваемую вещь?

: Только цитируя её.

Может, хоть так она станет ближе к Читателю.

Но вначале – рассказ Константина Борисовича о себе.

Я родился, будто вчера. Случилось это знаменательное событие в 1953 году. Не стоило бы упоминать об этом, если бы не тот факт, что я появился на свет ровно за пять лет до официального возникновения спелеологии в СССР.

Теперь, когда СССР перестал существовать, и суверенные республики бывшего социализма стремительно дробятся и разграничиваются, в некогда советской спелеологии наступили трудные времена. Но каждый из нас, связанный общими приключениями в мире Мрака, хранит в душе верность идеалам Бродячего Братства Путешественников и Искателей Приключений.

Братство это неразделимо границами, национальной рознью, идеологическими бреднями.

Так вот. Мои Папа и Мама – потомки русских эмигрантов, по разным причинам вынужденных покинуть Родину. Прадед по отцу – инженер, строил Суэцкий канал и остался в Каире. Прародители по матери – кадровые офицеры русской армии, дворяне, были в 1918 году были вытеснены большевиками сначала в Турцию, а потом в Галиполь, Болгарию. Здесь, на благословенной болгарской земле, изобилующей прекрасными карстовыми пещерами, встретились мои родители, что и послужило основополагающим моментом в написании этой книги.

В 1955 году очередная волна репатриации выносит остатки ностальгически настроенной части русской эмиграции в Сальские степи России. И если это можно рассматривать как жизненную неудачу, то тот факт, что мы вернулись в Россию именно в 1955, а не двумя-тремя годами раньше – можно рассматривать как удивительный подарок Судьбы. Иосиф Сталин благополучно почил в год моего рождения, поэтому в итоге наша семья оказалась не в лагерях ГУЛАГа, а на Алтае – в небольшом горняцком городке Риддере, к тому времени уже переименованном в Лениногорск.

Более того – путешествуя по пространствам СССР в поисках работы и более нормальных условий для жизни, мы оказались за пределами России – в Казахстане. Сегодня, когда Россия осталась за границей, а с ней множество друзей по подземным путешествиям, невольно думается: вот так вернулись на родину!

Правда, Родина – как место проживания, языковая среда, этническая общность – никогда не довлела в моем сознании над понятиями более, на мой взгляд, весомыми – такими как Человек, Доброта, Дружба, Приключения.

Может быть, десяток кровей, доставшийся мне в наследство от широко распутившего корни генеалогического древа нашей семьи, не позволяют мне сегодня ставить какую-либо нацию превыше остального мира.

Я – русский по паспорту. Но во мне русская, французская, итальянская, греческая, польская и другая кровь, почти неразличимая в глубине веков. И я был бы счастлив, если бы на первом месте в моем паспорте значилось – Гражданин Планеты Земля, а происхождение... не лучше ли оставить его на второй строке?

Итак – раннее детство в шахтерском городке Лениногорске. Думается, что это второй в ряду основополагающих моментов в создании настоящего

сочинения.

Далее переезд в столицу Восточного Казахстана – город Усть-Каменогорск. Жизнь ускоряется и вот уже стремительно мчится мимо лица.

В 1970 году я уезжаю в Москву. Рабочий в подмосковном Загорске, затем студент прославленного “Ракетного колледжа на Яузе” – Московского Высшего Технического Училища имени Н. Э. Баумана. Восемь золотых лет.

Именно в Москве Судьба сказала свое решающее слово – она привела меня в Пещеру. В 1973 году я впервые попал в подмосковные каменоломни. Сьяны, Кисели, Силикаты, Никиты, Старица – мало кому известны эти многокилометровые подземные лабиринты в окрестностях Москвы. Но многие из спелеологов Москвы именно в этих каменоломнях начинали свой путь к вертикальным пещерам.

Моя первая настоящая спелеоэкспедиция привела меня в Башкирию. Так я впервые увидел Кутук-Сумган – величайшую пещеру Урала, и эта встреча повернула течение всей последующей жизни. Солнечные ущелья, ласковые леса Башкирии, суровая и прекрасная сказка её подземного мира навсегда вошли в меня. Также как и люди, идущие по тропе спелеологии.

С 1978 года я опять в Восточном Казахстане. Работа на золотодобыче, в металлургии, всё постепенно вытеснялось спелеологией. Но так как эта профессия в странах бывшего СССР не признается общественно значимой и не оплачивается, то поневоле приходилось искать наиболее близкие к ней виды деятельности. Так началась моя работа инструктором юных спелеологов. Вместе с моими юными питомцами я вновь и вновь открывал для себя удивительный мир чистой дружбы и товарищества, упорного труда, неудач и открытий – имя которому Спелеология.

Так родился Усть-Каменогорский клуб спелеологов “Сумган”, на счету которого немало успехов на ниве подземных путешествий.

Вот пришло и мое время подводить первые итоги. Более 30 крупных экспедиций, в том числе международных за 20 лет занятий кейвингом. Десятки пещер, среди которых имена крупнейших пропастей СНГ: КилСИ, Напра, Перовская (им. В. В. Илюхина), Снежная, им. В. С. Пантюхина и другие. Немного, но и немало.

Я не успел к самому началу. Первые легендарные исследования пещер Крыма, Кавказа, Урала, Саян в конце 50-х – 60-х годах прошли вне меня.

И все-таки мне повезло. Я успел вдохнуть полной грудью романтический аромат эпохи первопрохождений. Я работал инструктором на Всесоюзных школах кейвинга, участвовал в соревнованиях и слетах, участвовал в экспедициях, был просто знаком с многими замечательными спелеологами советского периода – основоположниками и зачинателями советской спелеологии и спортивного спелеотуризма. Владимир Валентинович Илюхин, Виктор Николаевич Дублянский, Александр Игоревич Морозов, Даниил Алексеевич Усиков, Владимир Энгельсович Киселев, Александр Борисович Климчук, Владимир Дмитриевич Резван, Эрик Эрикович Лайцонас, многие, многие другие мои учителя, товарищи, коллеги, друзья и соперники. Общение с ними – несравни-

мое ни с чем наслаждение и богатство души.

Создание этой книги – дань моим товарищам. Живым и навсегда ушедшим в Запредельный Мир.

Мы жили в трудные и неповторимые годы становления и расцвета спелеологического движения и исследований на огромных пространствах бывшего СССР. Это беспокойное время бурлило политическими страстями не только на внешней и внутреннеполитической государственных аренах. Политические столкновения, революции, перевороты, интриги и гонения непокорных, борьба школ, учений и группировок – вся эта околоспелеологическая возня не обошла стороной и нас. Спелеология жила общей жизнью страны, вместе с ней входила в перестройку и, как это ни печально, в последующие трудности и упадок, – верю, что временные.

Времена и правители меняются, а пещеры остаются — не правда ли?

Так и мы, спелеологи всех стран, останемся неразделимы. Вопреки границам, деньгам, политике, национальным проблемам – всему тому, чем человечество так упорно осложняет свою собственную жизнь.

И ещё мне посчастливилось стоять у истоков развития в СССР и завоевания признания советской технической спелеологией Техники Одинарной Вербки. Техническая вертикальная спелеология, конструирование и испытания на практике оригинальных образцов спелеологического снаряжения, изучение и совершенствование прогрессивных методов передвижения по подземным вертикалям и спасательных работ, техника и тактика итурма крупнейших пропастей – вот тот Свет, который освещает мою дорогу по пещерам и пропастям.

* * *

... Если существует такого рода наследственность, то мое увлечение подземным миром – не случайность. Оно мне досталось по наследству от отца.

Мои родители, Борис Александрович и Наталья Константиновна, начинали свой трудовой путь на свинцовом руднике “Бориева река” близ болгарского города Кырджали.

Здесь, в Болгарии, встретились они, чтобы соединить свою судьбу. Потомки русских эмигрантов – прадед по отцу инженером строил Суэцкий канал, бабушка по маме, Марина Алексеевна Александрович, вместе с родителями покидала Россию морем из Новороссийска в кровавом 20-м году.

В эмигрантской бедности прошло детство моих родителей. В Софии, под бомбежками авиации союзников, пережили Вторую Мировую войну. Стремись на родину. Одними из первых, ещё находясь в Болгарии, получили советское гражданство. К счастью, разрешение на репатриацию пришло только в 1955 году. Вернись мы раньше — не факт, что автор этих строк смог заняться кейвингом, а не получил бы прописку на лесоповале, пополнив собой список

неизвестных жертв ГУЛАГа.

Обоилось. И в моем крохотном мозгу отпечатались разрозненные картинки раннего детства.

... Вот полутемная комнатка, кровать в углу, я качаюсь на деревянном коне-качалке и вдруг – полет, лежу, кто-то подбегает, хватает на руки. Потом выяснилось, что у моего коня отломилась голова, и я совершил свой первый хороший полет на пол. Сколько мне? Около двух лет. Так начиналось усвоение известной спелеоистины: “Рожденный ползать – летать не должен!”

... Море, песок, какие-то дядьки, и – мяч! Огромный, прекрасный, и я хочу ударить его ногой, как настоящий футболист, а все смеются, и высются вокруг, как великаны. Я “тренируюсь” со сборной Болгарии по футболу в доме отдыха советского посольства в Панчерево. Мне – полтора года.

... И снова море, искры солнца на воде, и я, в оранжевом резиновом круге, плыву, а бабушка держит меня на верёвочке у берега. И так хорошо! Варна – мне нет и полутора.

Дальше в прошлое – мгла: я был, но меня не было. Мы начинаемся для себя – в нашей памяти.

Что же в другую сторону – к настоящему?

... Вокзал. Вагоны-теплушки. Какие-то люди сидят на крышах. Почему на крышах? Мы сидим на перроне: Отец, дядя Гуга и я. Неожиданно поезд на путях перед нами медленно трогается. Дядя Гуга вскакивает, пригибается и вдруг ныряет под движущийся вагон, который катится все быстрее. И пробегает под ним на другую сторону состава. Мы едем в СССР.

... А вот и ветряк! У колодца, на ажурной вышке, крутится ветряной двигатель – большущий пропеллер – моя любовь первых дней на советской земле. Ставропольщина, степной совхоз, куда нас случайно занесло. Маленький домик, беленые комнатки, вода в жестяном ведре на цепи “журавля”. И ветряк!

А потом был шахтерский городок на Востоке Казахстана – Риддер, куда отец с радостью переехал по зову друзей-шахтеров из числа товарищей по репатриации, без сожаления покинув чуждые горожанину сальские степи.

* * *

Что считать Родиной: место, где ты родился, или землю, где живет твой народ?

Что считать своим народом? Чью кровь?

Рассматриваю свое генеалогическое древо и веселюсь: здесь и русские, и поляки, и французы, и татары, и итальянцы – да мало ли кто ещё влил в незапамятные времена животворную каплю своей крови в жилы будущих потомков? Родился в Болгарии, живу в Казахстане, жена еврейка, по паспорту и языку русский, друзья по кейвингу – всех национальностей.

Недалек и преступен кичащийся своей кровью, возвышающий себя над другими из-за разреза глаз или цвета кожи. Ещё безрассуднее – вызывающий к

вражде из-за эфемерных идей или вероисповеданий. Национальная гордыня – бред умалишенного. Память предков, культура и искусство, постижение истории своего народа – достойны уважения, но не повод для самовозвеличивания. Национализм всегда был уделом духовно нищих, но прежде всего – орудием политики: самого лживого и нечистоплотного занятия из всех видов человеческой деятельности.

Кейвинг – вот наш Бог, наше вероисповедание, наше приложение на земле. Не один, но суц.

Спелеология, интернациональная по самой природе пещер, сближает нас, дает возможность лучше понять друг друга, ощутить радость всечеловеческой общности в движении к общей цели. Будущее Человечества, если оно есть, – в подобном единстве и сотрудничестве. Мы должны понять это, если хотим жить, а не исчезнуть во Вселенной по собственной глупости.

* * *

... База-600. Трясу Хардикова за плечо и мучаюсь от неожиданной жалости: парни спят тяжело, в каждую чётточку расслабленных сном лиц въелась усталость. Но мы должны их разбудить, потому что их время на отдых истекло. Мы должны занять место в лагере и отдохнуть – за последние четверо суток мы спали не более 20 часов, – по 6-7 часов на ночёвку. И ещё потому, что это их шанс увидеть Дно.

Они поднимаются, как сомнамбулы, с трудом продираясь сквозь тяжелую одурь сна. Ветер, свистящий по галерее, быстро выдувает последние остатки сонного тепла, принуждает двигаться. Парни смотрят тревожно – от моего решения зависит судьба их попытки. И мне тяжело от сознания этого.

Наверно, для властолюбцев, именно в этом сладостность власти. Тобой решается судьба: чья – неважно. И всё зависит не только от объективности, профессиональности твоего решения, но и – вот в этом-то, кажется, самое главное! – от возможности поступить в полном соответствии с желанием только собственной левой пятки. А значит – через власть самоутвердиться, свести счёты, покарать... И значит – учить, поучать, восходить к непогрешимости, безошибочности, к кепке “Великого Учителя” или венчику “Спасителя и Наставника”, наместнику Бога на Земле.

Вот она – наркотическая притягательность власти! Но также, как далеко не все люди по природе своей могут стать наркоманами и алкоголиками, так и не всем по душе отравы властоимства. Как наркотик, власть необратимо деформирует личность. Причём задевает всех – так или иначе попадающих в её сферу. Власть – обратная сторона рабства, и подобно ему, так же присуща, как и неприемлема человеческой сущности. В вечной внутренней борьбе раба и властелина проходит жизнь, формируется каждая личность.

Что касается меня – я не люблю власть. Принимаю её, как необходимость, когда не могу ничего изменить, но не люблю. Моя стихия – в равновесии

раба и властелина: сообщество свободных, самостоятельных и равных по возможностям. Идеальная среда обитания – общество горизонтального построения, без подлых иерархических пирамид, с вершин которых властолюбцы так славно попирают наши с вами головы.

Скажете, нет такой среды? Есть. Это плоскость, некая поверхность, проходящая в наше время через все вершины существующих иерархических пирамид – выше которых нет ничего: это сфера Высшей власти. Конечно, и президенты наши не чувствуют себя в безопасности, не могут насладиться в полной мере свободой своего Поля. Но причиной тому – только хлипкость самих пирамид, на которых вознесена сегодня среда идеального жизнеобитания – она постоянно колеблется от волнений и катаклизмов, сотрясающих изнутри пирамиды стран и народов.

Когда мы уходим в горы – мы уходим в некую собственную Среду оптимального жизнеобитания, в некую поверхность, уже сегодня отстраненную от пирамид. И решая что-либо за других, мы нарушаем равновесие. Если только не остаемся между собой в согласии относительно верности принятого решения.

Становясь в иерархическую структуру – любую, пусть это экспедиция или коммерческий банк – мы должны добровольно принять правила игры, причём примерив самые худшие их последствия на самих себя. Ан нет! Мы норовим приложить некое условие к другим, бездумно обходя себя стороной.

В экспедиции мы играем по правилам признанным всеми. Решение руководителя может оспариваться только после экспедиции. Это потом тебя можно проклясть, обидеться на всю жизнь, презирать, или наоборот, хлопнуть по плечу и восторгаться. Все это потом – в момент действия решение должно выполняться.

Решение должно выполняться. Именно поэтому надо его правильно принять. Именно поэтому лучше решать за себя. И именно поэтому проще, когда кто-нибудь всё-таки за тебя решает, оставляя тебе потом право (потом, когда ты уже знаешь, чем все это кончилось!) обрушить свои претензии на его голову: “Я же говорил!”

* * *

Далее – фрагмент из авторского предисловия к книге:

«Одним из центров зарождения спелеологии является Франция, она же стала безусловным лидером в области популяризации этой науки и спорта (здесь поневоле напрашивается аналогия с Ж.-И. Кусто, тоже французом). Книги известных спелеологов Эдуарда Альфреда Мартеля и Норбера Кастере выходили огромными тиражами; вся Франция неотрывно следила за ходом многомесячных подземных экспериментов Мишеля Сифра; в “рекордных” экспедициях не последнюю роль играла помощь государства и армии. И в других странах – например, США, Болгарии – спелеологи нередко попадали на первые

полосы газет и экраны телевизоров, становясь не менее знаменитыми, чем кинозвезды, астронавты и политики.

Советская спелеология сравнительно молода: годом её рождения считается 1958 год, когда организационно оформились научные и спортивные коллективы исследователей пещер. “Ребёнок рос резов”: с тех пор открыты и изучены пещеры, стоящие сегодня в ряду глубочайших и длиннейших в мире, а история их исследования (как и сотен других пещер Советского Союза), изобилующая героическими персонажами, примерами мужества и самоотверженности, эпизодами радостными и трагическими, достойна пера нового Жюль Верна. К сожалению, несмотря на это, спелеология, особенно “самодельная”, оказалась у нас в стране на положении падчерицы: официальным спортивно-туристским начальством она не то чтобы преследовалась, но и не поощрялась, а академическая наука представляла её вполне достойно, но несколько односторонне. По части же публикаций ей совсем не повезло: считанные статьи в журналах и газетах плюс несколько переведенных книг (спасибо профессору Н. А. Гвоздецкому). Отечественных изданий – тоже единицы (узкоспециальные научные работы не в счёт).

Может, виной тому — отсутствие “собственных Платонов”?

Пожалуй, дело в другом: уж очень трудно было проникнуть постороннему в государственную издательскую систему (а другой, как известно, не имелось).»

* * *

А теперь – обещанные цитаты с некоторыми моими комментариями:

* * *

«Надо представлять внутривополитическую обстановку в советском спелеотуризме тех лет, чтобы в достаточной мере ощутить аромат времени.

Организационно оформившись в системе советов по туризму и экскурсиям ВЦСПС², советский кейвинг получил название СПЕЛЕОТУРИЗМ и приобрел соответствующую иерархическую структуру. На вершине пирамиды находилась Центральная секция спелеотуризма Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС (ЦСТиЭ ВЦСПС). Возглавил ее, в то время аспирант Института кристаллографии АН СССР, а впоследствии доктор физико-математических наук, москвич Владимир Валентинович Илюхин. Со стороны спелеологии, как науки, спелеотуризмом руководил геолог, а ныне доктор геологических наук, во времена существования СССР председатель бюро Секции спелеологии Научного совета по геологии и гидрогеологии Академии

² ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР.

Наук СССР (НГСиГ АН СССР), симферополец Виктор Николаевич Дублянский. Познакомившись в 1959 году при штурме пещеры Каскадная в Крыму, эти два незаурядных лидера надолго возглавили официальный спелеотуризм в стране – один, как прямой руководитель, второй – как “комиссар”, идейный вдохновитель советских спелеоисследований.

Структура официального спелеотуризма совершенствовалась, приобретала характерные особенности и строение. Прежде всего была создана система подготовки спелеотуристских кадров. Для того чтобы получить формальное право совершать пещерные путешествия, начинающему спелеотуристу необходимо было пройти три ступени подготовки в официальных учебных мероприятиях: школу предлагерной подготовки (ШПП), а затем последовательно лагеря Первого и Второго годов обучения, затратив на это около трёх лет. Далее шла школа инструкторов спелеотуризма.

Понятно, что не у всякого хватало терпения одолеть столь длительный и суровый учебный процесс. Да и попасть на обучение могли далеко не все желающие. А пещеры с каждым годом привлекали к себе все больше внимания. Это становилось неким противоречием, подталкивающим большое число кейверов к самостоятельным спелеоисследованиям, в обход официальных спелеотуристских структур и системы подготовки кадров.

Вторым противоречием в спелеотуризме стала система маршрутно-квалификационных комиссий (МКК), через проверку которых обязаны были процеживаться все желающие совершить спелеопутешествия. Каждая спелео-экспедиция должна была заранее предоставлять в МКК заявочно-маршрутные документы, а по завершении отчитываться о походе с предоставлением материалов топографической съемки маршрута и письменного отчета. По итогам рассмотрения и защиты таких отчетов МКК “засчитывала” или “не засчитывала” путешествие, по особому представлению присваивала или нет спортивные спелеотуристские звания и разряды, фиксируя таким образом квалификацию спелеотуристов.

Говоря о квалификации, следует заметить, что система МКК имела право “дисквалифицировать” любого спелеотуриста за нарушения каких-либо правил или условий, которых постепенно развелось великое множество. Таким образом МКК из консультативного органа, нацеленного в первооснове на обеспечение безопасности спелеопутешествий, превратилась в руках властимущих от спелеологии в удобное орудие для сведения счетов с неугодными.

Если говорить об отчетах и топографических материалах, то, на первый взгляд, в период интенсивного накопления спелеологической информации в стране такой порядок оформления спелеопутешествия казался разумным. В это благодатное время каждый выход в пещеру, порой, приносил новые открытия.

Но время шло, удельный вес первопрохождений в общем числе пещерных экспедиций объективно снижался. А требования к их бумажно-документальному оформлению, узаконенные постановлениями соответствующих организаций, как-то незаметно превратились в обязательные. Без всяких исключений и поправок на время и объективные изменения в спелеологической

обстановке. Показательно, что требования эти, слегка изменяясь, сохранялись в «Правилах проведения туристских походов и путешествий по территории СССР» до последнего дня существования СССР.

Всё бы хорошо, но вот как-то забылось в пылу спелеотуристского законотворчества, что правила эти могут быть обязательны только для добровольцев. Что туризм, тем более такой, за который присваиваются спортивные значки и разряды – сам по себе занятие добровольное. Что каждый гражданин социалистического государства, согласно принятой этим государством Конституции, – существо свободное и имеет право находиться на территории своего государства там, где ему заблагорассудится, кроме, конечно, территорий специального режима посещения.

Но нет — мы не имели права свободно ходить в пещеры, не оформив необходимых бумажек, которые к тому же могли нам подписать, а могли и нет. И если вы всё же отваживались отправиться в пещеру, пренебрегая МКК, то тут вас подстерегала ещё одна интересная структура: туристская Контрольно-спасательная служба системы Советов по туризму и экскурсиям.

Этой службе вменялось в обязанность не столько спасать (для чего спасательные отряды часто не имели ни надлежащей квалификации, ни состава спасателей, ни снаряжения) сколько – “не пущать!” И горе тому, кто без надлежащих маршрутных документов попадал в лапы этих “контрольно-спасателей” – с вами могли сделать все, что угодно. Могли просто не пустить в район, перечеркнув все ваши отпускные планы, затраты на дорогу и подготовку и т.д., могли изъять, в лучших традициях коммунистической реквизиции, снаряжение (а потом забыть отдать), могли написать задержанному на производство или по месту учебы письмо криминального содержания, после чего администрация по месту работы нарушителя должна была принять санкции (как из медвытрезвителя!). А то и того лучше – резали на куски веревки, а самих “дикарей” попросту избивали – для науки, чтоб знали, как с КСС разговаривать.

Я содрогаюсь сегодня, вспоминая те годы, когда мы были вынуждены вести партизанскую борьбу с КСС, пробираясь в свои любимые пещеры. Особенно славен был жестоким произволом и беспределом Крым, где покрыл себя недоброй славой известный в советской спелеологической среде Геннадий Пантюхин. Второе место занимал Урал. На Кавказе было попроще – горы слишком большие, в Азии – вообще благодать. Благородно держались красноярцы, контролируя Саянские пещеры.

Даже нам, возвращенным тоталитарной коммунистической системой, казались тогда противоестественными эти посягательства туристской бюрократии на нашу, пусть относительную, но свободу проводить свое свободное время так и там, где нам хочется. Мы удивлялись, возмущались, протестовали, как могли.

Встречи с КСС оканчивались по принципу “кто сильнее, тот и прав!”

Впрочем, тоталитарный спелеотуризм имел в арсенале не только кнут, но и пряники. Официальные спелеотуристы нет-нет, да и получали с барского стола куски в виде финансирования советами по туризму слетов, соревнований, учебных школ и семинаров, иногда даже экспедиций. Понятно, что немногие

отказывались от возможности позаниматься любимым делом за счет “ничейных” профсоюзных средств. Кто был ближе к вершине спелеотуристской иерархической пирамиды, т.е. к кормушке,— тому перепали более жирные куски и чаще; остальным — что оставалось. Поэтому большинство даже самых рьяных противников советской спелеосистемы не против были сами превратиться в официальных спелеотуристов: именно из-за возможности ходить в пещеры за “народные” деньги, но уж никак не для обременительных ритуалов “ЭмКаКа-КаэСэСной” формалистики.

Так советский спелеотуризм стал отражением в кейвинге всех основных черт камандно-бюрократической коммунистической империи под названием Советский Союз. Чему удивляться?»

* * *

«Тот период был характерен не только стремлением к глубинному полюсу страны, но также борьбой за приоритет между официальными спелеоструктурами Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТиЭ) и “дикими” спелеоисследователями, по тем или иным причинам не входившим в официальные структуры. Так произошло, что пещера, открытая московскими “дикарями” Евгением Мухиным, Павлом Сотниковым и Татьяной Кузнецовой и названная ими аббревиатурой имен — ТЕП, оказалась “заново открытой” в следующем году экспедицией Центральной спелеосекции и переименована в Октябрьскую³. Это название до сих пор фигурирует во многих публикациях, как символ безнаказанного спелеопиратства тех лет.»

* * *

«Противоречия между официальной системой спелеотуризма и основной массой спелеолюбителей страны нарастали. Немалое значение в обострении внутривластной обстановки в советском спелеотуризме сыграл и постепенно портящийся характер председателя Центральной спелеосекции. Вынужденный вести борьбу на два фронта: с чиновниками Центрального совета сверху и с непокорными массами “диких” и уклоняющихся от выполнения придуманных властями правил снизу, Илюхин тем не менее обладал формально и во многих аспектах фактически всей полнотой власти в спелеотуризме. А безграничная власть портит даже очень выдержанных людей. И здесь происходили обычные для тоталитарного авторитарного общества метаморфозы.

Только еще, кажется, каждый коллега по совместным штурмам, подобно Борису Мартюшеву, вместе с Илюхиным принимавшим участие в первопрохо-

³ Символичность данного переименования мне представляется не просто шокирующей,— в этом что-то от *медицинского диагноза, умноженного на криминалистические “отпечатки пальцев”*. [С. Сом]

ждении Назаровской, мог написать что-нибудь вроде:

«... Вот задергалась веревка, висящая вдоль стены: по ней кто-то начал спускаться. “Четко идет: не торопится и со страховкой... Наверное, Илюхин”, – подумал я. Человек на веревке добрался почти до низу, приостановился. Было видно, как он высвечивает дно, оглядывая место приземления. Потом поехал снова: оттолкнулся от стены, качнулся маятником, наконец развернулся и твердо встал на обе ноги рядом с озерком.

– Молодец, Вовка! – сказал я, – Красиво спускаешься: как по нотам»⁴

И вдруг замечаешь, что только было подумалось сказать что-либо, вроде: – Привет, Вовка! – а тебя уже предупредительно, с настойчивой сталью в голосе, поправляют:

– Не Вовка, а Владимир Валентинович!

(Не Коба – а Иосиф Виссарионович. К слову.)

Пусть простят меня друзья Илюхина за такие параллели, но нам, с другой стороны баррикад, все казалось несколько по-иному, чем сверху от кормушки.

Постепенно намечаются разногласия между председателем Центральной секции и лидерами некоторых независимых групп. Разногласия эти “почему-то” часто заканчиваются неприятностями для оппонентов, вплоть до дисквалификации и запрещения ходить в пещеры. Что-что, а уж придрататься к чему-либо можно всегда. О методах борьбы с неугодными могут поведать многие кейверы, по тем или иным причинам оказавшиеся в те годы вне официального спелеотуризма, на языке властей – в числе “дикарей”.

Репрессии илюхинских времен, в числе других, пришлось пережить и выдающемуся советскому спелеологу Даниэлю Алексеевичу Усикову. Тот самый Даня, принимавший участие в исследованиях Дублянского в Горном Крыму, о котором Виктор Николаевич упоминает в книге “Вслед за каплей воды”, ставший даже инструктором илюхинских спелеосборов на Кавказе, руководитель ряда первоисследований на хребте Алек (в пещере Величественная и других) вынужден был, попав в опалу, перейти по его собственному выражению в разряд “частных” спелеологов.

Первооткрыватель входа в пропасть Снежную, руководитель первопрохождения её до –700, Михаил Зверев в сборнике, посвященном 20-летию спелеосекции Московского Государственного Университета⁵, приоткрывает перед потомками одну из таких страничек междоусобной войны Центральной спелеосекции Илюхина с низовыми секциями:

«Рассказ об истории секции МГУ будет неполный, если не упомянуть о её взаимоотношениях с городской секцией спелеологии, возникшей практически одновременно с нами, но вскоре захватившей руководящие места в ЦС по туризму, в маршрутных комиссиях и т.д., и ставшей нашим спелеологическим начальством. Отношения с “городом” ухудшились после поездки на пленум в Красноярск в 1964 году, в которой от МГУ были Алексинский и Гапанович, а

⁴ Б. Мартюшев «Надо – сделаем.» Красноярск, “Из неопубликованного”.

⁵ Сборник «20 лет секции спелеологии МГУ – памяти В. Алексинского, Е. Алексеевой», Москва, “Самиздат”, 1982 год.

от городской секции – Илюхин. Между Алексинским и Илюхиным возникли какие-то разногласия; подробности были известны весьма малому кругу лиц. В дальнейшем эти отношения ухудшились до такой степени, что Илюхин и его ближайшие соратники противодействовали секции МГУ во всех её проявлениях. Не упускалась любая возможность умолчать о работе секции или полить её грязью. Оформление экспедиций в городской маршрутной комиссии крайне осложнилось. Со стороны это может выглядеть дико, но был случай, когда маршрут не был утвержден из-за того, что в список снаряжения не были вписаны спички.»

Другой спелеолог МГУ В. Благодатский вспоминает:

«... Городские руководители постоянно третировали университетскую секцию, как низовую, использовали любую возможность, чтобы ущемить её и, в конечном итоге, запретить ту или иную экспедицию. Эта борьба отнимала у нас колоссальные силы.

... Вспоминая потом этот период жизни секции, я пришел к убеждению, что без этой борьбы секция была бы просто раздавлена и прекратила бы свое существование.»

* * *

«Находясь в Москве в тот нелегкий и интересный период, ставший сегодня далекой историей советского спелеологического движения, я волею случая оказался в числе “диких” спелеологов и в достаточной мере лично ощутил на себе жесткий прессинг в подавлении частного кейвинга системой МКК/КСС. Не однажды нашей спелеогруппе, состоявшей из студентов двух московских вузов МГРИ и МВТУ⁶, приходилось переживать столкновения с отрядами КСС в Крыму и Башкирии – в районах, где мы вели основные исследования. Многие “спасатели” с удовольствием исполняли по отношению к нам и нам подобным полицейско-карательные функции.

В 1976 году у нас реквизировали все снаряжение на туфовой площадке перед Красной пещерой – Кизил-Кобой: мы отправились в путешествие без оформленных документов. Благо, что вели мы себя смирно, и нам, с помощью одесситов, удалось позже вернуть практически всё.

В другой раз только наш численный перевес предотвратил драку с башкирским КСС на пути в Кутукское урочище летом 1977 года, когда нас просто не смогли одолеть.

И это при том, что наши спелеоэкспедиции на добрую половину состояли из профессиональных геологов, гидрогеологов, впоследствии профессионально занимавшихся карстоведением и спелеологией, и мы сами ревниво следили за тем, чтобы пещерному миру не нанести излишнего вреда. Но что КСС было за

⁶ МГРИ – Московский геологоразведочный институт; МВТУ – Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана, ныне МГТУ – Московский государственный технический университет.

дело до этого!

Мы считали ниже своего достоинства скрывать, кто мы и откуда, и в результате получали письма (“телеги”, как мы их называли) по месту учебы, за что некоторых из нас едва не лишали стипендии.

Последствия этих ненормальных отношений внутри советского спелеодвижения не задержали сказаться. К 1978 году только в Москве было более 500 неофициальных кейверов⁷, в то время как Центральная спелеосекция насчитывала едва несколько десятков человек.

Косвенно возникали и более страшные последствия.

В конце марта 1967 года в пропасти Кутук-Сумган погибли руководители спелеосекции МГУ Валентин Алексинский и Лена Алексеева. Вот как описаны эти события в методической литературе⁸:

«Трагический случай произошел в группе спелеотуристов при прохождении пещеры Кутук-Сумган. Группа в составе пяти человек, никого не оставив на поверхности, спустилась в пещеру и работала в ней четыре дня. Подойдя при возвращении к последнему 70-метровому колодцу, участники обнаружили, что лестница и две веревки, которые оставались навешенными все эти дни, обмерзли и покрылись льдом.

Первым стал подниматься наиболее опытный участник (В. Алексинский, уточнение автора), цепляясь за ступеньки лестницы поочередно двумя карабинами, привязанными к беседке и обвязке, и обивая лед скальным молотком. За два часа он поднялся на 50 метров; в этот момент сверху по лестнице пошел небольшой поток воды, вызванный таянием снега. На поднимающемся не было гидрокостюма. Со дна колодца, благодаря проникающему через широкую горловину шахты дневному свету, было видно, как спелеотурист проработал ещё некоторое время, затем перестал работать. Ответа на оклики снизу не последовало.

⁷ Мне думается, раза в два больше. Как минимум. Ибо Серафимов считает, судя по всему, лишь “вертикальных нелегалыщиков” (подсчёт которых сам по себе близок к подсчёту прячущихся в лесах партизан), – но ведь в подмосковные каменоломни ходило не меньшее количество “упёртых катакомбистов”, и многие из нас (я в том числе) посещением вертикальных пещер “вовсе не брезговали”. Могу сказать, к примеру, что только “дворцовое объединение” SCO к восьмидесятым годам насчитывало не менее 100 участников – при том, что в основном занималось исследованием вертикальных пещер Кавказа и Крыма и ни с какой “официальной спелеологией” себя никоим образом не соотносило; не меньше спелестологов и спелеологов было тогда и в нашем Никитском Кругу. И это – только по Москве. Так что, когда Владимир Мальцев в своей книге “Пещера мечты, пещера судьбы” говорит о *тысячах “нелегалов”* против нескольких десятков “официалов” – он прав. [Прим. С. Сом]

⁸ Имеются ввиду «Методические рекомендации маршрутно-квалификационным комиссиям, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности», составители текста М. П. Аронов, В. В. Илюхин, В. К. Шашурин. Москва, ЦРИБ “Турист”, 1977 год, стр. 48.

После того, как он перестал подниматься, подъем начала девушка (Е. Алексеева, уточнения автора) – наиболее опытный спелеотурист в оставшейся группе. Она поднималась тем же способом, что и первый участник, надев на себя рванный самодельный гидрокостюм, склеенный из полиэтиленовой пленки. Вода текла уже по всей лестнице. Через 50 минут снизу услышали крик и увидели, что луч фонаря, раскачиваясь, скользит по стене.

Как оказалось, перед входом в шахту в углублении скапливалась талая снеговая вода, которая к концу дня переливалась через край и начинала течь в пещеру. Первый спелеотурист с момента начала душа поднялся ещё на 13 метров и был около самого карниза, за которым начинается катушка в виде закругляющегося склона. Там лестница лежала в желобе и полностью покрывалась льдом, что существенно затрудняло подъем. Первый участник не видел этого и, по-видимому, рассчитывал быстро подняться. Девушка не дошла до него около 4 метров. Когда их вытащили наверх, они были покрыты льдом. Медицинское освидетельствование установило смерть от переохлаждения. Оставшиеся в пещере участники поднялись на поверхность с помощью местных жителей.

Если бы спелеотуристы поднимались в этих условиях с верхней страховкой, то время пребывания даже на обмерзшей лестнице сократилось бы во много раз и удалось бы избежать длительного воздействия ледяной воды. Ситуация была бы иной, если бы лестница висела в стороне от желоба, по которому сбегала вода.»

Сухие в своей педантичности строчки официальной литературы, за которыми стоит трагедия. Оставим на совести авторов выводы о возможных вариантах предотвращения трагического исхода той экспедиции. Знать бы, где упадешь, соломку бы подстелил! Но была и ещё одна причина гибели московских спелеологов. Очень важная, если не главная. Об этом пишет член спелеосекции МГУ Г. Бенце:

«Потом, уже год спустя, я участвовал в работе какой-то комиссии, разбиравшей несчастные случаи со спелеологами СССР. Задачи этой комиссии, заседавшей в здании ВЦСПС, были не дисциплинарные (То бишь не наказывать собрались! Прим. автора), а просто понять, по каким причинам могут быть осложнения в пещерах. Все рассматриваемые происшествия так или иначе были связаны с водой... Что же касается Вали с Леной, то выступивший там Дублянский, по-моему, очень правильно отметил решающую роль, которую имели в случае с ними плохие отношения между университетскими спелеологами и их городским начальством. Эти плохие отношения, сказал он, лишали Алексинского и его ребят возможности потерпеть поражение (сразу последовали бы различные репрессии), диктовали жесткую необходимость выйти к намеченному сроку и т.п.

Тогда же дискутировался вопрос: можно ли при спуске под землю никого не оставлять наверху? Мой собственный взгляд на это менялся несколько раз, тогда я считал, что нельзя, но сейчас думаю – а как же скалолазы лезут на несколько дней на стену и нигде никого не оставляют?

Вале нужно было иметь больше терпения, отступить, выждать, пока пройдет вода, дожидаться утра и тракториста, но этого-то и нельзя было делать из-за жестких сроков»⁹.

Последствия оказались трагичны...

Заканчивая эти довольно неприятные размышления, вспоминаю один случай.

Уже позднее, когда я тоже “выбился” в люди, стал руководителем усть-каменогорского клуба спелеологов “Сумган”, мне не раз приходилось работать инструктором региональных и всесоюзных спелеосеминаров.

И вот однажды на Буковой поляне хребта Алек один из приятелей, бывший тогда начальником контрольно-спасательного отряда (не буду называть имени, он когда-то был моим другом), доверительно рассказывал мне, как его спасатели и он лично “били морды дикарям”, изымали снаряжение, куражились и издевались над своими коллегами. И только за то, что у тех не было бумажки со штампом МКК, разрешающих маршрут.

Мы сидели на Буковой, он рассказывал, я изумленно слушал. И постепенно приходило понимание того, что рассказ этот ничуть не смущает моего приятеля, что он до сих пор считает себя и своих товарищей правыми, честно выполнявшими предписания Центра – бороться с “дикарями”. Им приказывали, и они боролись. Неважно, какими средствами и методами, главное, что действовали во исполнение инструкции.

А ведь мы вместе с этим парнем работали в сложных экспедициях, страховали друг друга, и не было надежнее напарника, приятнее собеседника, добрее друга. И все только потому, что мы работали вместе, и оба были инструкторами спелеотуризма, и оба имели официальные документы? А если бы мы встретились на тропе немного ранее: он – начальник КСО, а я – “дикарь” без документов? Я уже не мог ответить однозначно на этот страшный по своей сути вопрос. Вернее, мог, но не хотелось верить, что это могло бы быть...

Вот так стреляли в мирных жителей советские солдаты в Афганистане; милиция и спецназ – в демонстрантов Тбилиси, Алма-Аты, Вильнюса. Приказано! И так же вели себя американские солдаты во Вьетнаме. Многие, большинство... но не все. *Не все — и в этом суть.*

Апофеозом произвола зарвавшихся в опьянении властью лжеспасателей можно назвать другой, совершенно уже невероятный случай. В феврале 1986 года моим коллегам из нашей московской спелеогруппы под руководством Евгения Войдакова привелось пережить четверо суток заточения на дне все того же входного 70-метрового колодца пропасти Сумган-Кутук¹⁰.

⁹ Г. Бенце «Спелеология дала мне друзей», сборник «20 лет секции спелеологии МГУ», Москва, “Самиздат”, 1982 год.

¹⁰ Этому беспрецедентному случаю был посвящен ряд публикаций советской периодической печати, в частности статья «Спасатель-каратель» в журнале “Турист” № 2, 1987 год. Была создана даже комиссия ЦС по ТиЭ, выезжавшая на место для того, чтобы разобраться в ситуации, но Система всегда так или иначе защищала своих легионеров, тем более штатных работников, и дело,

Экспедиция завершала работу в верхнем сифоне подземной реки Сумгана, когда в пропасть спустилась двойка спасателей КСО башкирского города Салавата, в ведении которых находится район пещеры. Гонцы передали Войдакову письменное указание начальника спасателей немедленно закончить работы и покинуть пропасть. Что значит “немедленно” в условиях проведения развернутых работ в сифоне подземной реки? Масса баллонов из под сжатого воздуха, акваланги, подземный базовый лагерь со всем снаряжением... Чтобы только упаковать все это для подъема с глубины –130 метров на поверхность, понадобится несколько часов. Начальник Салаватского КСО был хорошо знаком с многими участниками этой группы, встречался с ними, накануне выезда группы в экспедицию был предупрежден об этом по телефону, и отлично знал, что **команда не занимается спортивным спелеотуризмом** [курсив мой – С. Сом] и не оформила в МКК туристских маршрутных документов.

И вот – требование немедленно подниматься. Посовещавшись, москвичи послали вверх записку, где предупреждали спасателей, что подводные работы практически закончили, и завтра начнут подъем на поверхность.

Так и поступили. Каково же было изумление парней, когда, подойдя ко дну входного колодца пропасти, они не обнаружили своих, навешенных в нём, веревок! Это была шоковая ситуация. Увидеть в семидесяти метрах над головой голубое небо, к которому тебе не по чему подняться. Семьдесят метров, и гладкие исполинские стены. Веревок не было.

Так начальник “наказал” строптивых друзей – выбрал веревки из входной шахты и попросил пастуха с близлежащей фермы сбросить их в пропасть дней через пять, если раньше ничего не произойдет: “Мол, выбрал веревки, чтоб не заледевели.” Трагический случай с экспедицией МГУ десять лет назад здесь хорошо помнили все местные жители. Сказал так, а сам ушел с отрядом в город, доложить по-начальству.

[...]

Каждый, прочитавший эти строки, может примерить на себя эту ситуацию. Что бы вы стали делать? Парни перетасили всё снаряжение под входной колодец, поставили палатку и стали считать запасы наличного освещения, горючего и продуктов.

С гордостью за своих друзей хочу сказать, что состав экспедиции подобран достаточно опытный и спокойный. Среди спелеоподводников вообще не бывает слабонервных – срабатывают эволюционные законы естественного отбора.

Экспедиция практически завершила работы, поэтому наличные запасы её оказались весьма скудными. Бензина для примусов практически не было. Батареек для фонариков тоже. На последних тусклых лучиках прошли по ближней лабиринтовой части пропасти, собрали все, какие могли бревна, спущенные в пропасть с целями штурма и благоустройства базовых лагерей. При помощи последних остатков сжатого воздуха в баллонах аквалангов раздули костер их этих пропитанных водой дров.

не дойдя до суда, было спущено на тормозах.

Продукты поделили из расчета на две недели ожидания. Получилось по крохотной пайке на день. Потом залезли в спальные мешки и стали ждать.

Ждали четыре дня.

– Смешная история, – сказал Ромка.

– Подохнешь тут со смеху, – сказал Вовчик.

Остальные промолчали.

– Тише! – вдруг осипшим голосом, сказал Женька.

На четвертые сутки в пропасть упали веревки. Пастух, поразмыслив о странной просьбе начальника спасателей, заподозрил что-то неестественное, а значит, неладное и решил вернуть навеску в шахту на сутки раньше.

Первое, что сделал Войдаков, вцепившись в упавшие с неба веревки, это накрепко привязал их к стволам и глыбам на дне колодца. Чтоб опять не вытащили.

Чем черт не шутит, когда Бог спит!¹¹

Нельзя жить в мире и быть свободным от его влияния. Так неприглядная действительность коммунистического феномена XX столетия накладывала тяжелый отпечаток на, казалось бы, такую совершенно аполитизированную область, как спелеология.

Другой конфликт Илюхина, на этот раз с Даниэлем Усиковым, привел к ожесточенной борьбе за приоритет при исследовании пропасти Снежная на Кавказе.

К тому времени у Центральной и приближенных к ней спелеосекций наметилась ещё одна неприятная тенденция: *присваивать открытия “дикарей”*. Иллюстрацией тому – уже упомянутый нами случай с пещерой ТЕП, переименованной в Октябрьскую. Увы, это не единичный случай спелеопиратства.¹²

Нечистоплотность всегда отвратительна, в чём бы она ни проявлялась. И присуща она, к сожалению, не только эпохе Илюхина. Если о попытке группы красноярца З. Залиева вырвать успех в пропасти Форельная у москвичей под руководством Е. Снеткова мне рассказывала участница тех событий москвичка Таня Немченко, то мне лично привелось стать участником событий, когда наша совместная с болгарским клубом “Академик” (София) экспедиция 1987 года в Киевскую была обворована свердловчанами под руководством С. Валуйского. Об этой экспедиции ещё будет рассказано. Скажу лишь, что в 87-м году мы потерпели в Киевской тяжелую аварию и вынуждены были с помощью наших друзей, узбекских и туркменских спелеологов вести трудные спасательные работы, поднимая из пропасти тяжело травмированного болгарского спелеолога. В суматохе спасработ в пропасти осталась часть болгарского снаряжения. Естественно, что мы обратились за помощью к свердловчанам, идущим в пещеру вслед за нами – с просьбой вынуть и вернуть иностранное снаряжение, чтобы мы могли передать его болгарам. Помогли! Вернули полторы веревки, и сказали, что больше ничего не нашли. Блестящие иностранные карабины

¹¹ “Чем спасатель не шутит, когда Бог спит!” – С. Сом.

¹² Вспомним ситуацию вокруг пещеры Каменный Цветок (“Геофизическая”) на Кугитанге. [С. Сом]

оказались дороже чести.

Не хотелось верить, что такое возможно, но позже, участвовавшие в составе той свердловской группы оренбуржцы подтвердили: были и карабины, и веревки, поделенные свердловчанами. А два года спустя на Всесоюзном слете в Свердловске я видел у Валуевского тот, “кырктаусский”, зеленый болгарский карабин. Видел и... ничего не сказал. Просто стало очень противно и больно.

Да, нечистоплотность присуща не только давней истории — но *эпоха Илюхина явилась законодателем мод*. Стоило появиться на горизонте сколь-нибудь перспективному району или пещере — как властимущие спелеотуристы устремляли к ним свои честолюбивые стремления.

Так получилось и со Снежной. Не могло получиться иначе! Едва появилась информация об открытии на Бзыби и прохождении МГУшниками новой пропасти до Пятого завала, в пещеру немедленно организуется ряд экспедиций Центральной спелеосекции, Свердловска и Красноярска. Центральная спелеосекция вообще была связана тесными узами со Свердловской городской спелеосекцией (СГСС). Если взглянуть в спелеотуристскую литературу тех лет, невольно закрадывается подозрение, что все лучшие умы советского спелеотуризма были сосредоточены именно в этих двух коллективах — авторы подавляющего числа методических материалов непременно, если не из ЦС, то уж точно из СГСС!

Красноярск, этот независимый и наиболее мощный по численности спелеотуристов клуб России (возглавляемый сначала Игорем Петровичем Ефремовым, а затем почти до последнего времени Юрием Ивановичем Ковалевым) был Центральной спелеосекции просто не по зубам, и Илюхин предпочитал сохранять с красноярцами дружественные отношения.

Так что Илюхин, прослышав про новую претендентку на всесоюзный рекорд, тут же поспешил собрать верных ему легионеров, и атаковать Снежную. Что ж, силы были неплохи. Но...

Дважды отступали красноярцы.

Наконец Всесоюзная экспедиция прорывается через заколдованный Пятый завал вверх, в неизвестный зал и называет его “Надежда”. Но надежды не сбылись. Вновь выйти из зала Надежды на подземную реку Снежной экспедиции не удалось.

Очередная экспедиция союзных ЦС москвичей отступает от Пятого завала Снежной в 1975 году. И внимание Центральной спелеосекции переключается на Кырк-Тау, где в 1976 году Всесоюзная экспедиция наконец возвращает себе рекорд, отобранный было в Снежной “дикарями-МГУшниками” Зверева. В Киевской достигнуто дно на более, чем километровой глубине: –1080 метров дает топографическая съемка первопроходцев.

Но... неувязочка! Экспедиция-то хоть и всесоюзная, но... без ЦС! Пантюхин, Крым, Пермь какие-то. Как так? Прошли километровый рубеж и без Центральной спелеосекции? Шалишь!¹³

¹³ Вообще, конечно, не может не поражать просто невероятное количество грязи и интриг в официальной спортивной спелеологии: те же крымчане

И в Киевскую отправляется экспедиция Илюхина, чтобы вторично определить глубину пропасти при помощи гидронивелирования. Этот метод определения глубин, основанный на принципе сообщающихся сосудов очень трудоемок и требует изрядного мастерства от исполнителей. Парни Илюхина поработали на славу и вот... сенсационный результат: глубина Киевской не 1080, а всего лишь –950 метров!¹⁴

Скандал! Его немедленно постарались раздуть по всей стране. Острие удара было направлено в Крымскую секцию – осмелились опубликовать непроверенные данные! Данные попали за рубеж! “Русские не умеют делать топосъемку!”

И почему-то, сходу забрав данные Всесоюзной экспедиции, никто не усомнился в точности Илюхинской съемки. Цифра, выданная властями от

Пантюхина с удовольствием выполняли инструкции “центра” по отлову “дикарей” – но, однако же, были чем-то неуютны Илюхину. Спелеосекция МГУ применяла именно спортивно-нахраповые методы штурма пещер – “чисто илюхинские” – но тоже чем-то не угодила. Несмотря на то, что под её крылом вкалывали на карательной функции спелеорлы типа Мальцева и Вятчина, и уже после “московского дворцового переворота” первогодки этой секции усердствовали на карательных работах против никитян [см. «Кейвлайвинг»]... И тот же Мальцев, явно выполнявший в спелестологии (точнее – против неё) инструкции центра, хвастается в своей книге: мол, “скинул с Морозовым Илюхина”. Кстати: упоминания о светлой революционной роли Володи в “московском спелеоперевороте” у Серафимова вы не найдёте. Нетрудно догадаться, почему: ведь о роли своей нам рассказывал Мальцев... “20 лет спустя”, тем более по смерти главного свидетеля, конечно, можно *вещать в форме вольного трапа*: «мы с Морозовым...» На похоронах Саши я В. Мальцева не приметил. Может – потому, что было не до того. Может по другой очевидной причине. [С. Сом]

¹⁴ В 2005 году вышла “крайне слабо” написанная книга одного из участников этих событий, А. Ефремова [«Путь вниз преграждают сифоны»]. Многие годы Ефремов работал совместно с Илюхиным и был его верным соратником – несмотря на случавшиеся разногласия и ссоры, вызванные диктаторским характером Илюхина. О событиях ‘совсем неприглядного характера’ Ефремов осторожно умалчивает, – об иных повествует так, что невольно вспоминается анекдот с ключевой фразой недоумевающего полиция после расстрела подпольщиков: «Хлопцы, похоже, обиделись?...» Но вот что он прямо говорит об илюхинском “гидронивелировании” Килси, что производилось в его присутствии: Илюхин явно спешил, халтурил, и, похоже то-ли в спешке, то-ли по иной причине “позабыл” измерить глубину нескольких колодцев. Конкретно – один тридцатиметровый, который Ефремов называет с уверенностью. Это пишет илюхинский друг, приложивший все усилия для того, чтобы обелить образ Илюхина — пусть и теперь, годы спустя. Собственно, вся его книга посвящена этой задаче. Можно представить, как *на самом деле* производились эти измерения... [С. Сом]

спелеологии, немедленно попала в официальные сводки и до сих пор фигурирует в пещерной статистике. Неужели съёмщики Всесоюзной спелеоэкспедиции были менее квалифицированы, чем илюхинские? А преимущества метода гидронивелирования перед полуинструментальной – при помощи компаса и эклиметра, топографической съёмкой весьма относительны. Как в первом, так и во втором случаях место для погрешностей и ошибок всегда остается – тем более, если учесть, что речь идёт о пропасти километровой глубины.

Надо сказать, что точная глубина Киевской дискутируется до сих пор. Ещё дважды разные спелеоэкспедиции предпринимали попытки выяснить точную денивеляцию пропасти. Были получены данные 1020 и 980 метров. Последний результат был получен при помощи баронивелирования, проведенного ташкентской спелеосекцией в 1987 году. При этом из всех, взятых под землю воздушных высотомеров-альтиметров, уцелел один, – по которому и взяли конечный отсчет.

Простое сложение всех четырех результатов и вычисление среднего арифметического дает цифру –1007 метров, что очень близко соответствует действительности. Киевская заслуживает своих –1000 метров, хоть это, пожалуй, и самая простая из советских километровых гигантов. Самая простая и самая приятная для прохождения. Так показалось мне после двух посещений этой прекрасной пропасти в 1986 и 87 годах.

Неясно, как отнеслись за границей к этому, раздутому ЦС, “конфузу” с определением глубины среднеазиатского полюса глубины. В то время большинство из нас было надежно отгорожено от “коварной” заграницы коммунистической заботой о нашем идейном здоровье. Простые спелеотуристы за рубеж не попадали. В зарубежных поездках участвовала прежде всего верхушка Центральной спелеосекции и приближённые к ней, а также такие супер-клубы, каким во все времена оставался Красноярский Краевой Клуб Спелеологов. Известны поездки советских спелеологов в Польшу, Венгрию, Болгарию, участие советской делегации в VI Конгрессе Международного Союза Спелеологов (МСС – UIS) в Чехословацком городе Олмоуц в 1973 году.

Верхушка советского спелеотуризма имела контакты с зарубежным спелеодвижением, получала разнообразнейшую информацию о состоянии дел в западной спелеологии и спелеотехнике, но...

В оценке деятельности первого председателя ЦС – официального лидера советского спелеотуризма на протяжении первых пятнадцати лет – возможны противоречивые оценки. Многое теперь уже растворилось в прошлом. Но начиная углубленно погружаться в его документы, наталкиваешься порой на удивительные факты.

Например, что послужило причиной тому, что советский технический вертикальный кейвинг выбрал свой собственный путь развития – применение стальных тросов, в то время как весь мир переходил к технике “Одинарной веревки” (SRT)? Только ли тот печальный факт, что в нашей стране до последнего времени не производилось в достаточном количестве пригодных для спортивных целей нейлоновых веревок? Конечно нет.

Главная причина, без сомнения, в том, что советский спелеотуризм был устроен также, как и государство, в котором он существовал. Сумасшедшая централизация, жестокая цензура, приоритет, пусть бредовых, но своих разработок < все разрушалось “до основания, а затем!” >,- воспитание отношения к Западу, как к рассаднику капиталистической чумы-идеологии.

Илюхин со товарищи, обладая самыми современными зарубежными техническими разработками, в силу разных причин не могли, а может быть, и не хотели, оценить их положительных качеств. Оригинальная западная информация долгое время оставалась для широких масс спелеологического движения страны терра инкогнита, куда впускались только избранные. Верхушка по-своему перерабатывала разработки зарубежных школ спелеологии. Перерисовывая (в буквальном смысле!) картинки из французских, австралийских, английских учебников по кейвингу, Илюхин и его соратники тут же давали им советскую трактовку в духе сложившейся в стране спелеотехники. Ну, например, пририсовывали вторую веревку к иллюстрациям по SRT! Взять хотя бы широко известные «Путешествия под землей» В. В. Илюхина и В. Н. Дублян-ского или методические рекомендации по технике спелеотуризма, выпускаемые в те годы¹⁵.

По крайней мере, всё это было некорректным по отношению к истине. А по большому счету наносило серьезный вред советскому любительскому спелеологическому движению. Потому что ничем нельзя нанести такой ощутимый ущерб, как утаиванием или искажением информации.»

* * *

«Описывая эти события, я наверняка пристрастен. Всё унижение, пережитое мной по осознанию чудовищного обмана, пронизавшего нашу доперестроенную жизнь, на котором взращивалась наша вера в коммунистическое будущее, приправлено горечью понимания, что даже дело спелеологии – святая святых бескорыстных и беззаветных её рыцарей – даже дело спелеологии оказалось круто замешанным на лжи и обмане, на политических интригах, борьбе за власть и место у кормушки.»

* * *

¹⁵ В. Н. Дублянский и В. В. Илюхин «Путешествия под землей», Москва, “ФиС”, 1981 год, или «Методические рекомендации по технике спелеотуризма» – разработчики С. М. Голубев, А. П. Ефремов, В. В. Илюхин, А. Ф. Рыжков (Москва, ЦРИБ “Турист”, 1981 год) и другие. Не имея никаких претензий к В. Н. Дублянскому в его части карстоведческо-спелеологической информации, я отношу свои замечания к техническим специалистам Центральной спелеосекции и других соавторов этих публикаций.

«... в это время в Москве зарождалась ещё одна команда, которой предстояло вписать немало славных строк в историю советского спелеологического движения. В 1973 году на основе личной дружбы двух замечательных спелеологов – Даниэля Алексеевича Усикова и Александра Игоревича Морозова, и возникшего у них неистребимого интереса к пропасти Снежная – начинает свою деятельность группа, получившая название по имени любимой пещеры: “Снежная”¹⁶.

Первая же экспедиция группы в пропасть, давшую ей свое имя, столкнулась с жесточайшими погодными условиями осенней ноябрьской Бзыби 1973 года. Трижды приходилось спелеологам откапывать входную часть пропасти, так как лавины с бортов её крутоскальной входной воронки раз за разом пробивали 200-метровую вертикальную ледовую часть пещеры, закупоривая её 15-метровыми снежными пробками. Борясь с лавинами, экспедиция сумела спуститься по ледовой части пропасти, дошла до Большого зала на отметке -200 метров и вынуждена была отступить.

Тем не менее через год Усиков и Морозов вдвоем проходят до Пятого завала Снежной и благополучно возвращаются. Это был беспрецедентный выход для тех лет. Следует учесть, что “Правилами” советского спелеотурзма категорически запрещено соваться в пещеры такой категории сложности в составе, меньшем шести человек. А тут – вдвоем!

Успех “частных русских спелеологов” не остался незамеченным и вызвал

¹⁶ Морозов познакомился с Усиковым в середине шестидесятых годов. Со своим другом Георгом Людковским он пришёл в центральную спелеосекцию “поучиться настоящей спелеологии”; давний друг Саши (ещё по освоению подмосковных Силикат в начале шестидесятых годов и коллега по работе в ГИАПе) Юра Франц, не принявший такого шага Морозова, отошёл от него. Но в спелеосекции Морозов и Людковский близко сошлись с Даниэлем Усиковым – тогда уже вполне официальным инструктором. Прозанимавшись “спелеологией по-Илюхину” под началом Усикова какое-то время, они поняли всю пагубность исключительно спортивного отношения к пещерам. В результате вместе с Усиковым вышли “из официальных спелеологов” – случай по-своему беспрецедентный! Соответственно, Снежная пришла в сашину жизнь позже. Кстати, в 1981 году в Снежной Саша с товарищами – демонстрируя на деле своё “неспешное”, спелеонавтическое отношение к Миру Подземли и одновременно бросая демонстративный вызов спортивной спелеологии Илюхина, осуществил замечательное *трёхмесячное групповое Пребывание*: на глубине около одного километра. По сути, это Мировой Рекорд.

Теперь подумайте: нужны были ему для этого Пребывания какие-то справки и разрешения? Кто бы мог их выдать Морозову — где тот неведомый советский спелеонавт-рекордсмен, что обладал в те годы большим, чем Саша, опытом – и, соответственно, мог бы должным образом “аттестовать” его группу перед Погружением???

: МКК могла только ЗАПРЕЩАТЬ. Ни к чему большему она – *по определению* – не была пригодна. [С. Сом]

серьезное возмущение спелеотуристских властей.

Группа “Снежная”, не обращая внимания на давление официальных властей, начинает скурпулёзное изучение сакраментального Пятого завала. Экспедиции следующего, 76-го года, оканчиваются неудачно. Завал не сдается. Но вот в 1977-м!...

Мы можем “заглянуть” в те дни, перелистав воспоминания Даниила Усикова¹⁷.

А. Морозов, Д. Усиков и В. Федотов поставили лагерь у Пятого завала, чтобы не тратить силы на подходы к району работ. Потом это станет излюбленным приемом “морозовской” тактики. Фортуна любит упорных и сообразительных. В первый же день поиска, отодвинув каменную глыбу на пятиметровой высоте, группа смогла выйти в огромный зал Надежды, открывающий путь в систему Анфилады. Но главный успех ожидал группу на второй день. Поднявшись на 90 метров между глыб Пятого завала, спелеологи вышли в доселе неизвестный громадный зал. Спуск по глыбовому навалу на его полу позволил снова выйти к подземной реке Снежной за Пятым завалом на глубине –780 метров.

Это была победа! Так и называли долгожданный, открытый группой, зал – зал Победа.

Понятно, что в следующем, 1978 году, Морозов и Усиков снова отправляются на Бзыбь. Экспедиция “частных русских спелеологов” снова выглядит не совсем обычно.

Но послушаем одного из авторов успеха в Снежной Даниэля Усикова:

«... ситуация выглядела достаточно комично. Посудите сами. “Группа”, состоявшая из двух спелеологов (Володя тогда ещё не приехал), пятерых детей, женщин (жен) и небольшого числа знакомых этих спелеологов, поставила перед собой “скромную” задачу: пройти Снежную дальше. То есть сделать то, что не смогли сделать шесть предыдущих экспедиций, включая одну Всесоюзную, за четыре предыдущих года. Наверно, единственное, что удерживало... от желания показывать на нас пальцами и кататься от хохота, это дошедший через Зверева слух о нашем успешном спуске в Снежную вдвоем в 1975 году».

Вот в таком составе группа “Снежная” готовилась к решающему прорыву. Прорыв состоялся. Пробившись через Пятый завал, спелеологи спускаются на “Глубокую реку” Снежной и продвигаются по ней до Шестого завала.

Об успехе группы “Снежная” знали немногие. Все хранилось в строжайшем секрете. Первопроходцы справедливо опасались реакции Илюхина и ЦС, уже прославившими себя пиратскими действиями. В мае 1978 года, забрасывая в пещеру продукты и снаряжение для решающего штурма летом, снежники принимали все возможные меры для сохранения своих действий в тайне, а грузы в сохранности. В укромном месте пещеры был устроен тайник, где и замаскировали доставленное снаряжение и жизнеобеспечение будущей экспедиции.

¹⁷ Д. А. Усиков «Глазами друзей», сборник «20 лет секции спелеологии МГУ», Москва, “Самиздат”, 1982 год.

«... Вдруг Саша [Морозов, пояснение автора] остановился и прокричал бодрым голосом:

– Теперь успех нашего дела в ваших руках. Если не дотащите вещи до тайника, Илюхин летом все конфискует!»¹⁸

Как говорится, комментарии излишни.

И все же слухи о прорыве в Снежной не могли не просочиться в “народ”. Читаем Усикова:

«После открытий 1977 года мы передали новые планы Снежной Ноздрачёву. Спелеологи МГУ дали слово без нашего разрешения не разглашать эту информацию и слово сдержали.

Произошел забавный случай. В Москву приехал спелеолог из Красноярска. Войдя в клуб, он первым делом обратился к Фурману с вопросом: “Ну, не томи, рассказывай быстрее, как вам удалось пройти Пятый завал в Снежной?” В зале наступила заинтересованная тишина. Спелеологи МГУ тоже обратились во внимание. У Фурмана глаза полезли на лоб:

– Там не было москвичей. Там вообще никого не было в 1977 году!

Ему да не знать, кто где был!

Красноярец оторопел и стал потом горячиться. Даже чертить схему, поясняющую, где, собственно, удалось пройти завал. Но Фурман смотрел на него, как на тяжело больного. Спелеологи МГУ тоже подошли поближе и стали восклицать:

– Надо же, а мы и не знали!

В общем красноярец решил, что их секцию здорово разыграл какой-то шутник-спелеолог из Москвы, который в Адлере битый час заливал про Снежную... Кому же тогда верить?»

* * *

«В 1978 году группа Усикова-Морозова прошла Шестой завал, вышла на “Мелкую реку”, миновала Седьмой завал, Гремящий зал и остановилась перед водопадом. На его дно, используя последнюю оставшуюся веревку, спустился Усиков. Водопад был назван “Рекордный”.

Но рекорд Киевской, даже укороченный Илюхиным, все ещё держался. Снежная дала “только” –940 метров. Но! Она продолжалась!»

* * *

«Группа “Снежная” уверенно стремилась к рекорду страны.

Первая же экспедиция 1979 года снова была уникальна по составу: она состояла всего из двух человек – командира Данилы Усикова и бойца Татьяны Немченко.

¹⁸ Там же.

– Шли мы не как-нибудь — с телефоном,— вспоминала как-то при нашей встрече в Москве Таня. — Данила то убегал назад, то вперёд — все линию проверял да перетягивал. Ну, а мне что оставалось? Понятно: тащить мешки!

Так, в 1979 году, миниатюрная девушка-москвичка с тихим голосом, превзойдя рекорд киевлянки Крапивниковой, стала “самой глубокой женщиной” СССР.

– Знаешь, как они меня называли? — шутливо обижалась Таня. — Самой “низко опустившейся”!

Доблестная двойка дошла до водопада “Олимпийский” (страна готовилась к принять Олимпиаду!) на отметке –1190. Киевская осталась позади! Теперь уже километровый барьер в пропастях Союза рухнул с гарантией.

И неожиданно совсем близко замаячили титулованные иностранцы¹⁹. Неужели, дотянемся? Трудно было поверить в такую возможность.

В том же, 1979 году на Бзыби произошло ещё одно, на первый взгляд не-приметное событие. Крымские спелеологи под руководством Г. С. Пантюхина открыли в урочище Абац новую пещеру на дне неказистой карстовой воронки. Пещеру назвали именем погибшего ранее альпиниста-спелеолога Вячеслава Пантюхина.

Кто мог тогда подумать, что родился ещё один будущий гигант? Разве придет в голову, глядя на иную заурядную воронку, из которой слегка подувает на рассвете ветерок, что это дверца в когарту исполинов?²⁰

Помни! Даже самая великая пропасть всегда начинается с Первого колодца.»

* * *

«Зрело в Москве и по Союзу недовольство сложившейся в спелеотуризме обстановкой. Ворчали и готовились к бунту низовые секции и группы. Были недовольны Илюхиным и в Центральном Совете по туризму и экскурсиям — слишком резок, слишком на многое замахивается, рвется в Международный Союз Спелеологов, жить спокойно не хочет. Илюхин имел волевою натуру авторитарного склада и, понятно, многим не нравился.

Хорошо помню, как в конце семидесятых начинался процесс объединения московских “дикарей”. По всей стране разлетались письма из “штаба восстания” секции МГУ за подписью одного из её лидеров Николая Чеботарёва. На

¹⁹ Имеются в виду тогдашние рекордсмены — Берже и Пьер-Сен-Мартен.

[С. Сом]

²⁰ Когда я пишу эти строки, абсолютным мировым рекордсменом по глубине является пещера Крубера (Воронья) на Арабике: её глубина перешагнула отметку –2.000 м. Глубина шахты Пантюхина (на 1999 г.) –1508 м. Перед тем рекордсменом была пещера Лампрехтсофен (+1634 м). *Ни одна из них в течение десятилетий не производила впечатление “будущего гиганта спелеологии”.* [С. Сом]

Кропоткинской напротив знаменитого бассейна “Москва”²¹, в старой квартире у Аксакала (так любовно называли друзья Сашу Морозова) собирался идейный центр сопротивления во главе с искрометным Даниилом Усиковым. Здесь обсуждались планы грядущих экспедиций в Снежную вперемешку с планами свержения илюхинской диктатуры.

В 1977 году по стечению обстоятельств я меняю жительство с Москвы на Усть-Каменогорск. Теперь я мог наблюдать картину разворачивающихся событий как бы со стороны, глазами периферийных секций.

Большую работу в плане информации вела в те годы чета спелеологов из Одессы Леонид и Алла Суховей²², которые по роду своей работы часто бывали в Москве, Ленинграде, других городах Союза, и были в курсе всех перипетий. А самое главное – они не ленились писать письма и подпитывали информацией “провинциальную спелеообщественность”.

Буря вызревала давно. Ещё в 1971 году Совещание представителей спелеологических секций Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске приняло обращение к пленуму Центральной секции спелеотуризма, в попытке ослабить централизацию, железной лапой душившую спелеотуризм в стране:

«... На наш взгляд основным тормозом < развития спелеотуризма – пояснения мои > явилась политика, проводимая ЦС спелеотуризма: система проволок, излишний централизм, недоверие к местным секциям, безответственное отношение к судьбам спелеологических секций... Парадоксально, но большинство местных секций относится к ЦС спелеотуризма как некоему ограничивающему органу, положение, представительство и устав которого никому не известен, и который не может оказать никакой существенной помощи.»

“Лед тронулся” в мае 1979 года, когда Центральная федерация самодеятельного туризма ЦС по ТиЭ приняла новую систему подготовки туристских кадров. Эта система предусматривала большую свободу низовых секций на местах. Спелеотуризм, как один из видов самодеятельного туризма, тоже получал таким образом возможность выйти из-под диктата Центральной спелеокомиссии. Илюхина это не устраивало.

Время решительной схватки настало. Вся прогрессивная спелеообщест-

²¹ Фундамент недостроенного и демонтированного “Дворца Советов”, строительство которого началось на месте взорванного храма Христа-Спасителя по указанию И. Сталина “для принятия в состав СССР последней социалистической республики”, – см. В. Суворов, «Последняя Республика» < М., ТКО АСТ, 1995 >. *От иных совпадений просто дрожь берёт. Впрочем, “нет совпадений в этом мире”.* [С. Сом]

²² Л. Суховей являлся одним из организаторов одесского спелестологического клуба “Поиск”; соответственно, он не только никогда не делил спелеологию на “настоящую спелеологию” и “презренный катакомбизм” — в мире спелестологии заслуги Леонида Суховей весьма и весьма велики. Он один из тех (к сожалению, немногих) *подлинных спелестологов*, кто занимается изучением искусственных подземных сооружений на весьма высоком научном уровне. [С. Сом]

венность страны понимала, что нам представляется уникальный шанс демократизировать спелеотуризм, разрушить тоталитарную пирамиду его строения, укоротить централизацию.

Увы, были и другие, придерживающиеся авторитарных взглядов на спелеодвижение, друзья и соратники Илюхина: местные царьки и князьки от спелеотуризма других регионов страны.

Все как и в других политических игрищах нашей эпохи. Во все концы страны летели письма двух противоборствующих группировок. Лидеры созывали соратников под свои знамена.

Единодушия в стране не было. Часть спелеосекций поддерживали Илюхина, часть Усикова, ставшего к тому времени общепризнанным лидером “спелеонелегалов”. Чаши весов покачивались неопределенно. И все же тучи над прежним составом ЦС спелеотуризма и его безраздельным владычеством сгустились все ощутимее.

Вот пулеметные строчки борьбы, взятые мной из писем, во множестве приходивших тогда в Усть-Каменогорск:

«Нынешнее руководство Центральной спелеокомиссии спелеотуризма всячески цепляется за старую систему подготовки кадров. Они готовы даже ввести новую систему, но с оговорками. Если таких оговорок не будет, то областные спелеокомиссии получают самостоятельность, что равносильно провалу старой системы, которая насаждалась годами.»

Самостоятельность! Об этом можно было только мечтать. «Костя, если ты знаешь фрунзенских спелеологов < Фрунзе – ныне город Бишкек, пояснения мои >, то напиши, что они ведут сейчас себя неправильно. Сбигнев ответил Чеботареву в очень резких тонах, обвиняя его в смуте. Очевидно, они не понимают происходящих в Москве событий.»

Илюхинская диктатура трещала по всем швам. «В настоящее время работа Центральной комиссии спелеотуризма рассмотрена Президиумом Центральной федерации самодеятельного туризма и признана неудовлетворительной. Создан оргкомитет, который совместно с аттестационной и дисциплинарной комиссиями Московского облтурсовета занимается аттестацией и восстановлением в правах “диких” спелеологов. Уже аттестовано более 150 человек. 24 февраля 1980 года. Суховой Л.Н., Суховой А.Д.»

Это был сильный удар. Нокдаун. Переворот набирал силу, и победить мы могли только “конституционным” путем, действуя в рамках и по правилам бюрократической структуры системы советов по туризму и экскурсиям и их марионеточных федераций туризма.

«28-29 февраля 80 г. состоялось заседание центральной комиссии спелеотуризма (ЦКС), на котором, кроме московских членов, присутствовали иногородние: Коврижных (Ленинград), Дублянский (Симферополь), Рыжков (Свердловск), а также приглашенные: Пантюхин (Крым), Ковалев и Шорохов (Красноярск), Ткачук (Львов), Суховой Л. и А. Белоус (Украина). От ЦСТиЭ – Симаков В. И., Журавлев С. В., Тихомиров В. А., Княжин С. А. и др. На заседании рассматривались итоги работы ЦКС в 1976-79 гг.

Начальник отдела самодеятельного туризма Симаков информировал присутствующих о факте использования Илюхиным В. В. незаконного бланка Центрального Совета и искажении фактов в письме на нем...»²³

Погружаясь снова в эти, далекие уже, события, испытываешь большое желание считать, что именно борьба нелегалов – “диких” кейверов и спелеообщественности привела к свержению Илюхинской диктатуры и демократизации спелеотуризма в стране.

Но нужно смотреть на вещи реалистично. *Не московская спелеообщественность свергала Илюхина – опираясь на нас, с ним сводили счета старые товарищи по Центральному совету.* Спелеообщественность страны создавала фон, а настоящие тяги двигались и скрежетали за кулисами.

Устраняли ставшего неудобным, слишком самостоятельного, Илюхина, теми же методами, какими пользовался он сам, расправляясь с оппонентами, – какими не брезговали во всех эшелонах прогнившего коммунистического государства.

Каждое лыко в строку! Ну скажите: при чем здесь какой-то “незаконный” бланк? Старый добрый принцип – для достижения политических целей все средства хороши.

Бланком дело, понятно, не ограничилось. «... В информации председателя Центральной Федерации туризма Тихомирова В.Д. подчеркнута глубокая заинтересованность так называемых “диких” московских спелеотуристов, проходящих в настоящее время аттестацию... Тихомиров отметил, что такой сильной централизации, какая существует сейчас в спелеотуризме, нет ни в одном виде туризма. Необходимо срочно исправить это ненормальное положение.

Тихомиров предъявил претензии к руководству ЦКС, что в библиотеке Московского клуба туристов хранится всего 45 отчетов о спелеопутешествиях (по предварительным подсчетам их должно быть более 200). Отсутствие отчетов, подчеркнул он, не дает возможности аттестовать спелеотуристов при переходе к новой системе подготовки кадров.»

И снова знакомый пиратский почерк. Судьбу этих отчетов, буквально похищенных илюхинцами и скрываемых под кроватью в одной из московских квартир, долго обсуждали в Москве. Никто не хотел уступать без боя, и в ход шли все средства.

«В информации тов. Шишкова, председателя дисциплинарной комиссии, в частности отмечалось, что при тщательном рассмотрении документов по дисквалификации Усикова, Антонова и других “диких” установлено превышение полномочий (формулировка “пожизненно дисквалифицировать” и т.д.), во многих случаях для дисквалификации не было достаточных причин. В отдельных случаях руководство ЦКС вело себя неэтично по отношению к “диким” (письмо на работу Усикову и т.п. ²⁴)

²³ О том, что это был за бланк, и что за “письмо” на нём было нашкрябано, см. главу “Светлое Дополнение”. [С. Сом]

²⁴ Тем не менее, несмотря на осуждение подобных подлостей, вновь созданная после переворота “спелеовласть” скоро вернулась “в полном объёме” к

В адрес центральной спелеокомиссии были высказаны претензии и критические замечания в выступлениях Пантюхина, Белоусова, Ковалева, Рыжкова и др. 1.03.80. Суховой.»

* * *

«Отвлекаясь от политических баталий, хочется коротко сказать об Антонове, одном из репрессированных Илюхиным ярких лидеров Московского спелеотуризма. Созданная Антоновым группа “Кристалл” дала советскому кейвингу много замечательных имен, но самое замечательное – это новаторство “Кристалла” в области спелеотехники и снаряжения. Антонов и его сподвижники в 60-х годах предложили альтернативный способ штурма подземных вертикалей: использовать вместо синтетических веревок стальной трос. При этом антоновцы не только поднимались по тросу, что в последующие годы получило широкое распространение в СССР, но и спускались по нему. Спуск происходил при помощи специальных устройств на основе деревянных тормозных блоков, а так же на зажимах, при помощи которых осуществлялся подъем.

«Пятого мая (78-го, уточнения мои) мы спустились к Хапкулче за оставшимися вещами,— вспоминает Д. А. Усиков об одной из экспедиций в Снежную²⁵. – На нашей тропе в снегу стояли трое юношей. Судя по белым лицам – не спелеологи МГУ. Как выражаются в детективах “Кто же это сел нам на хвост?”

– Нас зовут “Кристалл” – представились преследователи. Так мы лицом к лицу столкнулись с ещё одной неофициальной группой (как-то у нас закрепилось называть её “бандой Антонова”). К мягкому месту наших новых знакомых были привязаны подушечки. (Чтобы не больно падать?²⁶) За чашкой чая и кашей мы поговорили за спелеологию.

Юноши подтвердили то, что рассказывал Ноздрачёв. Они собираются установить в Снежной рекорд: спуститься до Пятого завала за один день. А сейчас они пришли посмотреть, где же вход в эту самую Снежную, где осенью всему миру будет продемонстрировано преимущество тросового снаряжения. Пока что Антонов решительно покончил с веревками, устроив в ноябре 1977 года аукцион по распродаже устаревшего снаряжения. В связи с этим инциден-

прежним методам борьбы с неугодными: в 1982 году мне на работу было отправлено послание, которое не только сорвало готовящееся трёхмесячное пребывание в пещере Никитской, но и поставило крест на возможном продолжении спелеонавтических экспериментов в МОГИФКе. Коими я занимался там “вполне официально и профессионально”. *Ну как тут не вспомнить дракона из вьетнамской сказки!* [С. Сом]

²⁵ Д. А. Усиков «Глазами друзей», сборник «20 лет секции спелеологии МГУ» – Москва, “Самиздат”, 1982 год.

²⁶ Теперь ношение на задку “пенки” считается в спелеологии “нормой жизни”. [С. Сом]

том любопытно заметить, что спелеологи МГУ, нуждающиеся в веревках, вынуждены были на аукционе уступить перед ценой, предложенной одной дикой группой – что-то около рубля за метр²⁷. Вот так инфляция! (Что же теперь-то сказать, в наше гиперинфлированное время!)

Саша (Ноздрачёв) так понял, что у антоновцев практикуются телесные наказания. Антоновцы ему не понравились. Автор пока тоже не в восторге. Ему уже приходилось встречаться на Караби с представителями этой группы. Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле “аля-Махно”. За водой в приличную даль, вдобавок в тумане, посылался всегда один и тот же новичок, который явно был “на побегушках”²⁸. Он каким-то чудом находил дорогу к колодцу, наверно, ведомый нестерпимой жаждой, но обратно его приходилось отводить. Своим нарочито подчёркнутым анархизмом антоновцы произвели тогда на автора какое-то несерьезное впечатление. В то же время они очень доброжелательно показали и дали сфотографировать новинки своего тросового снаряжения».

Оставим Усикову его впечатления об антоновцах, но их новаторство в области спелеотехники бесспорно заслуживает уважения.»

* * *

«А политические страсти не утихали. Эхо московских событий шло по всей стране. Перебираю письма Лени Сухова.

²⁷ Самая нормальная тогдашняя цена за коломенскую верёвку в Москве. Желание отдельных клубных спелеологов (привыкших к дармовому снаряжению) сбить её до 50 копеек за метр я ничем иным, кроме жажды халявы, назвать не могу. [С. Сом]

²⁸ Даже если Усиков не ошибся – данная практика ничуть не отличалась от принятой в “официальной спелеологии” системы тотальной эксплуатации “шерпов-первогодков”. Что же до *видимого беспорядка* в лагере — есть необходимая (внутренняя) дисциплина, и есть казарменная регламентилровка. Ни из каких соображений не следует, что палатки, например, должны стоять “в строго определённом порядке” – а не иначе: как психологически удобно их обитателям. То же относится к якобы разбросанным по поляне вещам (они могут сушиться, этот момент может быть временным – как следствие поисков чего-то, либо сборов – и т. д.). У многих из нас на рабочих столах царит полный бардак и анархия – с точки зрения случайно зашедшего гостя. Для которого владелец стола – свинья и неряха. Но сам владелец может придерживаться иной точки зрения: в этом *видимом* бардаке он мгновенно находит любую необходимую ему вещь; мало того – данный беспорядок может быть *следствием интенсивной работы*. Я лично придерживаюсь достаточно жёсткой организации своего рабочего места (как и лагеря на выезде) – однако, когда работаю, стол у меня может быть “в три наката” завален самыми разными предметами — безусловно, необходимыми для работы. [С. Сом]

«Майские праздники провели в Крыму. Виделись со всеми симферопольскими друзьями, а также с челябинцами (Баранов Семен проводил лагерь) . Мы с Пантюхиным взяли его в оборот за то, что они поддерживали Илюхина. Он, вроде, согласился, что зря поддерживали – у них тоже дел и забот много, как выяснилось. 29 апреля 80 года Центральная федерация признала работу центральной спелеокомиссии неудовлетворительной, а состав несоответствующим. Сейчас Илюхина приглашают к Пасечному²⁹, а он не идёт, так как понял, что предложат оставить кресло. Ну и пока никаких изменений.

В майские праздники бывшие “дикари” все выезды провели безаварийно...»³⁰

Это было очень важно – в тот смутный период не допустить никаких аварий в экспедициях легализовавшихся, наконец, нелегалов, что мгновенно было бы использовано реакцией.

И снова становится горько. Даже самостоятельно избрать руководство спелеотуризмом мы были на в праве. Для этого требовалось решение ЦСТиЭ!³¹ Вся туристская система федераций была создана чиновниками от туризма на принципах ужасающего бесправия общественности, полной подчиненности произволу бюрократического аппарата советов по туризму. «Я другой такой

²⁹ Генерал от КГБ, ведавший в нашей стране туризмом.

³⁰ Здесь нужно заметить, что *на самом деле* спелеология разделялась на “официальную”, “теневую” (то есть любительские объединения и группы, не входящие в систему казарменного туризма) и собственно “дикую”; точнее – стихийную, случайную спелеологию. Процент аварийности у “клубных официалов” был весьма высок – хотя бы оттого, что в пещеры выезжали люди *без постоянного наработанного опыта спелеобития* – что безусловно имелся в командах, выходные проводивших в “горизонтальных каменоломнях” и, конечно, весьма “схоженных” – то есть прошедших всевозможную психологическую “притирку” во время этих постоянных выездов. < Вспомним о патологическом запрете на посещение рукотворных и горизонтальных пещер обучающимся в клубах и официальных секциях! > Аварийность “самостийных спелеологов” также была высока – ибо они совались в пещеры, не имея ни должного опыта, ни снаряжения. *В теневой спелеологии аварий практически не случалось — те немногие, что были, относились к стихийным ударам природы. В спелеологии они, по-видимому, неизбежны.* А потому от “теневиков”, перешедших в статус “официалов” было смешно ждать ЧП. Кстати, официальная статистика всю манипулировала с данными о ЧП в пещерах – зачастую сваливая аварии официальных групп на “дикарей”: например, потерпевшая аварию официальная группа “списывалась в дикари” путём нехитрой манипуляции с регистрацией выезда. Достаточно было *post factum* установить, что какой-то участник группы выехал под чужой фамилией (о неизбежности данных поступков я писал в «Пенталогии») — группа автоматически попадала в разряд “диких”. [С. Сом]

³¹ Вначале – совсем иной “конторы”, что ведала в стране *буквально всем*. А ЦСТиЭ – потом. [С. Сом]

страны не знаю, где так вольно дышит человек!»³²

Весной 1980-го в советском спелеотуризме установилось шаткое двоевластие: Московская комиссия спелеотуризма перешла в руки бывших “дикарей”, позиции Центральной спелеокомиссии оставались в руках Илюхинцев.

Такое положение сохранялось до середины лета. «3 июля 80 г. В Москве пока затишье. Усиков, как председатель московской комиссии потихоньку работает. Илюхин по собственному желанию уйти не пожелал. Теперь ЦС будет его “уходить”, но это уже осенью...»

Это была агония старой власти. «30 июля. Ребят из московской комиссии (новой) ввели в состав Бюро Центральной спелеокомиссии (Усиков, Людковский, Морозов, Чеботарев и др.) Илюхинцы сорвали в этом году инструкторский сбор. Теперь пиши в Одессу. Суховой.»

Медленно, но верно наступали новые порядки. Новые люди становились у руля советским спелеотуризмом. Неохотно, огрызаясь, уходили прежние. Невольно думаешь – зачем всё это было? Неужели не хватало на всех пещер? Неужели мало было гор? Почему так часто, стоит иному оказаться у власти, он тут же пытается всех пригибать под себя, сводить счеты, диктовать правила?

«18 октября 1980 г. Сейчас обстановка следующая. В Московской комиссии усиковцы, они же вошли в состав Центральной комиссии. МКК в их руках. Но кадровая комиссия и председатель (Сайфи, Фурман) ещё старые. То есть их мероприятия сейчас большинством голосов можно провалить, но и свои дела не сдвинуть. Так Илюхин и Падалко “провалили” инструкторский сбор 80 года. Теперь они могут завалить план 81 года и т.д.»

О чём думали эти люди, считавшие себя спелеологами? Неужели не понимали, что наносят вред всему спелеологическому движению в стране, своим коллегам, таким же, как они любителям пещер? Почему личные амбиции затмевают в нас любовь и честное отношение к своему делу – делу, выбранному добровольно, на алтарь которого мы кладем свои жизни? В чём этот сладкий яд власти, превращающий человека в своё слепое – бездушное отвратительное – орудие?

«Красноярцы в ноябрьские праздники с 1 по 7 проводят семинар судей по спелеотуризму. И хотят под эту вывеску провести всесоюзный пленум председателей и представителей секций и “скинуть” Илюхина. Дело в том, что переутверждение состава Центральной Федерации будет в мае 81 года...»

Московские события постепенно раскатывались по стране, вовлекая в политическую возню всё новые и новые круги спелеообщественности. Это вообще характерная черта, отмеченная ещё А. Солженицыным в своем бесмертном «Архипелаг ГУЛАГ»: стоит в центре произойти чему-либо – сразу по стране прокатывается волна аналогичных действий³³. Будто ждут люди, не в силах без толчка из центра сделать что-либо самостоятельно. Да и как сделаешь при

³² «Я другой *такой* страны не знаю – где так “вольно!”, “смирно!!” и “кругом!!!”» – И. М. Губерман.

³³ «Известно всем: стригут в столице ногти — в глубинке станут руки отсекать...» [Л. П. Семаков]

пирамидальном строении всего общества? Чем выше пирамида – тем сильнее давление в её нижних слоях.

«16.12.80. ... Была в ноябре в Ленинграде, виделась со спелеологами. У них там тоже смена власти: Голода и Коврижных Колю уже не выбрали в руководство, они всем надоели, как и Илюхин. Готовятся, по примеру Москвы, провести у себя аттестацию “диких” спелеологов. Усиковцы работают в Снежной... Алла Суховой.»

* * *

«До сих пор бережно храню, как дорогую реликвию, пачку справок за проведённые спелеопутешествия, полученные мною при переаттестации в Москве, вместе с другими московскими “дикарями”, пожелавшими выйти из подполья и влиться в официальный спелеотуризм.

Как сильна в нас жажда признания другими своих, пусть самых скромных, но достижений. Сегодня я понимаю всю суетность устремлений, связанных с получением справок, значков, званий.

Истинную ценность имеют только само дело и люди, идущие рядом по выбранному тобой пути. И все же так хочется признания! В мире людей, что бы мы ни делали, мы тешим себя надеждой, что это кому-то нужно, кому-то ещё, кроме нас.»

* * *

Принято считать, что “обильное цитирование = недостаток собственных идей и мыслей автора”.

: готов поспорить с этим заявлением, ибо ценность его не выше, чем известного речения “художник должен быть голодным”.

И уж подавно, коль мы касаемся истории — обильное цитирование только на пользу. Ибо после опубликования в Интернете “Пенталогии” многие ворчали, что я “очерняю” Историю Жанра, что свои личные обиды и счёты переношу огульно на Весь Великий и Светлый Мир Подземли,— и вообще вру и злопыхаю. А один молодой спелек просто назвал мои писания “высером”,—

: Ни больше, ни меньше. Он молодой, он неинформированный,— ему можно. Тем более, в Интернете.

Потому-то я и предпочёл начать эту вещь со столь пространныго цитирования моего коллеги и друга, повествование которого, в свою очередь, подкреплено обильными цитатами и ссылками на известных спелеологов — участников тех далёких событий. Желаете сказать, что и они — злопыхали и очерняли?

: Красный флаг вам в руки, совесть стороной.

Сколь бы вы ни кривлялись и ни юродствовали на современных спелеофорах, аки на былых комсомольских собраниях — результат в конечном итоге

будет один.

Потому что история не терпит ни клеветы, ни умолчания, ни фальши.

Разумеется, с точки зрения наших противников, они подобными склочными глупостями не занимаются – термины “клевета”, “злопыхательство” и “ложь”, по их мнению, относятся только к нам.

А они — белые и пушистые.

Вот небольшая иллюстрация:

Читаем в вышедшем под редакцией В. Н. Дублянского сборнике «Пещеры» [Пермь, 2001 г.] статью об основателе российского карстоведения Александре Александровиче Крубере. Два момента из этой статьи не могли не поразить меня:

– **Момент первый:** в статье явно редакционного происхождения (поскольку конкретный автор не указан) говорится, что термин “спелеология” впервые предложил Э. А. Мартель. Но это далеко не так – ***и проф. Дублянский, конечно, не может этого не знать:***

Термин “спелеология” впервые был предложен французским археологом Эмилем Ривьером в 1890 году, – археологом, для которого интерес к Миру Подземли заключался, прежде всего, в двух пунктах: 1) исследование в пещерах следов стоянок троглодитов и 2) исследование подземных ходов в архитектурных сооружениях, изучаемых им, как археологом. То есть Э. Ривьер (некоторые применяют иные транскрипции для русскоязычного произношения его имени – спорить не буду) был не только спелеологом, но и, по сути, одним из первых спелестологов Запада.

: Что не может не радовать меня, в принципе не разделяющего изучение “естественных пещер” и “искусственных”, – но отдающего при этом личное предпочтение последним.

: Является-ли современное небрежение проф. Дублянским этим Именем намеренным (в силу личного неприятия слова “спелестология”), сказать трудно. Но в любом случае “переписывать Историю – грех”.

– **Момент второй:** А. А. Крубер в своей работе «Карстовая область Горного Крыма» [М., 1915 г.] пишет: «... мне лично мешали подробному изучению пещер Крыма недостаточность снаряжения, малочисленность участников поездки (не считая проводников – 2, а некоторые пещеры я посещал один), *необходимость покидать пещеры, чтобы искать ночлег*» < курсив мой >. То есть ещё в 1915 году Крубер пришёл к мысли, что для настоящего изучения пещеры мало “одного дня”; пребывание в ней с ночлегом — дело необходимое. Беда в том, что тогдашнее экспедиционное снаряжение такой возможности не предоставляло.

Спустя десятки лет к этой мысли пришёл Саша Морозов, предложивший методы так называемой “тихой”, “неспешной” спелеологии, как необходимые для полного исследования изучаемой полости. Соответственно, Саша с товарищами разработал не только систему изучения пещеры, включающую в себя *обязательную ночёвку в ней вне зависимости от её типа или размеров,* – но и

необходимое для этого снаряжение. Вполне “технически-революционное” для спелеологии того времени – и до сих пор применяемое во всём мире.

Но идеи Морозова пришли в неустрашимую катахрезу со спортивно-нахрапистыми методами покорения пещер “от Илюхина” — в результате чего Морозов и его группа “ушли из официальной спелеологии в теневую”.

: *За одну только “первую техническую революцию” в спелеооснащении имя Саши Морозова достойно упоминаться, и не раз, в любой книге по спелеологии (прибавьте к этому выдающиеся исследования одной из глубочайших пещерных систем мира – Снежной/Межёнова/Иллюзии, как и рекордные по длительности пребывания в ней), – ан, нет. Не могут простить Саше карстovedы и бывшие “официальные спелеологи” того, что он в своё время послал “официальную систему совковой спелеологии куда поглубже” — коль и доходит в каких изданиях или статьях до упоминания его светлого имени, делается это исключительно “сквозь зубы”. При том, что желающих хоть как-то примазаться к его былым свершениям – теперь, после его смерти – хоть узким шкурником поглощай.*

: Методами Илюхина в настоящее время подземные полости не покоряются и не изучаются.

Спрашивается: коль даже Крубера на заре века понимал, что пещера должна изучаться планомерно-неспешно с более, чем суточным пребыванием в ней – и оказался прав “по всем пунктам”! – как могли не понимать этого “отцы” совдеповской спелеологии?..

: *Вопрос, конечно, риторический.*

Кстати: декларируемый официальной спелеологией тезис о том, что до революции, мол, в нашей стране спелеологические исследования почти не проводились, а если проводились, то одиночками – после большевицкого же переворота, якобы, наступил прогресс < см. небезинтересную книгу Дублянского и Илюхина «Путешествия под землёй» >, – утверждения эти, мягко говоря, абсолютно не соответствуют истине. Все значительные карстоведческие экспедиции Крубера были проведены **до революции**, – как до революции были изданы все его основополагающие статьи по пещерам и карсту. А потом наступило если не забвение – то нечто, что можно назвать “исследовательским параличом”: преподавать землеведение Крубери было дозволено; изучать пещеры – нет. (Аналогия с печальной судьбой И. Стеллецкого очевидна.) Результатом чего было сильнейшее нервное расстройство А. А. Крубера, близкое к помешательству. По крайней мере, таковым его выставили коллеги Крубера по преподавательской деятельности – и от любой дальнейшей научной и преподавательской работы А. А. Крубера был отстранён.

... Многие мои молодые коллеги не раз спрашивали: почему, коль все в один голос говорят о Крубере, как об отце-основателе российской спелеологии и карстоведения, его работы не переиздаются, а о нём самом ничего не пишут даже такие солидные спелеокарстоведы, как Дублянский и Гвоздецкий³⁴?

³⁴ Если быть точным, Гвоздецкий опубликовал две статьи об А. А. Крубере – одну в журнале “Землеведение” в 1957 году, другую в сборнике “Земля и

– Что на это можно сказать? Потому и не писали до самого последнего времени, что стеснялись некоторых “не самых светлых” моментов его биографии. А врать, вроде бы, не к лицу.

Но иное умолчание – почти что ложь.

* * *

В завершение “свидетельских показаний по делу об истории советской спелестологии и спелеологии” процитирую два небольших фрагмента. Фрагмент первый из книги Дублянского «Занимательная спелеология»:

«В 1982 году Академия наук СССР пригласила в Крым президента Международного союза спелеологов Адольфо Ромеро Эразо. Подготовка его приёма проходила нервно: на одном из её этапов Адольфо прислал в академию отписки своих работ, в том числе – заботливо переведённую на русский язык статью «О недиалектическом подходе к проблеме изучения карста». Это возмутило чиновников из УВС (Управления Внешних Сношений): “Какой-то капиталист будет учить нас диалектике!” Пришлось долго объяснять, что Ромеро отнюдь не капиталист, а скромный профессор Мадридского университета, и пообещать “дать ему бой” по проблеме диалектике карста.

Однако давать бой не пришлось – заметка Эразо лишь обращала внимание спелеологов на конвергентность (то есть сходство) отдельных форм и отложений в карбонатных, соляных и лавовых пещерах.»

– Обратите внимание на дату: дело происходило **после** так называемого “спелеопереворота”.

: Такая была “спелеология” в нашей стране. Под бдительным дозором и контролем дятлов-чиновников всех мыслимых уровней.

Созданная, к сожалению, при участии самого В. Н. Дублянского.

А потому завершаю я эту “свидетельскую главу” цитатой из статьи В. А. Букина «К истории самарской спелеологии», опубликованной в сборнике “Спелеология Самарской области” [выпуск №2, 2002 год]:

«Воздух свободы шестидесятых позвал в дорогу путешественников. Желание что-то делать без указаний, без надоевшего надзора, нашло выход на природе. Подоспевший ко времени «Зов Бездны», воспетый великим гасконцем Кастере, добавил к путешествующим по дневной поверхности подземных

люди” в 1965. (Доступность этих публикаций для “массовой спелеологической общественности” можно себе представить.) Надо сказать, что *в те годы* даже для неполных и сглаженных публикаций о человеке столь сложной и печальной судьбы нужно было обладать весьма уважительной гражданской смелостью. Например, повесть Д. Гранина «Зубр» о выдающемся русском биологе Тимофееве-Рессовском смогла увидеть свет лишь после перестройки; имею личное мнение, что судьбы И. Стеллецкого, А. Крубера и А. Морозова не менее примечательны и достойны соответствующих романов. Никем, к сожалению, не написанных.

коллег.

Но свобода быстро надоела властям, и начались организационные мероприятия по упорядочению “советского массового туризма” и малочисленной “советской спелеологии”. Книгу Илюхина и Дублянского «Путешествия под землёй» скорее следует отнести именно к “упорядочению”. Наряду с очень полезным обменом опытом в части техники и тактики спелеопутешествий, по сути, был закрыт путь широким научным исследованиям — объём обязательного описания карстовых полостей < “приложение 3” — “карточка учёта карстовых полостей” > ставил в тупик даже профессиональных геологов (редко посещавших пещеры из-за спортивной сложности), а для “большинства достаточно подготовленных спортсменов” заполнение граф пресловутой карточки было невозможно. Преодолевших все эти трудности ждало следующее разочарование: отчёты исчезали в “ЦС” (Центральной Спелеосекции) без какой-либо обратной связи и “безвозмездно”, без гарантий авторства, и не считались (и не являлись) публикацией.

В это время и в таких условиях создавалась Куйбышевская спелеосекция Жигули. Задачей секций и клубов был надзор за нераспространением численности в сторону массовости, за тем, чтобы “чем-нибудь таким” не занялись, чего-нибудь не сделали, — то есть контроль. Председателям отводилась роль смазки между трущимися камнями: государством и обществом. Для стимула они были “немного посвящёнными”. Разные люди по-разному выдержали испытание этой службой. [...]

Основой Спелеосекции Жигули (единственной официальной!) были туристы, заинтересовавшиеся пещерами в 1966 году. Некоторое время интересы к туризму и к пещерам уживались, но пришло время сделать выбор — и основательница секции не выбрала спелеологию. [...]

Секция росла и снова сокращалась. Спелеологи приходили и уходили. Приходили и уходили разборки и скандалы. Менялись председатели. Стало окончательно ясно, что свободы никто не давал. Государство внимательно следило за всем глазами клубных работников. Нельзя было создать другую секцию (безнадзорную), свободно публиковаться, — даже послушный тогда “Волжский Комсомолец” был одёрнут за публикацию от имени “неофициальной секции” «Протей» («Мамонты»). Спасибо тогдашнему заведующему отделом спорта Володе Дранчу за поддержку.³⁵ “Зов Бездны” удерживал только самых чутких к нему. И потому лишь немногие продолжали, как умели, искать, измерять. Копать. Исследовать. Что-то записывали, писали. Очень редко публиковали...»

Для свидетельских показаний — вполне достаточно. Ибо мне представляется, что история любой спелеосекции в те годы “выглядела примерно так”.

«Спасибо партии родной за всё, что сделала со мной» — и нашим Большим Спелеологическим Начальникам, конечно, тоже.

³⁵ Безусловно: если имена подлецов и негодяев можно позволить себе забыть, “дабы не множить зло поминанием” — то Имена Хороших Людей забывать непозволительно.

На сей благодарности отойдём от общего исторического киота “особенностей национальной спелеологии” и обратимся к ‘спелестологическим частностям’ — которым не нашлось места на страницах “Спелеопенталогии” и “Катакомбного Итога”. За что я получил полные укоризны отзывы многих своих друзей.

— что ж: постараюсь исправиться.

ВОЛОДАРСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

*“Ты копай, копай...
А ты играй, играй...”*
: компиляция

1979 год “Уэм”³⁶ провёл в тесном блоке с “Вандерерс”. По причинам бытового и армейского рода из школьного состава группы остались только я и La Barbe [в русском произношении “Борода”, или Дегтярёв Сергей],— я уже отслужил и благополучно, хотя и некоторым чудом (испытав два ПСП), вернулся к мирной жизни; Борода по какой-то иррациональной причине ещё не служил и третий послешкольный год пребывал в трепетном Ожидании Повестки — удивляясь, какого хрена она всё не приходит.

Но “свято место пусто не бывает” — ещё зимой к нам примкнули Андрей Белкин (заняв отчасти место “почётного разгильдяя УМ” Первого Никитского Мамонта) и База [Илюша Базенков, ныне директор Института психологии].

Тотальная совковая обязаловка отдавать каждый день 8 часов своего времени “хрен знает на что” оставляла для дальних поездок лишь недельные “ноябрьские иды” и в два раза более длинные майские. Понятно, что раздувать три-четыре совдеповских праздничных выходных до столь огромных размеров можно было с помощью так называемых “отгулов”, зарабатываемых на “добровольных дежурствах” в ДНД, овощных базах и в автоматически становящихся рабочими днями “календарных выходных” в конце месяца и квартала (когда традиционно “горел план”),— однако, не каждому это удавалось: у начальства своя производственная логика, и недельное отсутствие на работе даже при наличии десятка честных отгулов ещё нужно было заслужить.

Раз в год был гарантированный отпуск — который ценой немыслимо шах-

³⁶ От “УМ”, “Union Marazmatix” — так называлась наша школьная группа, с которой я впервые пришёл в Никитскую пещеру. О происхождении этого названия и первых наших никитских походах я рассказываю в повести «Человеческий Фактор Подземной Судьбы». И там же — о нашем знакомстве с “Wanderers”, основу которой составляли ЮДА [Юрий Дмитриевич Агафонов], Пиф [Любченко Андрей] и Завхоз [Пузанков Саша] со своими друзьями и “друзьями друзей”,— в основном из ГШ МГУ.

матных комбинаций можно было увязать с отпусками или студенческими каникулами товарищей по подземному жизненному интересу.

: В эти недели можно было “оторваться под землёй” в вертикалках Урала, Кавказа и Крыма – или в горизонтальных лабиринтах украинской Подолии.

: Три раза в год, если быть точным.

Всё остальное время о Подземле можно было мечтать — коль у тебя не было под боком достойной альтернативы.

У нас такая альтернатива была в виде любимых подмосковных каменоломен. Попав в одну из которых с названием Никиты зимой 1976 года, понял: здесь моя спелеородина, здесь моё подземное счастье и судьба. И хоть первой моей пещерой были подмосковные Силикаты — *своей пещерой* я ощутил Никитскую Систему. С первых мгновений пребывания в оной.

А потому каждые выходные – начиная с вечера пятницы – проводил в них.

Со своими старыми и новыми подземными друзьями.

15 марта 1979 года должен был состояться вечер встречи выпускников нашей школы.

“Подземные выходные”, полагавшиеся *неизбежно-желательными*, “вылетали” — понятно, что как бы я ни стремился каждый уик-энд проводить под землёй – нужно было явиться Прошлому³⁷. Предстать под пытливыми очами бывших (и весьма замечательных) преподавателей, – посмотреть в глаза Дизелю и Кэпу и попричитать с былыми представителями “Уэма” о том, “как славно было раньше”...

: Борода вечер встречи похерил – “отправившись в Никиты и мне того же пожелавши”, –

: Я разрывался меж вполне понятными чувствами. К которым добавилась *просто непереносимая двойственность*: возвращаясь в училище из зимнего межсессионного отпуска (в котором был и поход в Никиты, и лыжный с Танком и Цыгановым на зимний слёт SCO), понял: без этого мира я — ничто. В училище меня окружали замечательные друзья, – ничего не ведая об уэмовских “маразматках”, они додумались выпускать почти такую же подпольную газету с названием «Болевой Глисток» < это в закрытом военном училище!... >, – привёз им пару наших “газетных изделий”. Для сравнения и обмена опытом.

: Вместе с моими тогдашними рукописями они были изъяты во время шмона по доносу одного стукачка.

³⁷ Славному, кстати, не только рождением “Уэма” – школа наша была вообще замечательная по “подобравшемуся контингенту” и учеников, и преподавателей. Как понимаю, всему этому мы были обязаны её директору – Юрию Петровичу Завельскому (между прочим, как две капли воды похожему на Луи де Фюнеса — во всём, включая мимику и жестикуюляцию, – отсюда его естественный ‘подпольный ник’: Комиссар Жюв). Жалко, что здесь не рассказать в подробностях и красках об этом замечательном человеке и приведённых им в школу преподавателях. Теперь его усилиями наша бывшая “школа №43” – знаменитая “Московская гимназия на Юго-Западе 1543”.

— *Месяц конвейера в Особом Отделе Беларусского военного округа — удовольствие не самое приятное.*

: Не раскололся. Не заложил, не сдал никого из школьно-пещерных друзей,—

И теперь не знал, как вести себя с ними при встрече: видел, что они отошли от былых фрондирующих представлений,— и что: общаясь, этак снисходительно-внутренне кивать головой — живите, пляшите, творите свою новую совковую жизнь — не ведая обо мне, хорошем, вас не сдавшем?..

: *ПОГАННОЕ ЧУВСТВО.*

И в тоже время страшно хотелось увидеть всех.

Колебания оборвал Цыганов — позвонил утром и сказал, что они с Белкиным собираются в Володары, ведут с собой пару чичак,— не дам-ли я им свою снарягу?..

: Пожалуйста.

Вовка с Андреем заехали ко мне, загрузились светом, дутиком и спальниками,—

— я посмотрел на часы и понял, что если останусь дома один — не выдержу, рвану в Никиты к Бороде “в том, что осталось”. А потому оделся во всё торжественно-цивильное, загрузил кейсик пятком пузырей “Арбатского”, купленных для школьно-поминального действия — и отправился провожать Цыганова с компанией. Ибо время было три часа дня, и до семи вечера точно бы не удержался: *принял для совета с совестью стаканчик из ‘дипломатических запасов’, ломанул из ближайших телефонно-автоматных будок плекс*³⁸ — *и рванул к Бороде, Базе и “Wanderers”.*

В родные Никиты.

Доехали на метро до Ждановской³⁹, — один из автобусов, на которых можно было доехать до посёлка Володарского, отходил оттуда; другой от Каширской. В метро встретились с остальными участниками выезда — Глебом Семёновым (пришедшим в Никиты вместе с Базой), его подругой Наташей и Виталиком

³⁸ К тому времени вся территория Юго-Запада Москвы была поделена междуходящими в Никиты и прочие каменоломни спелестологами: у каждого были “его личные” будки с телефон-автоматами, в которых раз в неделю (по вторникам) сотрудники АТС заменяли снятые нами “плексуальные таблички” с безумно-циничной надписью «БЛИЖАЙШИЙ ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ НАХОДИТСЯ РЯДОМ». При съёме табличка естественным путём разделялась надвое; каждая часть, в свою очередь, резалась ещё пополам. Ножовкой, “петухом” или раскалённой проволокой — зависело от личной технологии. Обёрнутая в газетный лист, такая полоска оргстекла горела минут 30. То есть с одной будки снималось два часа света,— впрочем, наиболее ‘экономичные’ доводили это число до шести.

³⁹ Теперь — Выхино. Кстати, во время “эпохи скандальных переименований” был моден следующий анекдот: *вслед за городской топонимикой наступает черёд “виновников торжества”, — «Кто приговор подписал?» — «Товарищ Выхин...»*

Марченко, “сосватанным” Цыганову для “ознакомительного похода под землю” его другом по SCO Сергеем Скворцовым – Скворешней.

Виталик был соседом Скворешни и рвался под землю. Было ему тогда 15 лет – “для вертикалок рановато, для каменоломен в самый раз”, решил Скворешня. И отпустил Виталика с Вовкой, поскольку сам принять участие в выезде не мог.

Не в силах прервать общение с друзьями, зашёл с ними в автобус. Полагая, что “обилечивающий пассажиров с детьми и инвалидов” кондуктор выпихнет меня, как зайца – на том расстанемся.

Но двери неожиданно захлопнулись и мы поехали.

Без какого бы то ни было “явления контры народу”.

Времени до школьного вечера оставалось достаточно. «Ладно,— решил,— назло жмотливому государству сэкономлю рубль, раз так случилось – прокачусь на халяву туда/обратно. Заодно где Володары находятся, разведаяю.» Ибо до того не был там ни разу.

: *Прокатился.* Пока прощались на остановке в Володарском, автобус за моей спиной клацнул дверьми – и умчался в Москву.

Следующий, согласно расписанию, был только через час ожидания на промозглом ледяном ветру в городском красивеньком цивиле –

: Ясное дело, пошёл с ребятами “до дыры”. Ибо, как сказал Цыганов, «до неё ровно полчаса ходу».

* * *

– Историю эту я подробно описал в повести “Где дольше Света длится Тьма”, даровав её персонажу Сталкеру. Во всём, что касается фактических деталей, она описана без искажений,— единственное, что “продиктовал сюжет” — перенос даты события.

Всё остальное истинно.

... *Сейчас думаю-гадаю: есть-ли смысл ситуации, поведанные в иных моих вещах, повторять, фактически самоцитируясь, в этой? Против говорит то, что если кто-то уже прочитал их – упрекнёт меня в повторах и некоторой “творческой лени”; за — гораздо более весомое соображение: ну с чего я взял, что писания мои когда-либо разойдутся достаточно широко?..*

: *ниоткуда это не следует. И скорее всего, кто-то где-то “выцепит” с диска, флэшки приятеля или интернетного сайта одну повесть,— некто другую... Таким образом, нет смысла бояться повторов. К тому же «Мэйнстрим» – вещь автобиографическая; описывая в ней реальные события, так или иначе упоминавшиеся в моей художественной прозе, я показываю: вот то, что было. А вот – как это преломилось сквозь призму аллюзий и иной сюжетности. Если полагаете, что сильно наврал в ‘творчески препарированном варианте’, прочитанным, к примеру, первым — пожалуйста, примите извинения.*

* * *

Историческая реминисценция:

Константиновский овраг, выходящий к реке Пахра близ посёлка имени Володарского, с пятнадцатого века стал местом добычи “белого камня”. То есть по давности разработок место это почти не уступает хрестоматийно-известному Нижнему Мячкову. Поначалу разработки велись вдоль берега Пахры и в устье оврага – штреками с высотой порядка $160 \div 170$ см, с использованием трещин в пласте (вдоль естественных разломов бортового отпора откалывать камень было удобнее), – а потому ходы и гроты-забои этого периода выглядят весьма хаотично. Объём “освобождённых от известняка” гротов сравним с останцевыми монолитами меж них; никакого определённого направления разработок не прослеживается. Однако довольно быстро увеличивающаяся добыча камня потребовала отказа от следования естественным пустотам и кавернам – для удобства транспортирования добытого камня на выход штреки стали разводить “ёлочкой”; достаточно широкие изначально, края их по мере углубления разработки закладывались бутовым (отбракованным) камнем. Закладки эти сужали штрек до одного-полутора метров — впрочем, шире для выноса камня не требовалось. Поскольку под землёй известняк насыщен влагой – в силу чего мягче, чем на поверхности – первичная обработка отколотых от массива блоков осуществлялась тут же под землёй, в достаточно широкой камере-забое. Заготовки представляли собой обработанные “в первом приближении” жернова, ступени, каменные корыта, фигурные изразцы и строительные параллелепипеды трёх стандартно-потребных размеров; на поверхность они доставлялись или на волокушах, или в тачках. Освещение штреков при работе изначально было лучинное; затем сменилось масляными (позже керосиновыми) лампадками *без стёкол – ибо и “стекло было дорого”, и в силу подземной температуры и влажности стеклянные оболочки ламп имеют обыкновение трескаться.* Да и без надобности под землёй закрывать огонь ветрозащитным стеклянным колпачком, лишь сажаящим на себя копоть. И закрывающим свет. Так что – двойная экономия. Как и в случае доставки на поверхность не тяжёлых бесформенных “чемоданов” – половина из которых может потрескаться при дальнейшей обработке – а более лёгких и заведомо продаваемых полуфабрикатов.

По мере развития спроса на белый камень – уже не только как на блочно-строительный, но и для производства извести – на поверхность стали вывозить практически весь материал, включая обломочный; от этого периода остались большие привходовые колонные залы с останцевыми колоннами, поддерживающими свод. Высота многих из них достигала двух с половиной – трёх метров.

На поверхности близ тогдашних входов в каменоломни этот период отмечен остатками ям-печей для отжига извести; по этим остаткам вкупе с навалами отхожего щебня и прямых *точильных рвов*, ведущих к крутой части склона

наподобие овражков, можно с уверенностью судить о наличии каменоломни. Даже если на поверхности нет провальных воронок.

Последний этап разработок – прошедший через уже сложившиеся полости – характеризовался *фронтальной выработкой* — из-под земли вынималось практически всё, лежащее в пределах разрабатываемого горизонта; оставлялись лишь незначительные опорные целики. Для дополнительного крепежа пространство меж ними заполнялось бутом; транспортировочные, или откатные штреки могли быть от двух до, местами, четырёх метров ширины. Такой способ выработки характерен для поздних систем Съян, Киселей, каменоломен в районе с. Чурилково Домодедовского района, Силикат и прочих Систем Подольского района, – в общем, для большинства каменоломен Подмосковья.⁴⁰ И в каждой из них при желании можно проследить три типа выработки. Включая самые поздние “пиратские” – при которых нелегально действующие предприимчивые крестьяне выламывали камень из свода покинутой разработки или выкалывали из пола, углубляя сложившиеся ходы.

В настоящее время в Константиновском овраге вскрыто около десяти Систем различной протяжённости; почти все они были найдены группой Пети-Крота, перебравшейся в это перспективное место после закрытия властями Съян.

Надо сказать, что сейчас (с подачи редакции Спелестологического Ежегодника РОСИ⁴¹) многие неправильно называют группу Пети-Крота “Парабеллум”. Группа, как таковая не имела названия — под словом “Парабеллум” подразумевалось *спелестологическое движение*, лидеры которого провозгласили два постулата:

1) никакой Дзуликой не существует, а есть лишь ОН [ОН придёт и принесёт водки, ОН откроет продолжение пещеры – и так далее];

2) надо готовиться к войне, причём войне подземной – и со всякой урлой, что мешает посещать нам любимые пещеры, и с официальными спелеодеятелями, что пытаются “захватить пещеры под себя”, –

– Ну и разумеется, с властью: что закрывает пещеры-каменоломни и препятствует нашему в них хождению.

Отсюда название этого движения – “Парабеллум”.

Ясно, что второй постулат был продиктован не только закрытием “главной пещеры-каменоломни Подмосковья” – Съян, что последовало в 1974 году, – но и событиями начала семидесятых годов, описанными мной в соответствующих главах “Человеческого Фактора”.

Состав группы Крота выглядел следующим образом: Пётр Николаев [то есть сам Петя-Крот; полное его именование, причём абсолютно заслуженное

⁴⁰ Кроме, естественно, Никит. Во всём, что касается *внешнего вида Системы* – проистекающего, в первую очередь, от практикуемого способа добычи камня, его транспортировки на поверхность и системы закладываемых ходов – Никиты стоят особняком среди всех известных мне каменоломен.

⁴¹ Ежегодник РОСС/РОСИ за 1999 г. [“История вскрышных работ в Подмосковье в 1970 ÷ 1990 гг.”, – Головин С. Е., Булатов А. С., Сохин М. Ю.].

реальными спелеоподвигами, звучало так: “Крот – Король Пещер”], Е. Симкин [Мики], С. Коробков [Полупроводник], А. Платонов, С. Опейкин [Бен], А. Селезнёв [Клякса], Лёня Хам, Ю. Шаронов [Носорог], С. Кузнецов [Масляный], Е. Снетков, С. Родин. Компания Крота была тесно связана с группой “Подольские Троглодиты” [Саша Дроздовский (Дрозд), Коля Виноградов (Шкет), Миша Кузьмин (Кузя), Дима Шведов (Швед), А. Козлевич и Толик Камышов (Кэм-Старший)] – ярчайшими представителями первого поколения спелестологов-романтиков. Именно им предстоит честь открытия Старицкого спелестологического района для москвичей. На мой взгляд, эти две команды вместе с более поздними группами, организованными их участниками, дали спелеомиру Подмосковья больше посещаемых ныне пещер, чем все остальные, вместе взятые. Как и оказали огромное влияние на тех, кто знакомился с ними. При этом ни “Парабеллум”, ни “Троглодитов” никогда не интересовала какая-либо “официальная слава” первопроходцев или иное “оставление в истории” — они просто ходили в каменоломни и в вертикальные пещеры Горного Крыма и Кавказа, не заморачиваясь ‘спелеоофициозом’. Отсюда как присваивание их “спелеооткрытий” иными, более пронырливыми спелеодеятелями, так и некоторое забвение в современных спелеологических кругах былых свершений и славы.

Наиболее известные из Константиновских (Володарских) Систем на современный момент – Ежевичка [вскрыта Е. Симкиным летом 1981 года за сорок минут работы лопатой; современная длина Системы около 1 км], Земляные Орехи [вскрыта осенью 1980 года в результате длительных и многократных попыток раскопок, общая длина оценивается приблизительно в $300 \div 500$ м], Лукоморье [вскрыта в 1986 г., первоначальная длина около 300 м], Таврово [вскрыта в ноябре 1981 года, длина ходов около 1000 м] и Курья — самая известная Система Володар, нередко отождествляется чайниками со всем пещерным массивом Константиновского оврага. < «Мы говорим “Володары” — подразумеваем Курью; мы говорим “Курья” — подразумеваем Володары». > Есть данные (ГКС), что до 1967 года вход в неё был открыт, в дальнейшем его закрыл оползень. Вообще расположение входа в эту Систему таково, что *периодически его просто не могло не закрывать: колодец на дне обширной воронки в склоне оврага, — в эту воронку по весне традиционно устремлялись ручьи со всего окрестного поля.* Впервые “официально” вход был вскрыт в 1976 году ребятами из Ждановского турклуба; затем, естественно, замыт — и вскрыт вновь 9.05.78 группой Пети-Крота. Современная длина Системы вместе с соединёнными с ней Лукоморьем и Тавровой — более пяти километров.

Ещё одна характерная “изюминка” Курьей — здоровенная куча навоза на краю привходовой воронки со стороны поля. Каждый год местный совхоз старательно организует её в этом месте, — какие ароматические обертона это образование добавляет в весенне-стекающий во вход поток *жижи*, можно себе представить. Кстати: название “Курья” происходит от того, что не одна куча навоза затрудняла подходы к Системе — по соседству с ней совхозная птицефабрика любила устраивать свалку разлагающихся отходов от обработанных

птичьих тушек; так что по весне не один навоз увлекался нивальными водами в сторону входа...

* * *

— В Курью в тот весенний погожий день и устремился Цыганов с моими друзьями. Как в “наиболее значительную” из того, что было раскопано в Константиновском овраге к тому времени.

... пока ребята переодевались перед входом, подошёл любопытства ради к шурфу-колодцу. Увидел, что вполне могу спуститься в него “аки по суху” — температура была около -10°C и стены колодца выглядели сухими и твёрдыми,—

: естественно спустился. Глянул, что там дальше. И как-то машинально скользнул внутрь — в распоре, чтоб не замарать “цивиля”,—

— о каком “возвращении в Москву можно было говорить после?..

Штреки расходились вправо и влево, почти в полный рост —

: Снял цивильную курточку и пиджачок, “оставшись в одном свитере”,— упаковал цивильные шмотки в кейсик вместо вынутого спиртного и стал поджидать ребят. В темноте, дабы сэкономить имеющиеся спички.

— Так ты это что — в город, значит, не собираешься?..

: Вопросил Цыганов, показываясь во входном шкуродёре.

— НИ-ЗА-ЧТО!!!

— Ну, как знаешь. Держи запаску.

: Мой же ‘двухгонореечный банарик’.

...: Система покорила и восхитила меня.

Нет, не тем восхищением и любовью, что вызвали в сердце моём Никиты,— в восхищении Курьей было нечто от любования **безумным произведением искусства**: “коридорного формата”, против ‘почти естественных’ никитских шкуродёров и лазов, штреки с такими **зримо рукотворными** бутовыми стенами — будто стенами древних крепостей, сложенными из неровного, осколочного камня плотно, камешек-к-камешку,— это было Подлинное Искусство сродни модным ныне “пазлам”,—

— **но Главное: гроты.** Столь потрясающе-вольно написанные копотью карбидок, практиковавшихся в группе Пети-Крота,— рисунки < огромное кремниевое включение, напоминающее по форме кита — обведённое сажевой чернью по границе стыка с жёлтым известняком; сверху тремя линиями — фонтанчик >, надписи < “ЕСЛИ ЗАБЛУДИЛСЯ — ЗВОНИ ПО ТЕЛЕФОНУ КЛЯКСИНУ 117 — 15 — 26» >,— удивительная вязь дойловских “пляшущих человечков”, взятая Кротом “на вооружение” и доведённая до “полной пиктографичности”, в которой читались не наивно зашифрованные

буквы, но – сразу картины, образы < потом, на верхнем входе в Дохлую Барсучью в Старице, открытую компанией Крота, встретит на стене рисунок двух фехтующих “человечков” и подпись: «ВЯТЧИН – ВРАГ!», – человек с предупредительно поднятой рукой – опасный свод; человек бегущий – в сторону выхода; человек с рукой вперёд и ладонью, будто упёртой в преграду – тупик; надпись «ВЫХОД» – в самую дальнюю и перспективную для дальнейших раскопок часть Системы; надпись «ОН» – на вход в Систему... >

: СПЕЛЕОИСКУССТВО. Неотрывно от “живописной части” которого — скульптурно-архитектурная: **столь прекрасно и фантастически-здорово отстроенных гротов я нигде до того под землёй не видел.** И даже не представлял, что такое может быть — сложенные из бутовых блоков ровные столы с удобными сидениями вокруг, спальные места, колонны; в стенах ниши-полочки для свечей, закрытые цветными стёклышками... Грот Бобово — полное торжество мрачного готического ужаса: цепи поперёк грота из угла в угол, зубья бороны клиньями из стен, миниатюрная “пыточная камера” с жертвами-куклами, – вход в грот узким шкурником, последний из составляющих правую стену которого блок – “живой”: подвешенный на трос, с наклоном проходящий через весь грот. Так, что задетый неосторожным движением блок вылетал из своего гнезда и проносился через грот – сантиметрах в двух над поверхностью стола. Сметая с него при этом, естественно, все предметы.

: Впервые я увидел такое. Ведь до того в голову не приходило, что под землёй можно – ТАК; пяток сдвинутых камней, символизирующих в никитской Чаше стол и столько же убранных со спального места представлялись Вершиной спелеоарта...

И подземного творчества.

Здесь же увидел – Настоящее.

Безусловно, увиденное мной в Курьей архитектурно-дизайнерское проявление спелеоарта было лишь внешней стороной исповедуемого компанией Крота театрально-прикольного подземного бытия, – примерно в той же степени, что провозглашённые ими спелеопостулаты или нарочитая карнавальность походной экипировки – пионерские горны, аксельбанты на разноцветных комбинезонах, эффектно раскрашенные каски, – как и не менее эффектные ники. Суть происходила городской работы в качестве рабочих сцены, осветителей, художников и монтировщиков декораций московских театров. Весь спелеобыт “Парабеллума” был глубоко театрализован — каждый поход под землю вершился стихийно-непредсказуемым перформансом и выглядел, как очередной акт ненаписанной пьесы Шекспира. В этом смысле ник Крота “Король Пещер” в полной мере соответствовал отношению к нему со стороны всех участников “Парабеллума” — Крот действительно был *королём пещер* в бесконечно разыгрываемом “Парабеллумом” спелеотеатральном Действии. Причём он был провозглашён на эту должность после самого настоящего шекспировского переворота, когда первый из спелеокоролей – Крис, лидер известной группы “Карст” – отказался от спелеоцарства подобно королю

Лиру... И не стоит думать, что эта “игра в театр” была на уровне играющих в театр детей, подражающих взрослым, или провинциальных дилетантов, облечённых настоящим талантом — сам Крот, например, прекрасный художник-оформитель, профессиональный дизайнер; уровень театрального мастерства прочих участников этого спелеодействия был столь же высок. Дабы не раздувать и без того пространный комментарий обильным перечнем имён, фамилий и бывших спелеоников, скажу: более двадцати ныне весьма известных звукорежиссёров, декораторов, осветителей и режиссёров БДТ, МХАТа, “Современника”, Театра на Таганке, театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и Театра на Юго-Западной в своё время не просто активно посещали подмосковные и прочие пещеры — все они входили в основанное Кротом спелеотеатральное движение “Парабеллум”. В котором поиск и вскрытие новых пещер были лишь проекцией, своего рода “побочным эффектом” театрально-игрового внутреннего мира спелеоарта.

Общаясь с участниками “Парабеллума”, понял: натёки, сталактиты и кристаллические друзья — лишь некая часть Красоты, что возможна в пещерах. Безусловно интересная — но не главная. Ибо минералогических красотей, как и отпечатков былой жизни в виде лихо закрученных раковин брахиопод, всяческих аммонитов и наутилусов пампилиусов достаточно вне пещер; мало того — вне пещер их гораздо больше. А сталактиты, как известно, могут расти повсюду: на карнизах домов, балконах, пролётах мостов, в подземных переходах, станциях метро...

: Ничуть не хуже ‘естественно-подземных’.

— Творение спелеостроф и ‘окололитературных хохм’ тоже лишь часть того, что можно назвать Подземным Творчеством.

: *Театральное оформление-оборудование гротов — как и разыгрывание бесконечного подземного перформанса — не менее достойное занятие и Цель хождения под землю, чем, скажем, поиск и вскрытие новых Систем.*

Или занятие топосъёмкой.

Ибо что — “топосъёмка”?.. Если вдуматься: не Цель нашего посещения Подземли, но банально-техническое средство. Инструмент для некоего соотношения простирающихся под землёй ходов и поверхности; привязка одних ходов к другим для пущей “спелеоориентации” в непроницаемом свете фонарика монолите, — но человек, обладающий *Даром Ощущенья Системы* (что никогда не заменят никакие карты и схемы) без убогих картографических костылей, подойдя к некому, магически влекущему тупику или заложенному буту проход, почувствует: за этим местом — Продолжение.

: *Сколь много было в наших каменоломнях мест, в которых топосъёмка показывала: копать, Система должна уходить дальше, — но или копать это место было нельзя, или “продолжение” после многотрудных раскопок тупиковалось через пару метров банальной камерой забоя. И сколь много замечательных Систем и гротов было вскрыто без “советов рулетки и компаса”!..*

Но при помощи главного из подземных советчиков: СПЕЛЕОИНТУИЦИИ. Вооружённо-оснащённой лозой или каким иным указующим приколом (хоть вещим сном) – без разницы.

* * *

— Наверное, здесь нужно сказать о том, как группа Пети-Крота вскрывала новые системы. Ибо, поверьте: *это тоже Искусство*. И с Очень Большой Буквы.

... Когда они выгружались из автобуса в посёлке Володарского, задняя площадка автобуса крякала и взлетала вверх: распрямлялись рессоры машины. Шмотники весили у них килограмм под пятьдесят,— плюс двадцатипятикилограммовая “машка”... Здоровенная металлическая чушка с острым концом, предназначенная для вскрытия монолитной части шурфа. В рюкзаке она не умещалась — а потому двое просто волокли её за собой на капроновом основьяке. По земле.

: Силы было не занимать.

— Ставили лагерь, выпивали по-первой. Ужинали. Затем уходили в поле с ‘достат. кол.’ спиртного. Как правило, отменной крепости. Садилась в кружок и квасили. По допивании раскручивали последнюю бутылку и считали ики. Горлышко бутылки указывало азимут раскопок; расстояние до него в метрах — суммарное количество иков. Если место по косвенным признакам подходило для вскрытия, начинали работу. Если нет — переигрывали. Били шурф, над которым устанавливали треногу с блоком. Землю поднимали ведром. Ширина шурфа делалась метра в три. Глубина могла доходить до десяти. Копать старались не в самом конце точильного рва, над привходовым обрушением — на раскоп которого часто соблазняются чайники,— а чуть дальше: там, где свод каменоломни явно не был разрушен разрывами пласта с сопутствующими обвалами. Чтоб наверняка войти в её целую часть.

Дойдя до монолита, зачищали его — и наступало *Действие Машки*. Она периодически поднималась вверх на верёвке — и отпускалась на волю. С естественным ускорением. И импульсом. Чем глубже был шурф, тем быстрее раскалывался монолитный козырёк над штреком.

Каждый шурф, пройденный таким образом, выводил в Систему.

: Такой КПД. Не на грани искусства — за ней. Ибо если вскрывать просто “подозрительные места” в бортах оврагов — удачным может оказаться лишь каждый десятый.

: Эту стадию Крот-со-товарищи прошли в “как бы спелеодетстве”.

* * *

Я потому так старательно подчёркиваю те черты нашего спелеума, что

имеют отношение не к вербальному, а к ассоциативному, творческому постижению Мира, что уверен: *всё наше хождение под землю суть Искусство. Не наука, не технологии и не спорт,— хотя, конечно, “пользует их вволю”*. Ибо без должного света ты под землёй — ноль; удобное и надёжное снаряжение сделает твоё пребывание под землёй не борьбой с нею, но Кайфом Вожделенного Бытия; спелеотопосъёмка безусловно необходима, как часть *понимания Мира Подземли*,— и столь же важна-неизбежна часть спортивная: во владении ‘верёвочным железом’ заключающаяся или в ‘технике преодоления шкуродёров’ — без разницы. И необходим должный инструмент для вскрытия завалов. И мастерское умение применять его по назначению. Вкупе с чисто физическими способностями.

Но всё это — средства. Технические костыли-помощники, *не Цель*. Так важны для художника краски, кисти и владение ими; но умения красить достаточно для маляра.

Маляр — не художник.

И мне истинно жаль тех, кто, размениваясь на технические костыли спелеологии, *не разделяет* её цели и средства. Ибо увлекаясь каким-то одним из сопутствующих Главному “технических костылей” (топосъёмкой или вскрышными работами, световым конструированием или комбезно-трансвым шитьём, непрерывным “вождением чайников” по одним и тем же маршрутам — за бабки и без,— постановкой неких “научных спелеоопытов”),— забывают о том, что же есть Мир Подземли **на самом деле**.

: Для чего мы в нём, почему???

: выглядят такие личности несколько однобоко.

Против тех, кто ощущает скрытый Подземлёй мир,— участвует в его Сотворчестве,— и своими строками, рифмами, рисунками, художественно оборудованными гrotами — как и перформансно-прикольным отношением к Миру — творит и умножает сущности, его составляющие.

А значит — увеличивает Негэнтропию.

Против обвального хаоса.

И энтропии *затраченного труда — ради чего?..*

...: “Нет ответа”.

* * *

— Предчувствую возражение: дескать, Настоящая Топосъёмка под землёй *тоже искусство*,—

: НЕТ. Даже если брать работу лично мне известного лучшего из подземных топосъёмщиков Андрея Парфёнова [Маркшейдер⁴²],— *как он умудряется вести безукоризненно-точный ход с идеальной его обрисовкой и абсолютно верно “на глазок” взятыми расстояниями,— порой при таком “свете” практи-*

⁴² Андрей действительно по своему образованию маркшейдер, и не рядовой — кандидат технических наук, доцент Горного института.

*чески севшего фонарика, что его и светом назвать трудно,— и с какой фантастической точностью строит потом на базе этих данных настоящую Карту Системы! — так вот: даже в его случае это — Замечательный Профессионализм. Сиречь, Мастерство. Что лежит эзотерически близко к Искусству, но всё же им не является. Ибо подлинное искусство не отделимо от фантазии, воображения, прикольно-художественного вымысла (что и есть по большому счёту умножение сущностей Мира),— топосъёмка *вымысел* исключает по определению. Она тем лучше, чем точнее соответствует тому, что уже есть в Природе. Так что Мастерство и Творчество — вещи немного различные. Коль значили бы одно и тоже — назывались одним словом. И потому о некой “художественной работе” можно сказать: *это сделано мастерски*. Но — “сделано”, а не рождено. Мастерски — но без души. Хотя “на вид” красиво. А об ином произведении искусства — *неправильно, с нарушением традиций, канонов и классических форм — НО ГЕНИАЛЬНО*.*

: Так отличаются полотна Сезанна от безукоризненных их копий.

Особняком в спелеомире стоят *спелеофотосъёмка и видеосъёмка*, получившая распространение в последние годы,— ибо сами по себе “по определению” являются и Мастерством, и Творчеством. Правильный свет и ракурс снимаемого объекта — безусловно, искусство; умение грамотно подобрать диафрагму и выдержку — мастерство; без должных спелеотехнических знаний эксплуатация фото- или видеокамеры под землёй невозможны. Даже самая плохонькая фотография, сделанная “от балды на память” в пещере случайным чайником, хранит информацию об этом месте, как и вызывает в нашей памяти определённые воспоминания — связанные пусть не с объектом съёмки, но с неким одновременным эпизодом,— снимок же и видеолента, исполненные Творчества — безусловно, произведения Искусства. А потому я никогда (в отличие от В. Мальцева) не смогу осудить тех, кто ходит под землю лишь ради “презренных фотографий”. Ибо частенько слышал, как некто крутой, вволю наиздевавшийся в пещере над “путающимися под ногами дармоедами-фотографами”, по завершении выхода слёзно упрашивал у них “хоть одну карточку на память”. Кстати: сам Мальцев, в первых главах своей книги «Пещера судьбы, пещера мечты» обливший помоями любителей спелеофотосъёмки, потом отчего-то вдруг “прозрел” и принялся изо всех сил делать вид, что “тоже занимается ею, и получше прочих”.

: Похоже, с его точки зрения “лучше” заключается в усаживании под характерный спелеоантураж позиционированных девочек. Что в принципе низводит фотографические потуги такого рода на уровень календарной попсы, продаваемой в подземных переходах.

: “Подобное в подобном”.

... в этом выходе в Володары мы стояли в гроте Нью-Сьяны – названном так Петей-Кротом в честь альма-матери подмосковной спелестологии. Откуда ‘озабыченная власть’ *попросила спелестологов удалиться*, – к вящей славе новых вскрытых Систем.

: Той же Курьей. И между прочим, любимых мною Никит. Что усилиями SCO и “Парабелума” в середине семидесятых не только распахнули свои окоёмы в несколько раз (против открытых ГКС), но и оснастились новым входом и первыми, оборудованными для подземных стоянок, гротами.

Кроме нас в Системе случилась компания Крота, – естественно, вечером мы “плотно общались”, и гитара имела хождение за столом наравне с напитками и прочей снедью.

Днём гуляли по (тогда ещё) трёхкилометровой Системе, восторгаясь безукоризненно-чистыми коридорами-проходами, бутовыми стенами, изумительной красоты гротами, столь непохожими на родные никитские, – ближе к вечеру, когда стали собираться на выход, в Нью-Сьяны ворвался “более, чем возбуждённый” Петя-Крот.

– Командор, у ваших лопаты есть???

: Немного странный вопрос для вечера воскресенья. Когда не откапывать новое надо – домой спешить. Ибо с утра всем без исключения – на работу.

– А для чего?

– Умчался, махнув рукой. Сложили вещи, шествуем к выходу. *Так жалко уходить!..*

... Не доходя до выхода, встречаем Препятствие в виде того, что на языке химиков именуется H_2O . В нашем случае – H_2G . Судя по консистенции и запаху. Ибо пока мы отрывались под землёй, на поверхности случилась мощная оттепель — *и во вход устремилось... То, Что Не Могло В Него Не Устремиться.*

: М-да.

Компания Крота – Кляксин, Сам Петя-Крот, Лёня-Хам и Ольга Красновская, работая изо всех сил лопатами, пытаются прокопать канаву в подходящем к привходовой части Системы штреке — “дабы понизить уровень гавниц”.

На глазах затапливающих Систему. Начиная с входа-выхода...

– о котором пока нужно забыть.

Спрашиваем, что делать нам.

«Сидите и не мешайте». Замечательно. «Нужно-ли собрать всю оставшуюся жратву, плекс и бензин?»

– Дурацкий вопрос! Командор, ты же не первый год под землю ходишь — делай то, что нужно делать!!!

: Делаю то, что обязан. Свет гасится. На запасочном минимуме во все концы Системы устремляются Цыганов, Белкин и Марченко — централизовать возможные источники калорий. Как света, так пищи и тепла для приготовления оной.

Притаскиваются занесённые в Систему таблички — если копать щебень с глиной ими нельзя, то можно отгребать жижу. Пакуем вещи в полиэтилен — ясно, что на поверхность можно вынести лишь минимум, в который предстоит переодеться. По возможно-желанному выходу. Подспудно — оторопь: *какая будет клизма на работе...* Не думая ни секунды о том, что в самую настоящую клизму мы уже попали.

— ТЕПЕРЬ смешно: в прямой видимости пресловутого “факта смерти” думали о том, что если опоздаем на работу в понедельник, будет взъёбка. С лишением премий и прочей “этсэтерой”,—

— смешно и жалко. **Каких верноподданно-фрондирующих рабов изготовил из нас совок...**

: ладно. Описываю, как было. Две группы вещей пакуются отдельно — в одной минимально-лёгкие, как торпеды, свёрточки с личным цивилём каждого — для возможного выноса на поверхность,— во второй огромные полиэтиленовые баулы с прочим. Без деления, где чьи шмотки: наши или компании Крота. Ясно всем: за ними возвращаться не скоро. В этих баулах — спальники и пенопластовые коврики с дутиками для спанья, комбезы, каны, примуса... Очень много всего. Что покупалось на крохи сэкономленных денег, шилось своими руками, заказывалось знакомым токарям на заводах,— как-то доставалось,—

: нет смысла *теперь* всё это описывать. Тогда была эпоха иная — и каждая крошечка нашего снаряжения значила очень много для каждого. Ибо всё создавалось-накапливалось своими силами и помощью друзей.

И не описать мне неведомый современным спелекам великий и страшный стрём внутри каждого из нас, что можем опоздать в понедельник на работу. *Не что вообще можем умереть,— представляете?.. — а что просто опоздаем.* Хоть на пять минут⁴³.

Притом все понимали: то, что происходит — некая гонка, состязание с Природой. Ибо за весело текущей водой, пусть и смешанной с навозом, пойдёт глина из стен привходового колодца. Запечатывающая вход.

А значит, нужно не переживать — *успеть прорваться*.

— И мы прорывались. Сменяем компанию Крота, верняком круга по три уже отмахавшую лопатами. “Гавноотводная канава” готова — “не вяло текущие дерьмищи” устремляются дальше в Систе-

⁴³ В связи с этим душным совковым мороком не могу не вспомнить историю, рассказанную мне мамой: году в пятидесятом женщина вылетает из подъезда, бежит, сломя голову, через двор, выбегает на улицу,— нервно ждёт трамвая на остановке — и причитает: «ну что же, ну что его нет? Меня же...» На что ей отвечает случайный прохожий: «Милочка, ведь воскресенье — трамваи ходят реже.» «Как воскресенье?..» — удивляется женщина,— «а я думала...» «Воскресенье, воскресенье»,— утешает её прохожий. И женщина оседает наземь — потому что в *те годы* за пятиминутное опоздание на работу могли не просто уволить.

му, понижая уровень привходовой “обговнёнки”. Теперь можно прорваться вперёд и заглянуть-посмотреть: *как там привходовой шкурник?..*

: Смотрим. Картина – более чем аллергическая. Из шкурника фонтанирует смесь, подаваемая в трёхметровый привходовой колодец со всей воронки. И поля. Длина шкурника до перегиба, то есть до входного шурфа – три метра. Судя по напору, шурф заполнен весь. И нижняя часть воронки тоже.

: *нужно выныривать.*

Но — физически невозможно. Даже подойти к горловине шкуродёра. Ибо штрек столь плавно переходит в него – ни упора, ни торчащего камушка,—

: *как “подныривать”, когда не во что упереться?..*

Значит – копать дальше.

: Хватаю освободившуюся лопату, устремляюсь вперёд абсолютно голый,— что мне? На Севере бывало и хуже, и вообще, как славно замечено у Суворова, “не бывает холодной воды, потому что когда она холодная, она замерзает, но лёд можно проломить и под ним оказывается тёплая вода...”

– Шмотки заначены в кейсе. Кейс обёрнут в полиэтилен. Главное, надеть на себя сухое бельё *после всего этого.*

: пытаюсь копать — сзади налетает Крот и, сгребая в охапку, вышвыривает из доходящей до пояса грязи. На кучу бута.

– Тебе что сказали делать?.. Где твоя гитара??? Играй, паскуда, пой — пока не утопили!!! Копать и без тебя, кому есть!

: *Ужасное положение. Тем более, в присутствии копающих женщин. Под мои струны и рифмы. Вспоминаю без тени кокетства,— понимая, что да: так было надо, так было лучше для всех — и совсем не потому, что я мог копать хуже прочих... МНОГО ЛУЧШЕ —*

Но из присутствующих лишь я владел гитарными струнами.

Никому из попадавших в подобные ситуации не пожелаю такого “владения”.

: Потому что – *играл*. Всё самое весёлое и забойное, что знал. Играл так, чтоб каждому казалось — “всё херня”. На ходу заменяя известные строфы спелеосамодеятельными,— вплетая имена, прозвища, ситуации...

: Веселил народ. Потом согревал Наташку, подругу Глеба Семёнова,— все были уже раздеты, вещи упакованы,— Глеб и Цыганов с Марченко подвели понижающий уровень гавнищ арык к самому входовому шкуродёру, оставались минуты до *выбрасывания*,— перепаковать вещи никак было нельзя, и я, дорвавшийся (всё-таки!) до лопаты, был отстранён на “застуженный отдых”,—

: *этакой грелкой.*

– Временно, как меня утешили. Поскольку на гитаре к тому моменту (моими специальными усилиями) осталась лишь половина струн,—

: Плевать. Всё равно ясно: *на поверхность её не вынести.*

А теперь – “полный и окончательный унлимитед&абСЮРд”. Думаете, по-

ка “никитские гости” копали, хозяева заслуженно отдыхали?..

: Ничуть. В это время они пытались пробиться за забутовку вправо – если стоять внутри Системы, – то есть туда, где позже были открыты Системы Таврово и Лукоморье. И из которых тоже можно было бы выйти на поверхность. *Очень важный момент! – тогда этих Систем НЕ БЫЛО, – но интуиция безошибочно повела Крота. Они не успели пройти до соединения каких-то полметра бута, –*

— ибо мы понизили к тому моменту уровень привходовых гавнищ настолько, что стало ясно: **ВЫНЫРИВАТЬ. НЕМЕДЛЕННО. СРОЧНО. ВСЕМ,** –

— Первым пошёл Лёша Кляксин. Ничего не взял с собой, – лишь комбез на голое тело < который уже был настолько мокрый и грязный, что не было смысла его снимать >, –

... следом устремился наш Белкин. Ибо решили: выныривать строго “чрез один”. Мужик из компании Крота, наш, затем их женщина, наша, – и далее.

Смотрю – уровень гавнищ резко упал, почти выдохся, – но радовался я преждевременно. Оказывается, команду “брать только минимум вещей” Белкин воспринял как-то странно — *и начал забивать во входной шкуродёр свой перегруженный шмотками “яр”. Ногами, лёжа на скользкой глине. Конечно, тут же забив им шкурник — чем и вызвал временное отступление гавновлаги.*

: Колодец наполнился жижей доверху. Белкин продолжал методично вколачивать в него бесформенное порождение совковой торговли.

Видимо, наполнилась Н₂Г и нижняя часть воронки — ибо поединок овна Белкина со стихией не мог не окончиться тем, чем окончился: давлением жижи его вместе со шмотником вышибло вон из шкуродёра — и пронесло мимо меня по дну штрека (по прокопанной канаве) до первой встреченной груды бута.

: “Удар, гол”. Белкин временно отдыхает, – остальные выныривают.

После удаления из Системы нормальных людей допускается выйти/вынырнуть разьебаю Белкину. Без рюкзака (Петя сообщает ему, что за своим “яром” он может нырнуть спецрейсом на следующие выходные). Долго спорю с Кротом, кому выходить последним, – хоть это и бессмысленно. Конечно, Крот выпихивает меня, – однако, для сохранения реноме, мы вдвоём протискиваем за собой ещё один полиэтиленовый свёрток: часть каких-то тёплых вещей и остатки перекусной еды.

: безусловно пригодится. На поверхности.

Принимаю у Петьки импровизированный полиэтиленовый транс – стоя в распоре в голем виде на дне колодца под нивально-навозно-потрошковоглиняным душем, – вздымаю его над головой, – Лёня Хам подхватывает, передаёт дальше, – помогаю вывинтиться из шкуродёра Кроту, – вылезаю-выкорябываюсь, хватаемый за руки Цыгановым и Хамом (на руках потом неделю остаются синяки: от хамского зажима раза в два обширней, чем от цыгановского), – за мной выдёргивают Крота...

: ВЫШЛИ. Под последние “чпоки” закрывающей вход глины.

Пока не остыл, катаюсь по грязным остаткам снега: оттереться-очиститься

от скверны. И скверного запаха. «Одевайся, мудака!!!» – хором орёт народ вместо почти заслуженных аплодисментов. Рядом стоит Контраст — абсолютно-недвижимый Клякса.

Ибо, пока мы прорывались наверх, не только Неумолимое Время отсчитало “несколько колов бремени” (и теперь показывает полтретьего ночи), – температура не оставалась положительной. И судя по ощущениям, гораздо превосходит проводившие нас под землёю -10°C . *Раза в два,* –

– а потому Клякса, вынырнувший безо всяких вещей Первым, – в расчёте, что следом за ним вынут заготовленный свёрток с тёплым и сухим “цивилём” — но следом за ним был пущен Белкин, забивший колодец своим “яром”...

— чувствуя, что замерзает, Клякса попробовал изобразить нечто вроде зарядки. (Когда кончился мат – несправедливый в адрес всей моей команды и вполне заслуженный Лично Белкиным.) И разведя руки в стороны, ЗАМЕР.

: Карбышев. Хотя по форме больше напоминает огородное пугало.

Влекомый идеей эзотерической мести, в изложении Сталкера заморозил так самого Белкина. *Пусть каждый раз, когда Читатель будет штудировать страницы моего реалистического мифа, его прошибёт озноб. Не Читателя, разумеется, – Белкина. Какая бы дружба нас ни связывала...*

— Народ разрезает/раскалывает оболочку Кляксы («Клякса фиксированная, выдержанная»), – переодевает и растирает содержимое снегом, – *бегом устремляемся в посёлок. На ходу обмениваясь мнениями: где в данное время года и суток в нём может быть теплее.*

На ткацкую фабрику нас не пускают – несмотря на то, что идут работы и явно не очень важные, – то есть ‘производственного абсцесса’ мы не сорвём, –

— ладно. Совки. Бог им судья.

В ментуре просто не открывают дверь⁴⁴, не взирая на то, что Хам обещает их “твёрдо отмудохать”, Белкин – “умереть на пороге” (ибо почти голый на таком ветру и морозе: всё заначенное тепло сгнуло под землёй от жадности в “яре”), – я же просто показываю Истерику Обыкновенную, Учебно-Воспитательную №1, –...

/ НЕ ПРОШИБАЕТ — МЕНТЫ.../

: ПРИНИМАЮТ ПОЖАРНЫЕ. Ведут в свою ТЭЦ, уstraивают около плюющихся камчатскими гейзерами котлов, – появляется толика самогона...

: Большого — не нужно.

: ЖИВЫ. И – ладно.

А раз живы, следующий очевидный вопрос –

— Что будет на работе???

– ах, как страшно не то, что прогулять рабочий день –

⁴⁴ Первый и последний раз в жизни добровольно рвался в ментуру — как и прочие участники этого выезда (“и надо же — не оценили!”).

опоздать хоть на полчаса. На трудовую деятельность, которой “можно было заниматься спуская рукава, не заниматься вовсе, или пахать до седьмого пота – результат от этого не менялся”. ВСЕ ЭТО ПОНИМАЛИ —

Но опоздать страшно боялись. Даже в столь экстремальной ситуации, в которой вопросом вопросов было наше физическое выживание – и потеря, гибель не копейки стоящего снаряжения, одежды...

“Вот такие дела, вот такие картинки”. Смешно? Грустно??

: ТАК БЫЛО. И такими мы были тогда. Фрондируя перед совком – оставались, по сути, его рабами. С такой замечательной самоответственностью...

— *Насколько же безумной*

должна быть власть, чтоб даже из нас — таких!!! — сделать подлинных и непримиримых своих врагов???

«Я ДРУГОЙ ТАКОЙ СТРАНЫ НЕ ЗНАЮ...»

* * *

“Как встретишь Новый год – так и проведёшь”. Не сомневаюсь, что к отдельно взятому времени года поговорка эта тоже имеет отношение: если март ознаменовался потрошково-навозным паводком в Курьей, то апрель был отмечен просто психопатической мокрозадастью: мы с Белкиным и Пашей Литовкой из “Вандерерс” осуществили байдарочный сплав в апрельский паводок по Рожайке – практически от её истока неподалёку от ст. Колхозная Курской железной дороги до Никитского. К сожалению, последние 15 км нашего умопомрачительного хаджа остатки трёхместной брезентовой субмарины марки “Салют” пришлось нести на себе – а не плыть в оных... Об этом нашем утопительном хадже можно рассказывать не меньше, чем о Навозном Паводке [когда мы достигли назначенного по карте начала маршрута, были неприятно поражены размерами речки: даже в заявленный паводок при спуске на воду байды нос и корма упёрлись в левый берег – середина борта в правый, соответственно излучине реки, – дальше было ещё веселее], –

: поведаю как-нибудь потом, при случае.

Финишировал общее весеннее обострение долгожданный забор Бороды в армию:

По завершении майских праздников Борода пошёл в магазин через дорогу “за хлебушком”; на обратном пути, ожидая зелёного светофора, узрел “226-й”, что привозил к родному военкомату “почти вплотную”. Остановка автобуса была предательски рядом. И стукнула его идиотская мысль: съездить проверить, когда его ожидают “сапоги” – ближайшей осенью, следующей весной – или значительно позже. (С робкой надеждой: а может, и никогда, – раз третий год военкомат не подаёт признаков жизни?)

: Съездил. Получив под расписку повестку “явиться завтра с вещами”.

– Провожали его всю ночь полным составом “UM”/“Wanderers”, и никто не верил, что это всерьёз. Дума-

ли, прикалывается. Повод придумал, чтоб мы все собрались-встретились “за круглым столом”. Даже мама его не верила – до самых ворот военкомата.

: *С этого дня анекдотическая фраза “ни фи́га себе сходил за хлебушком” стала в Никитском Кругу культовой. С оттенком военизированной мудаковатости.*

* * *

В июле этого года я познакомился с Сашей Мишиным – знаменитым уже тогда Гномом. [Спелеологов и спелестологов с таким ником было много; *Гном был один*. И этим всё сказано.] Нас свёл Саша Морозов, – пригласив как-то в горклуб, обоим сказал примерно следующее: «Ты хочешь заниматься подземными пребываниями; ты тоже. Почему бы вам не заняться этим совместно?»

: У Саши был замечательный талант находить людей.

На этой встрече зашёл разговор о готовящемся – точнее, уже творимом сашиными сподвижниками “московском дворцовом спелеоперевороте”. Морозов спросил меня: не желаю-ли я вместе со своими друзьями принять участие в происходившей “спелеоаттестации”? Он гарантировал, что наше хождение в Никиты будет расценено, как спортивная “двойка”. Я подумал и отказался. Ибо любые контакты с “официозом” были мне глубоко противны; не сомневался я и в отрицательном ответе всех, кто меня тогда окружал. Как и в том, что игры с совком, да ещё по его правилам, могут дать что-либо действительно полезное. К тому же нас было тогда очень мало — чем мы могли ему помочь?

«Может, ты и прав», – вздохнул Саша.

Гном предложение Морозова принял – ибо он в то время уже получил статус официального спелеоинструктора. И с подачи Морозова вошёл в Московскую Спелеокомиссию.

— Теперь, “задним числом”, можно долго фантазировать: что было бы, прими я предложение Морозова. Возможно, Саша рассчитывал ввести меня в состав Московской спелеокомиссии – как ввёл Гнома, – предварительно оформив моё “спелеоинструкторство”; мог ввести меня, как “заслуженного представителя” легализовавшейся теневой, “каменно-ломенной спелеологии” < слово спелестология тогда ещё не вошло в наш лексикон >. То, что это было вполне возможно в то время – факт. На волне подковёрных интриг та и другая сторона чуть-ли не пачками раздавали соратникам всевозможные спелеологические титулы и звания, – в каких-то случаях “по совокупности” реальных, но не учтённых официально спелеозаслуг; в иных случаях исходя из одних личных симпатий.

Только — что мне были официальные бирюльки и звания? Отказавшись от карьеры офицера ПРО, – от всех, связанных с этим регалий-привелегий-обязанностей-обязательств-должностей-званий, отказался от *всего подобного* раз и навсегда. Тем более смешно было: похерив реальную государственную

службу и реальные воинские звания – *прельщаться самодеятельными бумажными погончиками.*

: ну что они могли мне дать – новые спелеознания? Какие-то новые, не известные мне пещеры? Может, ответ на вопрос: что же есть непонятный и неосознанный, но так ясно ощущаемый нами Зов Подземли?.. Или понимание того, что есть наблюдаемые нами спелеоаномальные явления???

: Неопровержимая логика –

– полного и законченного идиота. Клинического мальчика, которому не грозит стать взрослым.

: *Войди я тогда в московскую спелеокомиссию наравне с Гномом — совсем по-иному повернулись многие события. В том числе проведение моего первого серьёзного группового подземного пребывания и профессиональная спелеонавтическая работа в МОГИФКе...*

Но бессмысленно мечтать о том, что “знал бы, где упасть...” –

: проявил себя самым настоящим упрямым козлом – молодым, глупым, оказавшимся не в силах просчитать элементарные “плюсы” и “минусы”, что складывали Мировые Линии грядущего —

: ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ.

Сполна. Но чуть позже –

* * *

Лето ознаменовалось ещё двумя примечательными знакомствами: Белкин свёл меня с Игорем Юрьевичем Прокофьевым – легендарным основателем ГКС (Группа Краеведов-Спелеологов). С ним вместе искали с “рамками” – впервые опробовав загадочное лозоходство – подземные ходы в Вороново.

: До того лишь слышал о лозоходстве нечто туманно-расплывчатое, с оттенком иронии — начав работать, убедился: действует в полную силу. Когда Г-образно изогнутая проволока в моих руках повернулась – помимо моей воли! – точно над ходом, уже известным Прокофьеву, испытал столь сложные чувства, что передать на бумаге их не смогу. Даже теперь, столько лет спустя. Могу лишь сказать: аналогичное потрясение я испытал, когда через год впервые оказался на спиритическом сеансе – и блюдечко под моей рукой (которого я вовсе не касался!) вдруг дрогнуло и начало двигаться вдоль круга с написанными буквами алфавита...

: Всё это посеяло под моим черепным сводом известные сомнения в “единственно верной” материалистической картине Мира Здания. Сомнения усилили два армейских ПСП, во время которых ясно видел своё тело, распорстёртое на полу казармы, и с этим телом себя никак не соотносил, – и несколько наблюдений в Никитах “подземного свечения свода” (наблюдения во всех случаях были групповыми) – что навеки стёрло скептическую усмешку в отношении “подземных чудес”, о которых рассказывали мои друзья.

И которые наблюдал под землёй сам – о чём рассказано в “ПЧК”.

А июльская ссылка меня от “родного ящика в колхоз на картошку” обернулась не только раскопками подземного хода в заброшенном монастыре в Фаустово – но и удивительно плотным сближением нашей “бродяжьемаразматической команды” с SCO-шной группой Валеры Чукаева. Ну да ещё бы этого сближения не возникло – сам я генетически происходил из дворцовой астрономической группы⁴⁵, что автоматически подразумевало близость к созданному на основе астрономической секции Дворца SCO; в соседнем отделе НИИ “Титан”, где я работал после армии радиомонтажником, трудился токарем Лера – как и я, сосланный на те же принудительные сельхозработы и входивший в группу Чукаева, – уловив мой пристальный взгляд в направлении провальной монастырской воронки, он сразу спросил: что, тоже подземщик?

: В ближайшие выходные мы с Лерой не поехали в Москву, как делали наши коллеги-работяги, – к нам в Фаустово приехали наши группы. Практически полным составом. С удивлением узрел в группе Чукаева уже знакомого мне Виталика Марченко – оказалось, его сосед по дому Скворешня входил в группу Валеры. Отрадовавшись цепочке невероятных совпадений, приступили к вскрытию Потерянных Монастырских Ходов.

С использованием обрётённого мной опыта лозоходства.

В процессе вскрытия “сблизились просто необычайно” –

— а уж после драки, что нам устроили местные гопники (в результате чего мы гоняли всех деревенских отморозков по селу и его окрестностям, аки английские лорды затравленных лис), просто не могли разъединиться.

Остаток лета прошёл в совместных походах на слёты самодеятельной песни, поисково-вскрышных работах в Подмоскovie и товарняковых хаджах по стране – уволившись с совковой работы, позволил себе месячный отпуск, прежде чем устроиться с помощью Гнома на работу в Первый ММИ на кафедру Нормальной физиологии прибористом. Числясь при этом *препаратором*, ибо по штату лаборатории, утверждённому ОК в тридцатых годах, должности прибориста предусмотрено не было. Прибористом же устроился для того, чтоб овладеть навыками в параметрическом снятии физиологической информации — поняв, что спелеонавтических экспериментов-пребываний не избежать, ибо тянулся к ним подсознательно, – подтолкнуло и чтение Сифра: изданной при участии Гвоздецкого его книге «Один в глубинах Земли».

: Гном, заканчивающий тогда I ММИ по специальности терапевта и начавший заниматься спелеомедицинскими исследованиями в подольских пещерах-каменоломнях, сказал: «Не майся дурью, коль официально учиться нельзя – учись реальной работе. А народу с учёными степенями на наш подземный век хватит.»

: Конечно, он был прав.

На мой недолгий спелеонавтический век вполне хватило учёных со степе-

⁴⁵ Имеется в виду – астрономической группы Московского Городского Дворца Пионеров и Школьников.

нями и “громадьём” экспериментально-физиологических планов,— кого по жизни *не хватало* всем этим деятелям науки, так это таких, как я. Ибо все они или “тянули исследовательское одеяло на себя друг у друга” — или были не способны представить, как организовать в полевых экспериментальных условиях измерение мышечной усталости или тремора. Так как не отличали транзистор от тиристора.

“А унитаза от рояля”.

* * *

К осени 1979 года мы представляли собой устойчивый конгломерат из трёх групп — “осколочек SCO” (Валера Чукаев, Вадик Калошин, Скворешня, Лера и Виталик Марченко),— “Wanderers” (Пиф, Завхоз, Лёша Лисицын, Паша Литовка, Кант и ЮДА с Базой),— и “UM” в обновленном варианте: шлющий из армии письмо за письмом, а потому “как бы условно присутствующий” Борода,— я, Белкин и примкнувшие к нам две замечательные подруги: Таня Виноградова и Юля Мескотинина. Юльку мы перетянули из дворцового кружка ГРТН; она привела свою одноклассницу Татьяну. Татьяна взяла себе ник Ведьма — что ж, экстрасенсорные способности у неё действительно были.

А ещё с нами была Крыса — Лариса Кузнецова, младшая сестра Кракодила. Сильно погрузившегося в вертикальные пещеры, а потому оставившего воспитание сестры на наше никитское усмотрение.

И Ведьма “воспитывала”: сведя Виталика с Крысой, каждому “по секрету” сказала, что другой (другая) не может жить без...

МЕЖДУ ПРОЧИМ, УГАДАЛА-ПОПАЛА. БЕЗ ПРОМАХА.

: Пара получилась на диво прекрасной — при том, самые молодые из нас... Виталику ведь не было и шестнадцати. Крысе “было почти”.

Такой получился в результате “спелеосоюз” из трёх близких по духу групп. “Маразматки”, затеянные ещё в “Первом Уэме”, получили достойное продолжение,— каждый выпуск делался теперь совместно нашими тремя командами, и обязательно сопровождался замечательными рисунками Ведьмы — рисовала она просто здорово. И так как под землёй мы тоже предпочитали стоять вместе — со стороны, наверно, мало кто мог различить: где “скотская” часть нашего объединения, где “маразматическая”, а где “бродяжья”.

: ЭТО БЫЛ ЗАЧАТОК ТОГО, ЧТО ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА СТАЛО НАЗЫВАТЬСЯ НИКИТСКИМ КРУГОМ.

У меня был бурный роман с Юлькой; Белкин при виде Ведьмы делал стойку и впадал в характерно-непробиваемый ступор... На что Ведьма довольно хмыкала. И не подпускала Андрея к себе ближе, чем на полтора метра. “Храня верность будущему неизвестному (пока) мужу”.

: Татьяна вообще удивительный человек. И достаточно удивительно складывались наши отношения на протяжении всех лет знакомства и дружбы — не говоря о том, что мы по-прежнему, как и в то далёкое лето

1979 года, испытываем друг к другу самые подлинные братско-сестринские чувства — и по-прежнему, каких квартир ни меняли, живём поблизости друг от друга. Танька вырастила и прекрасно воспитала двух дочерей и сына; у неё замечательный супруг — с которым мы, естественно, тоже дружны — не спелеолог, но один из ветеранов куста “Разгуляй”, представитель героического племени пожарных; сама Татьяна работает в районном отделе социальной помощи. Кто знает, что это такое — тот знает. Конечно, зарплаты что у неё, что у Лёши не столь велики (коль говорить мягко) — тем не менее, Таня практически в одиночку (Лёша работал в смену) подняла дачу в Калужской области, за 250 км от Москвы. С самого нуля, который называется отсутствием дома и огородов. В глухом лесу. В посёлке, где был десяток домов — и все завидовали и ненавидели “с жиру бесящуюся” москвичку. Жгли дом, травили кур и скотину. Вытаптывали посеvy. А Танька начинала всё вновь и вновь. Пока не зауважали и не начали считать за свою, селянку.

Год назад в автомобильной катастрофе погибла её двоюродная сестра — Таня усыновила её детей. “До кучи”. Чтоб своим скучно не было.

— Я мог бы написать о ней не одну страницу, — как уже сказал, у меня с Татьяной мгновенно и сразу установились замечательно-братские отношения, — тем более, что наши мамы довольно быстро выяснили: мы с Танькой (бывает же такое!) действительно родственники, то есть брат и сестра — но сколько троюродности связывает нас, в точности установить невозможно: слишком сильно раскидала и запутала военная эмиграция наших общих предков. Понятно, что отношения наших мам по обнаружению пропавших семейных ветвей стали “не самые дальние”... К нашему подлинному несчастью. Ибо по вечерам они по телефону обменивались информацией о том, что сегодня делали “их дети” (для родителей мы всегда остаёмся детьми, сколько бы лет нам ни исполнилось), — и кто на кого влияет дурнее: я на Татьяну или она на меня... **Это было подлинное проклятие и бедствие.**

В городе они нам просто не давали общаться — спасались походами-бегствами в лес и под землю. С компанией Валеры Чукаева и “Вандерерсами”.

Но Завхоз с Пифом до октября умотали на Камчатку, — оставшаяся часть не признавала ничего, кроме Никит. Нам же хотелось большего.

А потому в конце августа я предложил “вскрыть Володары”. То есть — Курью. С которой у меня было связано столько нетленных воспоминаний...

* * *

: Поехали 25 августа максимально полным составом — то есть с Крысой, Марченко, Белкиным, Юлькой и Чукаевым с Калошиным.

: Когда Вадим ездил с нами, мои пальцы заслуженно отдыхали. Ибо пел и владел гитарой он так — как мне никогда не представится даже в самом пре-

красном сне. Валера тоже играл на гитаре,— в SCO это считалось своего рода нормой,— но примерно на моём уровне. От которого наши девочки в отсутствие Вадима *терпимо хмыкали...*

Как обычно перед серьёзно-программным выездом, сделали газету-маразматку. И пяток плакатов. Поскольку Ведьма мастерски владела кистью, качество наших “самиздаток” того года не только не проигрывало первоначальному — зримо превосходило. И стихов в них — особенно в силу тогдашней моды “спелеосади́стких” — было больше, чем в первых. [*«Белкин надел свой любимый комбез, в старом карьере в дырку полез — сверху с дерьмом подкатил гавновоз... ТРЕТЬЮ НЕДЕЛЮ ХОХОЧЕТ ЗАВХОЗ!!!»* или такое: *«Упала плита, перекрыв коридор — “СЛЕТАЛ ЗА ВОДОЙ” к Роднику Командор... Многие есть, что ребятам сказать — больше Москвы никому не видать!..»*

: на моё стремительное, в духе тех лет, “летание по Системе с минимумом света”...]

... Погода стояла просто потрясающе-солнечная. Даже жаркая. Народу в автобусе было — не продохнуть. В довершение всего автобус плёлся, как контуженный инвалид,— и бензином воняло... От канистры разгильдяя Белкина конкретно, и от автобуса в целом.

У Ведьмы — астма. Под землёй ей становилось легче⁴⁶,— но ведь до этой “подземли” ещё нужно доехать... И Татьяна стонет: «ну когда, когда же мы, наконец, приедем?..»

: Как маленькая. Зверея от беспрестанных (а главное — бессмысленных) приставааний, рывкаю:

— Я ЖЕ ТЕБЕ ЕЩЁ ПОЛЧАСА НАЗАД ЯСНО СКАЗАЛ: *ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ БУДЕМ НА МЕСТЕ!!!*

— Аплодисменты.

— Но доехали. Поставили лагерь на удобном пятачке над воронкой,— среди красивеньких берёзок в золотисто-осенней листве; палатки, костерок с тросом над ним и брёвнами сидений вокруг,—

: Красивый, уютный лагерь. Ставится за полчаса. Пока одни растягивают палатки, другие озадачиваются дровами, костром и сидениями вокруг одного.

⁴⁶ Причём, как выяснили: в Курьей она дышит легко и свободно, и за сутки обрётённого дыхания хватает на несколько городских дней,— в Никитах облегчение меньше. Очевидно, в силу разницы микроклимата этих Систем. В тоже время я знал людей, что, страдая той же болезнью, настоящее облегчение испытывали только в Никитах. Или в Старицких каменоломнях. Отсюда следует: *каждому лёгочному больному нужно очень внимательно подбирать ту Систему, что действительно купирует его болезнь. Универсальная спелеотерапия — не срабатывает; отсюда далеко не стопроцентная излечимость больных в подземных клиниках Соликамска.* [Г. З. Файнбург, «Российской спелеотерапии — 20 лет» в сборнике “Спелеология в России”, изданном в 1998 г. Российским Союзом Спелеологов.]

Одно неудобство – за водой приходится бежать к деревенской колонке.

Вечер – за костровыми песнями, чаем, вином и разговорами. Ужин с колбасно-сырными городскими деликатесами.

С утра раскопки. Цель выезда. Над шурфом развешаны плакаты – гибрид дацзыбао и граффити работы Ведьмы: «ЕЩЁ ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ ВЁДЕР – И ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК У НАС В КАРМАНЕ!!!» «ДЕФЛОРИРОВАТЬ **ТАКОЕ** СПОСОБЕН НЕ КАЖДЫЙ» и «ВОТ ЭТО – *стрелка вниз в обрамлении “пещерной омеги”* – **ДЛЯ МУЖЧИН!**»

И – анекдотически-хрестоматийное:

«ТЫ КОПАЙ, КОПАЙ...»

: Копаем. Пока трудимся мы с Белкиным, Чукаев и Калошин развлекают всех пением. И игрой в две гитары. Марченко занимается дровами. Аллюзия в голове: из дыры вырывались под гитарные переборы, и входим теперь в неё под тоже самое...

Когда в раскоп опускаются гитаристы, сменяющие нас, мы с Белкиным отдаём “культурный долг” спелеоанекдотами. И стишками, творимыми тут же:

В Курью Систему команда попала –

Выход в навозе полночи копала.

Без приключений не выдержать год —

В том же навозе копается вход...

: Ведьма скрупулёзно записывает – как и прочие приходящие в наши головы перлы. К вечеру готова ещё одна “маразматка” – походно-тетрадного формата. С замечательными танькиными рисунками.

С края поля слышатся удалые звуки горна и пионерского барабана, – появляется в “полном боевом облачении” компания Крота. Аксельбанты на дивно раскрашенных, “более чем необычного покроя” комбезах, – чей-то комбез имитирует рыцарские латы, у другого – одеяние мушкетёра, у третьего то-ли Бабы Яги, то-ли лешака, то-ли шубина, – несмотря на яркий солнечный день у всех – включённые карбидки. Очевидно, “из прЫнципа”.

: Этакий спелеотеатр на выезде.

– Копаете?.. Ну-ну...

— Уходят дальше, отдав долг изучению висящей у коистра загодя сделанной газеты. < Ваяете? Ну-ну... >

– К полудню открывается замытый входовой шкуродёр. Хоть за водой больше не бегать в деревню: Курья оборудована прекрасно действующими водокапами, – между прочим, ещё одно подземно-творческое “ноу-хау” от Крота: нигде до того под землёй мы не видели столь удобно и красиво оборудованных мест сбора капающей со свода воды...

К трём часам дня в Систему можно войти на четвереньках, не сильно даже запачкавшись.

Вновь появляется Крот.

– Таки вскрыли??? Ну вы, блинн, даёте... Что ж теперь с вами делать? Так и быть: ходите...

: благословляет королевским жестом на дальнейшие спелеоподвиги.

В соответствии с благословением посещаем Курью практически каждые выходные этой осени. Кроме одного выхода на следующей неделе в Никиты – по традиции, открывающего тамошний осенне-зимний сезон первого сентября, – после которого я остаюсь ещё на один день...

– *И на следующий день в Систему приходит Шкварин.*

Но мы об этом ещё не знаем. Выясняем с Белкиным: наши авансы и зарплаты сдвинуты относительно друг друга на неделю, – в силу чего один выход финансово обеспечивает Андрей, другой я. Ибо после получения “пособия” это сделать не трудно — через несколько дней крайне проблематично.

: С нашими зарплатами лаборантов⁴⁷.

Начинаются осенние дожди, – чтоб не допустить повторного замыва вновь открытого входа, решаем сделать над ним навес. Для чего я на соседней с домом стройке ворую рулон рубероида. И волоку его в Курью. На себе + рюкзак, – весящий тоже не мало.

: Сколько весит рулон рубероида, очевидно.

Выхожу из автобуса в Володарском под первые капли грозы. Через пять минут под ногами не земля – липкий кисель; вокруг не воздух – “а в основном вода”, – с неба шандарахают молнии. Одна за другой. Марширую по полю под неприподъёмным грузом к нашей стоянке, размышляя о выдающести собственного тела “в положении почти на карачках”.

В лагере палатка Белкина. Уют и тепло. На примусе свежесваренный чай; рядом на полиэтиленовом пакетике – импровизированный столик: сырок, колбаска и малиновый ликёрчик.

: Вчера у Андрея была зарплата.

На другой день ставим над входом навес; привходовой колодец огораживаем дамбой, чтобы гавнища со склона воронки стекали мимо него: в овраг.

К сожалению, какие-то обормоты (безусловно местного разлива) недели через две этот навес сломали.

Было обидно.

Но хоть дамба осталась, – вкуче с прокопанной нами тогда же гавноотводной канавой она до сих пор спасает вход в Курью от хотя бы части весенних гавнищ.

– На поверхности холодает; переносим лагерь под землю, оборудуя для стоянки в Системе *свой грот* — *который открываем за разобранной забутовкой.*

⁴⁷ Андрей тоже “отдаёт долг медицинской работе” ради спелеонавтического будущего — но, против меня, несколько странно: во ВНИИ Акушерства и Гинекологии... В принципе, связь со спелеологией просматривается, – читайте Мальцева.

Оборудуем, конечно, не так красиво-мощно, как Крот,— “но всё же...”

: Отчего-то, несмотря на обилие стояночных гротов, не хочется “вписываться в Систему на халяву” — а потому вносим в гротовое строительство свою струю. Достаточно маразматическую, в соответствии с названием команды.

Ещё за одним разобранным бутлом выходим в некое продолжение Системы,— небольшая, и к тому же не раскарстованная системка из довольно путанных залов... Но абсолютно естественная. Сразу видно: рука человека не касалась её. И до нас там никто не был. Не ахти какое увеличение Курьей,— “но всё же...”

После “наново вскрытого входа”, найденного и оборудованного своими руками грота, открытого продолжения,— тем паче, естественного — кажется: *теперь на самом деле имеем право стоять в этой Системе*. Как в своей.

Но всё-таки *подлинно своей* мы её почему-то не ощущаем,— трудно сказать, почему.

Никиты зовут — обратно,— и как бы хорошо и красиво ни было здесь — “там наша спелеородина”.

С этим чувством ничего невозможно поделать в принципе.

Какое-то время — месяц или полтора — после выемки тела Шкварина каждые выходные посещаем Володары,— ибо в Никиты не тянет: как вспомню, *как тащили по тамошним камням и шкуродёрам труп...*

Не вполне страх — после армии перед жмурами не было его ни на грош,— **дело в другом:**

: **АССОЦИАЦИИ. ПАМЯТЬ.**

Видимо, просто должно пройти время.

И оно прошло.

Последний выход в Курью запоминается одной сценкой. И одновременно — знакомством.

Не знал тогда, что оно окажется столь знаковым...

Случившаяся в тот день в Системе некая Леночка Селезнёва — по профессии журналист “Комсомольской правды” с грандиозным спелеоопытом аж двукратного посещения Силикат — убеждает меня, подкалывая:

— Зачем ещё под землю ходить — как не волокиты ставить, пьянствовать, да на блядки?..

: Так откровенно. *Потому что, мол, с её точки зрения, ничем иным в каменоломнях заниматься нет смысла.*

Я выхожу из себя, пытаюсь описать ей Магию Подземли,— Свечение, кайф Темноты и Тишины,— волшебное звучание в гроте “Юрай Хип” и “Ж-М-Ж”,— свои идеи о биоритмологических опытах и исследованиях, известные мне эксперименты Гнома,— и как мы творим наши газеты, стихи, песни...

: **КАК ОБ СТЕНКУ ГОРОХ.**

: Похоже, она меня специально подкалывает.

— Дурак,— после сообщает Белкин,— она ж с тобой заигрывала, к спальнику призывала — после того, как со всей нашей компанией порезвилась... А ты — прямо буратино бесчувственное. Точно дурак.

: Калошин, большой специалист по девушкам, подтверждает мнение Белкина. В несколько более грубых выражениях.

— Плевать. Всё равно это последний выход в Курью.

Мы дали этой Системе всё, что смогли – и возвращаемся в Никиты.

Тем более, что “Вандерерсы” и Илюша Базенков измену родной каменоломне не поддержали, и при каждом удобном случае укоряют нас, как могут.

: даже на день Рожденья мой, который я праздновал в Курьей, “из прЫнципа не явились – с рефреном, что “настоящий ДР празднуют на родине, а не на спелеочужбине”.

Укоризна эта наполняла их речи, когда мы встречались/собирались по вечерам обычных рабочих дней в городе. Как правило, у меня дома. Ибо общего было слишком много, чтоб “разойтись” из-за того, что кому-то не хотелось замыкаться в Никитах – а кто-то не без оснований сказал: никакие подмосковные каменоломни Никитам и в подмётки не годятся.

: Это **общее** – разговоры и споры о музыке, геологии, астрономии, стихах, прозе, подземной мистике и науке, романтике и мещанстве, ненавистно-дубовой власти и различных политических теориях — наполняли наши вечера, нередко затягивающиеся до “проклятого рассвета”.

: В Володарах мы таких бесед не вели – и не потому, что было не с кем. При всей схожести “Парабеллума” с нашей группой и едино-общем отношении к Подземному Творчеству Петя-Крот и его друзья принадлежали к старшему поколению.

Разница в возрасте в пять лет неважна, когда тебе за тридцать иль сорок.

Когда тебе двадцать – это очень много. “У них была своя свадьба – у нас своя”. А потому возвращение в Никиты к оставшимся там друзьям было неизбежным.

Да и Система — *звала...*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ: ШКВАРИН

“И кто был прав, а кто неправ...”

: В. Высоцкий

В этой главе речь пойдёт об истории, насколько трагичной и загадочной, настолько важной для Никитской каменоломни. И всех, ходящих в неё.

На годы она рассекла Никитский Круг и “официальную спелеологию”, предопределив наше негативное к ней отношение, – и в свою очередь, достаточно злобное отношение отдельных представителей московской спелеокомиссии к нам.

Со всеми вытекающими *следствиями*.

Впервые я поведал о ней в повести “Свободный Поиск” – изменив имена

участников и опустив многие характерные детали,— не оглашая ряда вопросов, что мы себе просто не могли не задавать...

— Но даже в усечённом варианте она вызвала раздражение многих людей.

Поднялась волна сплетен; кое-кто стал прищёпывать, что главным виновником смерти Шкварина и того, что его не могли найти в течение месяца, оказывается, *был я* (слышал данный бред лично от Миши Сохина — но от кого он услышал его, Миша тактично промолчал),— забавная версия тех далёких событий выплыла в книжке В. Мальцева...

А не столь давно и сам В. М., укрывшись под ником “Старый Козёл”, обрушился на меня с виртуальных страниц спелеофорума caves.ru — да на таком уровне, что базарным назвать можно с натяжкой.

: Сплетни, истерические вопли и домыслы — фигня. Враньё и полуправда — тем более.

Ничего они не могут изменить в реальной истории мира.

: хуже, когда некто бросает более тонкие и заковыристые обвинения: *по какому праву, мол, я вообще излагаю эту историю? Не было, мол, меня там и близко... ОН это лично знает. От “надёжных людей”,—*

— *И вообще: трендить каждый имеет право лишь о том, что лично видел. А потому я не только не имею права рассказывать, как погиб Виктор Шагал — “коль не держал свечу непосредственно у места раскопок в Четвёртом Подъезде” — но и описывать историю поисков тела Шкварина. Поскольку “был там не один”, сумку с его вещами нашли другие,— как и непосредственно тело...*

«Ну-ну».

: Если я знаю рассказанное мне лично свидетелями смерти Вити и его ближайшими друзьями (что и мои друзья или очень близкие знакомые уж десятки лет) — В. И. Борзовым, Володей Брагином, Геной Кузнецовым, Димой-Хозаром, Володей Капгером, Серёжей Альбовым и Лёшей Барсином,— а ещё Лидией Ефимовной, мамой Виктора Шагала,— если при этом всё-таки *был в тот день там* — пусть и без “свечки в руках”, и в течение 33 лет провожу слёты памяти Вити, на которых каждый год присутствуют его настоящие друзья и родители — но не видно тех, кто обвиняет меня в Интернете в некой “кривизне” и “лжи” — думаю, могу рассказывать о его смерти “в письменной форме”. Хотя бы цитируя мнение своих друзей.

Коль случилось, что мне пришлось организовать и возглавить поисковые работы по розыску тела И. Шкварина *после того, как официальный “спасательный отряд” под руководством В. Мальцева протрубил, что в Никитах его “нет и не было” — и после трёхсуточных непрерывных поисков тело всё-таки было найдено в соответствии с предложенной мной схемой прочёсывания Системы* — полагаю, что имею право об этом писать. Причём от первого лица.

Кто бы чего ни бурчал в ‘состоянии раздраже и зависти’.

Что же до точности в пересказе чужих слов —

: при подготовке первого РОССовского альманаха *дважды и медленно, с уточнением имён, названий и дат*, продиктовал по телефону Мише Сохину историю никитских “географических отрывков”.

Прочитал сборник – волосы встали дыбом.

Не буду цитировать ошибки, якобы допущенные в типографии при наборе текста⁴⁸ — эта глава посвящена иному.

Хуже, что данные мной для альманаха (по большой просьбе издателей) статьи вышли с таким количеством искажений, — как стилистических, так и своевольно-фактических — что в пору воскликнуть: «снимите, сволочи, хоть моё имя, как Автора!» Ибо утверждаю: к опубликованному в альманахе под моим именем отношение имею не большее, чем Мендельсон к насвистанному персонажем анекдота его маршу.⁴⁹

— *И после этого мне будут внушать о том, что я не имею, оказывается, права писать о событиях, абсолютным и единственным участником коих не был!..*

Полагаю, что за запретами такого рода стоит банальная боязнь всем известных героев: как бы чего ни всплыло из того, что не терпится забыть, — как бы ни оказаться на фоне описанных мной людей немного того... *Не вполне приличным.*

Если говорить мягко.

: Нет уж. **Прилично** нужно было вести себя по жизни. Всегда, в любой ситуации. Как и выбирать круг общения, от соучастия в деяниях которого не придётся отмазываться — пусть и годы спустя — характерными философскими сентенциями. Или по крайней мере уметь достойно отвечать за имевшие место ошибки и глупости.

А не переписывать Историю “под себя, хорошего”.

⁴⁸ Никогда подобная “вольница” в типографиях не приветствовалась; как правило, наборщики — люди исключительно грамотные и скрупулёзно переносящие текст “знак в знак” с предназначенного для набора оригинала. Да и смешно говорить о подобных “ляпах” в век прямого электронного набора с предоставленных редакцией диапозитивов. Так что если название системы “Заппа Дня” (данное в честь Фрэнка Заппы) мутирует в “Западную” — мутирует оно на стадии редакционной расправки с материалом.

⁴⁹ Миша говорит, что к ‘редакционным расправкам’ представленных материалов он лично не имеет отношения — вина на типографии и официальном редакторе Ежегодника. < Коим Миша себя, наверное, не считает. > И даже просил все моменты, что я полагаю ошибочными или не соответствующими моим текстам, указать в специальном “перечне ошибок и искажений” (для опубликования в следующем номере), — да только задача эта была сродни подсчитыванию небесных звёзд. Проще было выложить в Интернете авторские версии, не замутнённые “чистым редакторским разумом” — что и сделал Саша Никольский на сайте <http://speleoastronomy.org/>.

* * *

Некоторый комментарий. Свидетелей той далёкой истории осталось немного — но они есть. С ЮДА мы по-прежнему близки и рядом, и за ряд уточнений я ему очень благодарен.

И несколько участников той поисковки продолжают своё хождение в Никитскую Систему,— конечно, значительно реже, чем в годы былые,— но мы по-прежнему ощущаем себя вместе и часто встречаемся в городе.

Дневник Завхоза и Пифа хранился у меня около года; с их позволения я снял копию со страниц, где описывалась эта история. Так что цитирование практически дословно. Я только позволил себе некоторую литературную правку отдельных фраз, ибо то, что мы пишем для себя лично — как и наши мысли в голове — ясное дело, сильно отличается от того, что мы говорим. Вслух, иным. Чтобы быть внятно понятыми. И конечно, я не стал цитировать некоторые весьма личные строки Андрея и Саши.

Потому как на это права точно не имел.

— И ещё. Детективная загадочность этого действия не могла не вызывать у нас массу вопросов — как тогда, так и до сих пор. Ибо ответа на них нет. А потому я иной раз буду отвлекаться на неизбежные догадки и размышления, которые кому-то могут показаться излишними.

Что ж: заранее прошу прощения.

* * *

А теперь — ДЕЙСТВИЕ:

— Вечером во вторник 09. 10. 79 ЮДА неожиданно приехал ко мне домой. И поведал почти детективную историю: как утром его с Базой вызвали на Петровку и некто ‘в штацком’, выгнав из кабинета его ментовского хозяина, снимал у них показания о том, как ЮДА и База нашли в Никитах сумку. Сумка лежала там и на прошлой неделе,— тогда они в первый раз заметили её, но трогать не стали: мало-ли что валяется у входа в пещеру? — да и не в их правилах было *трогать чужие вещи* — но когда вернулись через неделю, шестого октября, сумка лежала на прежнем месте: явно не выброшенная, а оставленная так же, как они оставляли свои городские шмотки. Чтоб не пачкать их зря, таская за собой по Системе. И ЮДА впервые изменил своему правилу *не касаться чужого* — они взяли её, ведь ясно было, что **что-то случилось**,— но они опаздывали на последний автобус, времени возвращаться к Журналу не было — проверить, кто мог её оставить, кто не вышел из-под земли **неделю назад**,—

: В сумке лежали учебники и студенческий билет на имя учащегося в МИФИ Шкварина Ивана; База учился в этом же институте — а потому в понедельник отнёс билет в ректорат.

Вначале ему ничего определённого не сказали — но на другой день, во

вторник, вызвали вместе с ЮДА *туда*, и тут выяснилось, что этот человек пропал аж месяц назад, на него объявлен розыск, и что вообще он был каким-то сверхзасекреченным студентом сверхуникальной специальности, ‘краса и гордость института’, — полный и круглый отличник, к тому же сын зама министра ‘самого засекреченного из мини-стерств’ — так называемого “среднего машиностроения”, то есть ядерной оборонки,—

: в общем, “*полный, братцы, ататуй*”...

— конечно, с них взяли “подписку о неразглашении” и зашугали, чтоб “молчали и не рыпались”, — а поди, рыпнись только — *в этой стране*; у ЮДА тётку только из спецбольницы выпустили, и вообще вся семья репрессирована, никого из родных в живых не осталось, и сам уж сколько лет *под той же статьёй ходит*, —

...: понятно, почему он не позвонил раньше. Да и не было смысла звонить — всё, что хотелось бы сказать, можно было сказать под землёй, в ближайшие выходные.

Днём выяснилось, что Мальцев со своей командой завтра выезжает на поиски — в среду утром то есть,— хотя *какие они спасатели*, иллюзий ЮДА не питал. Для него, пришедшего в Никиты ещё в 1972 году, “карта Никит”, выполненная Мальцевым и Вятчиным, была на уровне анекдота. И пусть искать предстояло *тело* —

: *опущу философствование, что живого человека найти легче. Увы — последнее “никитское ЧП” подтвердило это в полную силу. Как и то, что не знающий Никит пришлый “спасатель”, какой бы спелеокрутостью ни обладал, способен просвистеть в метре от трупа — и ничего не заметить.*

: Казалось, коль на поисковку устремляются “официальные спасательские силы” — сколь бы ни был смешон их реальный никитский опыт, нам можно не дёргаться.

Но днём ЮДА позвонил Саша Ро — одноклассник Илюши Базенкова, вместе с ним пришедший в Никиты — и помимо того, что поведал о выезде “официального спасотряда”, предложил *забрать Никитский Журнал*.

Потому что спасатели мальцевские его точно изымут,— чем это могло кончиться для всех, ходящих в Никиты, было ясно. Понятно, что если теоретически допускать *всесильность конторы* (отец Ро занимал в ней достаточно высокий пост, а потому информированность Саши сомнений не вызывала), то каждый воскресный вечер или понедельничным днём какой-нибудь специальный сотрудник должен был фотодокументировать все наши журнальные откровения —

— но меж теоретическими рассуждениями, близкими к МДП, и реальной жизнью есть разница.

В среду Журнал гарантировано будет изъят — и точка.

В Журнале этом мы не только вписывали свой КС, когда погружались в Систему,— контрольная функция Привходового Журнала (кстати: впервые заведённого именно в Никитской Системе из-за её обвалоопасности и сложно-

сти) была главной, но не единственной. В эпоху отсутствия телефонной связи (домашние телефоны даже в Москве в эпоху совка были, дай Бог, лишь у каждого третьего, если не четвертого спелестолога) он служил и почтовым ящиком, и постоянно творимой нашей подземной газетой — объявления о предстоящих праздничных событиях или концертах чередовались с просьбами позвонить, нашими стихами, анекдотическими приколами, карикатурами и текстами песен —

: естественно, всё это было абсолютно безцензурно и, говоря мягко, без тени любви к царящему наверху совку.

Так что исчезновение Журнала “в определённом направлении” сулило не одну утрату поэтических строф, философских максим и объявлений — или номеров телефонов друзей и хроникой наших подземных деяний.

— А чем я могу помочь?

: Одно дело — ехать на спасработы. Но *забирать Журнал под носом у спасателей...*

— Нехорошо это выходило. И когда мне было ехать? Завтра с утра на работу,— не пропустить, не отвертеться,— вот если б ЮДА позвонил днём... Можно было договориться.

— Почему ты не позвонил раньше?

— Когда? — Юра вздохнул. — Утром я и сам ничего не знал. Я бы и сейчас не приехал, если б не Ро. Ехал, кстати, два часа: всё по привычке от ‘хвостов’ уходил...

— Я не могу. Может, Пиф с Завхозом? Они вернулись с Камчатки...

ЮДА покачал головой. Конечно, в Журнале они писали не меньше прочих, трепачи те ещё,— но ведь они же первые растреплют *об этом* — да ещё неделю выпендриваться будут, с Высокой Моралью согласовывать...

«Демократоры фиговы».

: Он так и сказал.

— Когда **он** пропал?

— Четвёртого сентября. Во вторник.

: *Я чуть не вздрогнул. Первого сентября мы как раз ходили в Никиты — отмечали открытие подземного сезона полным составом нового “Уэма”. Второе сентября выпало на воскресенье; вечером ребята ушли, но у меня были отгулы и просто отвратительное настроение, до истоши не хотелось возвращаться в город, и я остался до понедельника. Посидел один в любимом КД, поставил свечу Виктору Шагалу,— послушал с кассетной своей “легенды” “Кримсона” — “При Дворе Короля” — и пришли в голову строфы...*

— *Посвящение Виктору Шагалу. Которое и записал в Журнале. Вместе со строками, что выхожу и у меня всё в порядке.*

: Получалось — на один день разминулся с ним. Если бы остался ещё на сутки...

: *любители сплетен потом нашёптывали, что неизвестно, когда я вернулся в город — в понедельник или во вторник. Мол, нужда-*

ется во всенародном уточнении эта дата.

Да только сам я в таком уточнении не нуждаюсь — чего не случилось, того не случилось. К сожалению.

— В восемь я должен быть в лаборатории. Отпроситься смогу не раньше, чем в полдевятого...

— В девять, самое позднее, *они* будут там. Кому можно ещё позвонить — из твоих?..

— Кракодил в больнице... с почками, в кавказских подземных водах опущенными. Борода в сапогах. Танк и Мамонт там же. Дизель — аллах акбар знает. Да и не хотел бы я говорить об этом с Дизелем: папа дипломат, мама работник торгпредства... И сам то-ли комсомольским инструктором заделался, чтоб от армии откосить, то-ли похуже кем.

— *А кто оставался?..*

: Было ужасно жалко и обидно — и собственной беспомощности, и какой-то дурацкой нерешаемости ситуации.

— Ясно,— печально сказал ЮДА.

— **Потом** долго думал, отчего никому из нас не пришло в голову ехать той же ночью. «Сидели два зашуганных совком кретина друг против друга...» Вся ситуация могла повернуться *совсем по-иному* —

— Ведь *потом* ездили именно так: ночью, скрытно, когда перегораживали Никиты ‘демокрационной линией’, воюя с “левой гопотой”, — и позже, когда власти готовились ко взрыву Никит,—

... В среду утром отправился на работу, потому что “задвинуть” её не мог.

ЮДА уехал в Никитское.

С Ро.

Вечером в среду ЮДА прозвонился и сообщил, что *Ро забрал Журнал*. Полез за ним сам,— оставив ЮДА наверху, на холме над дырой, якобы “на шухере” — “спасатели” мальцевские уж близко были,— хотя непонятно: *чем и как* их мог задержать ЮДА, ведь вход в пещеру один — если б они подошли к нему, куда мог деться Ро с Журналом? Зашхериться вглубь Системы, услышав впереди голоса иль увидев свет?.. Но это глупо. Не столь хорошо знал Ро Никиты, чтоб позволить себе играть со спасателями в кошки-мышки. И рано или поздно пришлось бы выходить — на поверхность, к оставшимся там ментам.

В общем, как ни крути — глупость. Единственное объяснение несколько лет спустя дал сам ЮДА: *по его мнению, нас с ним просто подставили на вынос Журнала*. И аккуратненько должны были схватить с ним — если б мы поехали ночью, то по дороге; если б, как поехал ЮДА с Ро — утром. Силами того же спасотряда. Но ЮДА не смог меня уговорить: то-ли в силу тупости моей, то-ли ангел-хранитель подземный оберёг...

Повторяю, это мнение ЮДА из вполне современных лет. *Тогда* мы ещё так не думали. «Тогда мы были чище и честней.» Сама мысль о том, что кто-то в ГБ может пытаться разыграть против нас столь сложно-многоходовую комби-

нацию, не могла прийти в голову. Казалось: коль стали поперёк горла — легче лёгкого вызвать и приструнить.

Что доказывает, какие простофили мы были. Не смотря ни на что. Ибо от ординарного “вызова” что меня, что ЮДА “во Всесильный комитет” *им* никакого проку не было — после того, как меня ломали в Минске месячным “конвейером”, а тётка ЮДА прошла через совдеповскую психушку. Оставив остальных родственников в лагерях,—

: “Вызовы” такого рода нам были по барабану. А любителей на почти пустом месте устроить якобы сложное дело и получить за его “раскрытие” погонную звёздочку в ГБ всегда хватало.

Реально нас посадить было не за что — против прочих, опекаемых ГБ диссидентов. И как бы неведомых наших опекунов ни заботило наше влияние “на юные никитские умы”, ни для наезда машиной, ни для простой мокрухи повода не было. Другое дело — пришить убийство, иль некое “отношение” к оному. Заставить вляпаться. Решив свою ситуацию с неугодным студентом-правдолюбцем — и с нами одновременно.

: *Так полагаем мы сейчас.* И потому теперь я разделяю это предположение Юры.

: В электричке он попросил у Ро Журнал,— но Ро не отдал. Сказал, что ему нужно переписать оттуда какие-то стихи; может даже те, что я вписал. Но не проще было бы позвонить мне?.. В общем, *Журнал ушёл*. ЮДА только мельком просмотрел его — и то, из рук Ро. И сказал, что моих стихов там **не было**. То есть запись мою о выходе он мог не заметить,— но стихи... Уж на это у него глаз. Да и занимали они страницу — как сейчас помню, правую,— не заметить их было нельзя.

: На другой стороне этого листа должен был ‘вписаться’ Шкварин — а он был очень большой аккуратист, на похоронах нам потом об этом доподлинно поведали его однокурсники и родители,— значит, *кто-то эту страницу изъ-ял — и до “спасов”*.⁵⁰ То есть уже тогда стало ясно, что с этим делом полная

⁵⁰ Поскольку, занятый освоением Володарских Систем, я в Никитах с того сентябрьского воскресенья не появлялся, об изъятии страницы со стихотворением узнал только от ЮДА. Кстати, любители сплетен нашу “володарскую эмиграцию” трактовали, как “очевидный факт”: набедокулив в Никитах, смотался от греха подальше... Понятно, что говорить *такое* можно было в те годы лишь на известном удалении от меня и моих друзей — ибо в тогдашнем никитском кругу все прекрасно знали и о причинах нашего “движения в Володары”, и когда я вернулся из Никит на самом деле. Потому что невозможно было вечером понедельника, находясь в Никитах, отвечать на телефонные звонки по своему домашнему номеру — как и находиться во вторник одновременно и на работе, и в Никитах. Но любителей (точнее: изобретателей) сплетен подобные неувязки не торкают — уж коль год спустя могли пустить слух, что *в смерти Виталика Марченко я виноват не меньше, чем в смерти Ивана Шкварина*,— о чём вообще говорить?..

труба и загадка, и пахнет оно совсем не спелестологией... И ещё: что Никитский Журнал от Ро попал в “комитет” — факт,— но если б его изъяли “спасатели”, он бы всё равно там оказался. Какой же резон им был его тырить — самим у себя, да ещё “в самый последний момент” — так по-партизански?..

: Значит, не тырили. То есть — не “сами у себя”. Потому как скорее всего именно Ро эту страницу и изъял. Сразу под землёй. Ведь если б мальцевские “спасатели” её увидели... Ясно: сколь бы ни было среди членов этого “бравого отряда” стукачей — были и иные. И наверняка Мальцев просто делал своё дело, как его понимал. Потому что полной глупостью было бы — должным образом инструктировать его перед поисковкой и о ненахождении трупа, и об изъятии страницы. С течением времени он мог проговориться,— и в группе его были вполне достойные люди. Те же Сэм и Миша Сохин. Они могли увидеть Журнал первыми. И естественно прочитать запись.⁵¹

Скорее всего, среди спасателей были один-два подонка, что знали, *где не надо искать*. Где — в одном-единственном месте в Системе! — нужно отвлечь внимание прочих от поисков. Или самим осмотреть нужное место — и “ничего не найти”. Что интересно: в какой-то момент рассекавший по Никитам в среду мальцевский “спасотряд” перекуривал чуть-ли не в том самом гроте, где лежал труп. По крайней мере, Миша Сохин, бывший в этой группе, рассказывал мне, что сидел во время перекура спиной к тому месту, где мы теперь ставим Шкварину Свечи.

: Когда курят десять человек разом, иной запах уловить трудно.

Так что получается — в этой ситуации что “спасатели” мальцевские, что он сам, что мы с ЮДА *были пешками для размена более важных фигур*.

Вот только шахматисты из “конторы” не рассчитали — что кто-то откажется играть по их правилам.

* * *

Через год после этого Саша Ро погиб. Утонул в Саянах во время байдарочного сплава. И вот какой штришок касательно Ро записан мной со слов Ю.Д.А.: «Взяли мы с Илюшей сумку, чтоб посмотреть, что там,— специально отошли от входа в сторону, от народа переодевающегося наверх на холм поднялись, к памятнику Виктору Шагалу. Я раскрываю сумку, и тут слышу: кто-то, будто лось, сквозь кусты к нам ломится.

⁵¹ Это в случае, если страница не была изъята в тот же день, когда И. Шкварин пошёл в Никиты. Конечно, если имело место убийство, замаскированное под несчастный случай, логичнее всего было изъять этот листок сразу — но тогда становится не вполне понятным интерес Ро к “хищению Журнала”. Разве — в целях подставы меня и ЮДА, о чём рассуждалось выше. Но поскольку мы с ЮДА на провокацию Ро не клюнули, кой был смысл ему лично переться в Никиты и изымать Документ?

Вижу Ро.

— А что это вы тут делаете? — как в известном фильме, вопрос. И далее: — А что в сумочке этой???

: Такое неожиданное любопытство... От типа, что до того будто и не обращал на нас никакого внимания.»

* * *

— В четверг мне позвонил Харитончик⁵².

Примерно в полшестого — то есть в самом конце рабочего дня. Харитончик сказал, что “спасотряд” никого не нашёл; что, по мнению Мальцева, в Никитах “никакого Шкварина не было” — всё это, мол, мистификация... Но разве можно прочесать Никиты за день?

: Даже участники мальцевского “прочёсывания Никит” сомневались в его результативности — что ж говорить о тех, кто действительно знал Никиты?

В “спасотряде” Мальцева (точнее, в его группе “SF”) был Сэм,— Саша Макаренков. Замечательный спелеотопосъёмщик и мастер по изготовлению просто прекрасной снаряги,— человек с настоящим чутьём на Подземлю. То есть спелестолог от Бога. Даже странно, как он оказался в столь странной компании⁵³. Он дал отцу Шкварина телефон Харитончика, потому что Харитончика знал по совместной топосъёмке Киселей. И знал, что Харитончик постоянно пересекается с ГРТН-ами и нами. Сэм сказал отцу Шкварина, что

⁵² Миша Харитонов. Мы познакомились с ним в Володарах; как и мы из Никит, он “переметнулся” туда из Киселей: своей первой Системы. Жил он на Юго-Западе, буквально в паре домов от меня,— *нужно было встретиться в Володарах, чтоб выяснить это...*

⁵³ Через несколько лет Сэм порвал с группой Мальцева/Вятчина всякие отношения. Кстати, невозможно не сказать, говоря о Сэме: все точные топосъёмки, подписанные Мальцевым и Вятчиным (в том числе старицких пещер и Киселей), *выполнены на самом деле Сэмом*. Все лажовые — продукт их личного бессмысленного труда; аналогичное замечание могу сказать и по снаряжению, коим пользовалась группа “SF”. Впрочем, о “достоинствах” вятчинских разработок достаточно поведал тот же Мальцев в своей книге — повторять излишне. Мы неоднократно пересекались с Сэмом в Старице и позже, во время сотрудничества с Гномом в турклубе Сокольники,— обо всех этих встречах у меня остались самые тёплые воспоминания. Закончив обучение во МГРИ, Сэм распределился на Ямал, на газовую буровую — и здесь с ним произошёл страшный несчастный случай: перевернулась машина, во время аварии Сэм сломал позвоночник. Год в гипсе. Другой после *такой травмы* никогда бы не смог встать на ноги — Сэм не только научился ходить, продолжил полевые исследования. Это говорит о нём, как о человеке, больше любых иных моих слов.

если кто может найти его сына под землёй — то *только никитяне*. Потому что он видел, как Мальцев и к^о вели свою “поисковку”. Но Сэм был *настоящим спелестологом* — он сразу понял, что **Шкварин в Никитах**. И отец Шкварина позвонил Харитончику. Харитончик продиктовал ему мой телефон — и поспешил поставить меня о том в известность.

Я тепло попрощался с ним — что ещё оставалось делать? — и положил трубку. Как сейчас помню: так медленно/осторожно, как до того ни разу в жизни не клал трубки на аппарат. Хотя желание было хряпнуть её... И пришла в голову мысль: слить с работы. Да что толку — он ведь и домой дозвонится. И вообще... Телефон почему-то проассоциировался с бомбой. Предстояло столько неприятных разговоров — и на работе, и дома, — но самое главное, почему-то я сразу понял, *что от этой истории мне теперь не отмыться до конца жизни: ВЛИП ПО САМЫЕ УШИ*.

И что огребу я за неё — и от ГБ родного, и хрен знает от кого ещё — найди, не найди — мало не будет. Но ведь надо искать:

ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ — КАК???

* * *

... Харитончик побежал в ближний “Свет” — оснащаться отсутствующими в доме батарейками. Юлька вернулась из института, слушала сделанную мной накануне запись Туриянского и гладила брюки: вечером мы вместе с ней собрались в “Витязь” на “Мой ласковый и нежный зверь”, — билеты на последний сеанс были куплены заранее.

Цыганов пропадал неизвестно где; Ведьма боролась с приступом астмы, — Кракодил лежал в клинике. Я позвонил Харитончику: справиться о телефонах тех из его подземных знакомых, кто мог помочь при поисках — но Харитончик рассекал по Москве в поисках света, передоверив мне организацию выезда.

Чукаев сказал, что дозвонился до ГРТН и выезжает ко мне вместе с Виталиком Марченко; из знакомых “скотов” специалистов по Никитам нет — кто уехал, кто “в отсидке”, кто отошёл от Подземли — так что рассчитывать нужно лишь на свои силы. Всё равно, мол, в Никитах один *наш* полезней ста чайников и десяти вертикальщиков или киселистов.

— Пиф и Завхоз торчали у кого-то в гостях, отмечая успешное завершение камчатской экспедиции; им было скучно и в полдевятого они позвонили мне. Я в это время упрашивал родителей Юли и Яны отпустить их на спасработы — одновременно изо всех сил описывая как лёгкость последних, так и то, что без женской хозяйственной поддержки все мы там просто загнёмся —

: врать было и тяжело, и противно, — но ещё больше было жаль времени...

Юлька продублировала звонки ГРТН-ам; сказала, что они приедут ночью, возможно на такси — сама она выходит из дому, встречается с Яной и едет ко

мне. Благо – ехать, как и Валере Чукаеву до меня – десять минут. Почти, как пройти это же расстояние пешком.

: *Юго-Запад.*

Белкин доложил, что обзвонил на всякий случай своих в “Дозоре”⁵⁴, кого приводил в Никиты, – получил строжайшее разъяснение касательно Великого Грешника [“не брать, даже если будет очень проситься!”⁵⁵] – и “выдвинулся на Павелецкий”.

С отцом Шкварина я договорился, что тот на своей машине подъедет завтра к девяти утра к Никитскому и привезёт еды и запасных батареек для фонарей — сколько удастся закупить в магазине. *Ибо было — “больше двух в одни руки не давать”, — и не в каждом магазине можно было найти...*

— Но отец сказал, что *купит, сколько надо*. И спросил, не нужны-ли нам СЦ-аккумуляторы — практически не использованные, бесплатно, — и сколько купить свечей: коробку или ящик?

: От “СЦ-шек” по тогдашней своей дурости отказался. Показалось *неудобным* — будто прибрахляюсь на чужом горе... < Потом, конечно, жалел, — да толку? >

... Затем был ещё очень долгий обзвон — кто-то не мог ехать сразу и нужно было состыковывать группы на вокзале; у кого-то не было дома света, нужного снаряжения, — кому-то надо было завтра в институт, технарь, на работу, —

В 21.15 последний раз попробовал набрать номер Пифа. Юлька, Яна, Харитончик и Чукаев с Марченко ждали меня внизу у подъезда.

— Было занято. Я положил трубку, надел рюкзак, вышел на лестничную клетку и вызвал лифт. Услышав звонок одновременно с раскрывающимися дверями лифта — вернулся.

* * *

Из дневниковых записей Завхоза/Пифа:

11/X — 21.20. Звонок Comandor’у. Воображаемая беседа о новостях пересеклась резким чеканным голосом: «Я уезжаю в Никиты. Пропал человек. Предлагаю присоединиться.»

Весть о пропаже студента пятого курса МИФИ⁵⁶ не была для нас сенсацией. Об этом уже было подробно оговорено с ЮДА и безрезультатно вернув-

⁵⁴ Не путать с современным “дозором”! Тот “Дозор” — педагогическое детище супругов Лишиных, озабоченных спартанско-коммунарским воспитанием молодёжи.

⁵⁵ Почему — понятно тем, кто прочитал “Человеческий фактор”.

⁵⁶ Так в оригинале. На самом деле И. Шкварин учился шестой год — на так называемом “шестом курсе”, включавшем преддипломную практику и подготовку к госэкзамену *по научному коммунизму*.

шейся первой группой спасателей, выехавших на поиски утром в среду. Первый спасотряд, состоявший из ребят группы “SF”, спелеосекции МГУ и турклубовцев, прочесал, по их словам добросовестно, все Никиты, но даже намёка на пропавшего без вести найдено не было⁵⁷.

Мы посоветовались с Пифом и приняли решение. Наше согласие было продиктовано желанием оказаться полезным общему делу прежде всего, а кроме того, было в этом вызове что-то авантюристическое, похожее на так удачно закончившуюся спасаловку марта этого года, когда после ночи поисков в Киселях были найдены 6 потерявшихся школьников.

Здесь ситуация была иная в принципе. Парень пропал 4/IX после занятий⁵⁸, поэтому, судя по сроку, люди искали уже не человека, а труп. Признаюсь, в подсознании у меня была мысль о тщетности поисков просто по причине отсутствия пропавшего в пещере. Но хотелось самому в этом убедиться. Кроме того, нам с Пифом были известны районы Никит, которых не знал никто.

Быстрые сборы, истерическая ругань дома. Вокзал. Встреча с Comandor’ом, его товарищами — Юлей, Яной и Мишей. Часть ребят, не дожидаясь нас, уехала вперёд готовить лагерь. Остальные должны привезти завтра свет и продукты.

Электричка, областное отделение милиции. Поражающие тупостью и непросвещённостью вопросы о цели нашего приезда. Comandor требует телефон и звонит в Москву — отцу пропавшего. Издевательства ментов (советы убираться, откуда приехали, пока сами целы) и хамство Сот’а им в ответ. Мы с Пифом жалеем, что вообще зашли сюда — лучше б пошли пешком, потому что так недолго вместо спасработ оказаться за решёткой.

Звонок из Москвы — и “блустители порядка” становятся перед Comandor’ом навытяжку. Нам дают машину.

Никиты. В лесу над входом свет — Виталик Марченко, Белкин и Валера из SCO. На такси приезжают ребята из группы Геллера — ГРТН, турсекции Дворца Пионеров. Легко перекусываем, переодеваемся и лезем вниз. < ... >

⁵⁷ “Турклубовцы” были представлены первогодками начальной школы спелеоподготовки, к хождению в каменоломни не имевшей никакого отношения,— спелеоопыт их также очевиден; “спелеосекция МГУ” была представлена ‘Мальцевым-со-товарищи’. Вообще, конечно, состав довольно интересный — особенно для поисковых работ в сложнейшей лабиринтовой пещере. **Как бы специально не включающий в себя ни одного действительного специалиста по данной каменоломне, но производящий определённое впечатление титулами и числом участников.**

⁵⁸ Ещё одна небольшая неточность, простительная для нашей начальной общей неинформированности: Шкварин ушёл с последнего занятия, коим был семинар по марксизму-ленинизму. Это был его первый прогул за годы учёбы,— что тем более странно в преддверии госэкзамена по ведущей дисциплине, обязательной для каждого ВУЗа страны при коммунистах.

* * *

: Разбили Систему на зоны. Разделились на группы по три человека; каждый пошёл в тот район, который знал лучше. Кто-то остался на поверхности — костёр, дрова, связь. Договорились, что если кто что найдёт — сразу гонца ко всем группам.

Под землю ушли около двух; КС был семь часов утра. Завхоз с Валерой Чукаевым отправились в Сейсмозону; Пиф с Белкиным осматривали Левую Ближнюю систему. Мы с Харитончиком прочёсывали Централку и основные стояночные гроты — хотя ясно, что если б он *лежал* в каком-то из более-менее посещаемых гротов, за месяц на него точно кто-нибудь наткнулся. Но искать надо было везде — чтоб не оставалось “белых пятен” сомнений. В каждой группе, кроме знающих Систему никитян, было по одному из тех, кто только начинал ходить под землю, или располагали спелеоопытом — да не никитским. Потому что даже среди первых приехавших были ребята из Киселей и Бяк.

— Завхоз нашёл шариковую ручку за 35 копеек, мы ничего не нашли. Вернулись наверх. От усталости с ног падаем. Завхоз с Пифом уснули, сидя у костра — не дожидаясь завтрака. А мне ещё через два часа отца шкваринского идти встречать...

Разбудил девчёнок, Марченко. Поставили вторую палатку, переложили Завхоза с Пифом по-человечески... Может, это мелочи — но всё стоит перед глазами. Трудно выбрать: что главное, а что нет. На утреннем автобусе приехали Лисицин, Паша Литовка, Кант и ЮДА. Недостающая часть “Wanderers”.

Жалко, не было Цыганова. А из тех, кто приехал, многие не знали Никиты полностью. Слава Богу — даже те, кто твёрдо верил в существование закрытого тогда ЖБК, Никитского Озера и Мокрых галерей — не сомневались: *открытого прохода туда нет*. Иначе трудно представить, неделю или три заняла бы у нас эта поисковка. Да ещё чёртов кондовый романтизм... Помноженный на известное разгильдяйство, непременный атрибут каждого, кто полагает себя самостоятельной и стоящей Личностью. < Впрочем, *иных* в нашем Кругу не водилось — “иные” занимались ‘иной спелеологией’. >

: Завхоз проснулся — полез с кем-то в район Ближней Раскарстовки. А мы с Харитончиком эти места ещё ночью осмотрели. К тому же выяснилось, что они “поддержки сил для” выжрали коньяк, который ЮДА для НЗ взял, если кому плохо станет,—

— Я, чтоб не уснуть и не терять времени на бесплодное ожидание, снова вниз пошёл. С Чуком ультралевые шкурники “чесали”, — система Коммундизма, самая крайняя и опасная её часть,— находясь в ней, всё время ощущаешь некое неприятное давление, и вся она кажется будто чёрной — хотя цвет тамошних стен и сводов такой же, как и во всех Никитах. И уж “начесались” по самое никуда. Сейсмозона после этой мерзости глотком свежего воздуха агорафобных масштабов показалась — потому как до

выхода мы, чтоб срезать путь, через неё возвращались. А ЮДА с Лисициным и Лёшкой из ГРТН вправо пошли, по границе Сейсмозоны и Сетки. И больше Лисицина из шкурников вынимали, чем вперёд двигались. Но в общем всё было как бы в норме.

В девять, как и договаривались, встретил отца Шкварина; нашла ведомственная коса на грабли советской торговли... То есть свечей он коробок пять привёз, и ящик супов в пакетах — с чаем и тушёнкой свиной до кучи,— а вот батареек...

Ещё отец привёз фотографию Вани — будто она могла нам чем-то помочь... На его машине Белкин уехал в город за батарееками, потому что какой прок от свечей при движении? Ну и ещё народ обзванивать нужно было — и родителей наших, что до воскресенья задержимся, потому как к этому дело шло.

За день полностью прочесали Левую, Правую, Централку, Сейсмозону и всю Ближнюю. Заглянув в каждую щель, за каждый камень,— проверив все завалы и обрушения: не свежие-ли? Оставалось осмотреть Сетку, Дальнюю и — самое неприятное — Преисподнюю. Никто из нас её толком не знал. Потому что крайне редко ходили мы в Никитах в ту сторону — *зная о ЖБК...* Да и чем-то неприятным, муторным веяло от этого места. Заметили ещё, когда впервые попали в неё — да только отчего это чувство возникает, никто понять не мог. Сейчас думаю — информационные матрицы не ведают знака времени; в этом смысле любая трагедия, кошмар, пережитой страх отпечатываются в месте, с ними связанном — и автоматически “проявляются” нами, должным образом настроенными. Не важно — до или после События. Важно, что пещера изолированностью своей и экранировкой от всех воздействий поверхности провоцирует твой повышенный настрой на Неё. Повышенную чувствительность в экстрасенсорном направлении — раз иные рецепторы не дают должного потока данных о мире. И уж подавно, сохраняется информационный след *твоего страха/оторопи*, — “хочешь ты того или нет”. И ясно считывается тобой при следующем посещении этого места.⁵⁹

Завхоз с Пифом начали осматривать Сетку — мы с Марченко и орлами из ГРТН пошли им навстречу через Дальнюю.

⁵⁹ Рассуждение это не столь оторвано от жизни, как может показаться иным: “чёрную оторопь” уже тогда в Никитах ощущали все и в Преисподней, и в Коммундизме,— что ж: Преисподняя теперь называется Системой Шкварина, а в Коммундизме в январе 2007 года был найден ещё один труп: пролежавший под землёй почти полгода. Вот такое “предчувствие”. Могу добавить, что Четвёртый Подъезд — точнее, его “чёрный конус” — уже в первые посещения Никит вызывал у всей нашей группы чувство бессознательного страха,— через полгода там погиб Виктор Шагал. И неприятным местом нам всегда казалось начало Пионерского штрека, озаглавленное гибелью Коли Никитина в 1991 году.

* * *

Из дневниковых записей Завхоза/Пифа:

... Отец уверял, что это ручка его Вани. Смотрим на карту “SF” — район поисков почти полностью показан неверно.

< ... >

... Прихожу в себя, беру Канта и идём в Потроха. Кант слегка пьян, слишком много кричит и ругается, мне жутко. Обращаем внимание на каждую мелочь. Возобновили прочёсывание штрека, где была найдена ручка. В нише, в которой оканчивался узкий ишкуродёр (Кант едва протиснулся туда), находим скомканную бумажку. Осторожно разворачиваем. По влажности, похоже, лежит около месяца. (Так считает Кант.) Это листок из блокнота с нарисованным от руки участком пещеры. У развилки ходов на рисунке поставлена точка и время: «16 ч. 45 м.» Догадываемся, что схема соответствует только что пройденному участку галереи. Нервы на взводе. Кант, как ошалелый, твердит нудно: «Записка, записка...» Нам страшно.

Неподалёку замечаем несколько маркеров незнакомого типа и кучу маркеров “спасотряда”, который рыскал здесь в среду. Решаем сообщить наверх. По пути находим три автобусных билета того же возраста, что и записка.⁶⁰ И это вдвойне странно, так как никто не полезет под землю в той одежде, в которой приехал.⁶¹ И в одиночку в Никиты не ходят.

Перед Хатой встречаем Пашу, Виталика Марченко, Олега и Comandor’a — собрались в Дальнюю. Comandor под землёй в шестом рейде подряд; у остальных по два-три поиска.

В Хате пять человек из “SF” во главе с фон Мальцевым: пьют. Они приехали по ложному вызову Сэма, который сказал, будто в Никитах ещё кто-то потерялся. Мальцев считает дальнейшие поиски бесперспективными, уповая на свою добросовестность (их добросовестность наглядно выглядела на карте, которой Кант уже вытерся). Водку не предлагают и общаются свысока, как с чичаками-несмышлёнышами. Кажется, Comandor их чем-то достал. Потом выясняется — всего лишь сказал: «А что, ребята, слабо вместо питья с нами по Системе побегать?»

Выходим на поверхность.

Ночь. Сообщаем всё, что имеем в наличие. У других — ничего. Кто-то ещё приехал. Ужинаем. И лезем впятером: я, Кант, снова Comandor, ЮДА и Пиф.

⁶⁰ Три билета — значит, человек ехал один. Проезд в автобусе до Никитского стоил в те годы 15 копеек; в кассе нужно было оторвать три билета по пять копеек каждый. Если ехала группа, то в отрываемой ленте билетов было соответственно больше на число, кратное трём — естественно, никому никогда не приходило в голову рвать эту ленту на “индивидуальные фрагменты”.

⁶¹ В сумке Шкварина городской одежды найдено не было; когда нашли тело, выяснилось, что именно в ней он и полез под землю. Так что скорее всего, это были его билеты.

Суёмся в шкурник, у которого была найдена записка: глухо...

< ... >

В субботу днём приехал Сэм из “SF” — тот, что дал “спасателям” повторный вызов. Народ у костра ел, кто-то играл на гитаре. Те, кто вышел из-под земли, спали в палатках.

Сэм сказал, что ему приснилось, будто он нашёл Шкварина. Comandor спрашивает: «Где?»

— В Колизее. У Чёрной Пирамидки.

Из нас никто не знал этих мест. Были лишь раз, во время недельного зимнего Пребывания. Водил Цыганов и дороги никто из нас не запомнил. У костра собирались те, кто должен был идти под землю. Неосмотренными оставались только край Сетки и Преисподняя — как раз то место, где Колизей.

Снова лезем внятером: я, Comandor, Марченко, ЮДА и Пиф. Идём в Сетку — дальнюю её часть.⁶² Сэм с Козликом, Харитошей и Яной лезут в Преисподнюю.

Наша проходка кончается митингом о возможных судьбах пропавшего и о бесплодности дальнейших поисков без экспертизы почерка найденной записки. Все страшно устали...

< ... >

* * *

Вообще-то на поверхности было хорошо: девчёнки готовили еду, на поляне был порядок. Продукты и свет были в достатке — свои от тех, кто приезжал, и что время от времени подвозил отец Шкварина. Вернувшиеся с прочёсывания перекусывали и отсыпались в палатке; затем их будили и они ели у костра. Потом сами занимались дежурством,— к выходу следующей группы была готова еда,— те, кто отдежурил, уходили вниз. Были маг и гитара — потому что надо было как-то разряжаться, отдыхать перед прочёсыванием. Ведь искали — не просто тело: чуть-ли не каждую соринку рассматривали...

*— Мы сидели в самом центре Сетки, курили; Завхоз развивал идеи о бесплодности поисков, — я, конечно, ругался с ним, потому что таких мелодий на дух не перевариваю... **И вдруг всех словно молния ударила изнутри;** даже не молния, а чувство... и все услышали это разом. **Почувствовали** —*

«Его нашли»,— сказал я.

⁶² Система Сетка представляет собой перпендикулярные пересечения параллельных штреков и орт, а потому для своего прочёсывания требовала группы, большей чем три человека. Прочёсывали цепью, идя по параллельным ходам — перпендикулярные орты-сбойки просвечивая фонариками или проползая движениями вправо/влево, если фонарём невозможно было просветить соединение полностью.

«Да»,— говорит Пиф.

: Был час ночи, воскресенье.

«Пошли,— говорит Завхоз,— тут больше не фиг делать.»

Я сказал, что не уйду, пока не осмотрю всего, что наметили на эту проходку. Мы с Марченко полезли дальше; Завхозу, Пифу и ЮДА не оставалось иного, как присоединиться к нам.

* * *

Из дневниковых записей Завхоза/Пифа:

*... Вновь наверху. Народ забился в палатку и поёт песни; некоторые сидят у костра. Сэм тихо отводит меня в сторону. «Я, кажется, видел его. Весь в плесени. У Чёрной Пирамидки, сразу за Колизеем.» Проверять предположение он отправил “SF-овцев”. Голос его дрожал. Вместе с ним **это** видела Яна, она ушла проводником с контрольной группой.*

*Я сидел и ждал... Большие ничего не оставалось. Пути к Чёрной Пирамидке я не помнил. Было около двух часов ночи, снизу блеснул свет фонаря. Пришла Яна. Наши взоры ловили каждое движение. «**Это он**».*

Кантик побежал в палатку. По инерции гитара продолжала бренчать, но голоса стихали один за другим. Затем, словно взрывам, выбросило людей из палатки.

Лагерь пришёл в движение. Сразу открыли бутылку и дали Янке несколько глотков вина. Пиф, Кант, Белкин и Сэм побежали на станцию в милицию. Comandor, ЮДА, Козлик, Марченко и я стали собираться под землю. Взяв с собой фотоаппарат и осветительные шашки, мы спустились в пещеру. Я не был сторонником снимков, но не смог найти ничего существенного против. По пути у Хаты встретили “SF-овцев” — они собирались на выход.⁶³ С трудом уговорили их показать дорогу — всё-таки они только что вернулись оттуда.

Тут надо сказать, что Чёрная Пирамидка находится в одной из самых дальних от входа частей пещеры. Сложный лабиринт ходов, из которого только один проход ведёт в Главную Систему. В этом районе однажды несколько часов блуждали мы с Пифом...

⁶³ Очень интересный момент: о поисковых качествах “официальных спасателей” лучше, чем их дела, ничего не может поведать,— но данный финт... По сути, самое тяжёлое только начинается: предстоит извлекать из пещеры (одной из самых дальних её частей) тело человека месячной давности — а они сваливают на выход. Ладно, что найти не смогли; ладно, что дезинформацией своей три дня всех с толку сбивали,— и ладно, что, присутствуя на спасработках, со стороны наблюдали-отслеживали, водовку попивая,— но *уйти вот так, вместо ожидаемой помощи — или хотя бы профессиональных консультаций, как действовать дальше любителям...* Это говорит столь о многом, что дальнейшие комментарии излишни.

Ну вот мы у цели. Оказывается — нет. “SF” в двух словах объясняют дорогу дальше и уходят. Дальше оказывается, ещё пилить и пилить. Comandor снова ругается — потому что (оказывается тоже) и до этого места, и до Пирамидки он дорогу знал не хуже этих < ... >.

По крайней мере, не хуже их “объяснений”. «После **таких объяснений** и теряются люди», — сообщает ЮДА. И уточняет, что Шкварину, скорее всего, они и объясняли дорогу. И что нужно ещё сличить, как эти “спасатели” напишут “16 ч. 45 м.”.⁶⁴

Но надо идти, и мы идём. Я иду вторым. От всех этих разговоров пылает лицо, нервы напряжены. Поворот, поворот, здоровенная яма — «Колизей-1», — объявляет Comandor. Смотрим вокруг — ничего нет. Идём дальше; «Колизей-2», — объявляет Comandor. Влево уходит большой длинный зал. Вправо шкурники. Зал завершается огромным чёрным глиняным конусом — Чёрной Пирамидкой. Прохожу до конца зала. Налево шкурник, за ним грот. Суюсь туда, пытаюсь лезть и вдруг... Голос Comandor’a над ухом: «Вот он». Разворачиваюсь на 90° и вижу в полуметре от себя страшную картину...

< ... >

Потом стресс прошёл, захожу за спины ребят, разглядываю. Человек, словно кристалликами инея, покрытый плесенью, сидел как в кресле, в нишеподобной щели. Во всей его позе чувствовался умиротворяющий покой. Одна рука лежала на животе, вторая была подложена под голову. Лишь кое-где куски одежды проступали из-под плесени. Лицо словно облеплено ватой, только прядь волос выдавала в нём человека. Козлик громко и грязно выругался — должно быть, от страха.

Чувствовался разящий тошнотворный запах разложения. Фонаря и других предметов освещения рядом не было...

< ... >

Он сильно исхудал. Казалось, штормовка висит на скелете. Руку можно было обхватить двумя пальцами. Видневшаяся кожа была неестественно красного цвета с сине-чёрными пятнами. Мне стало плохо, я пошёл назад. Закурил. У покойника остались только Comandor и Марченко. ЮДА с Козликом тоже сочли нужным смыться.

Следуя совету Сэма, Comandor решил воспользоваться в качестве освещения сигнальной свечой. Вспыхнул яркий свет, пелена густого чёрного дыма поползла по потолку в моём направлении. Через две минуты съёмка была окончена и мы двинулись на выход. Но за это время дыму накопилось столько,

⁶⁴ Знак равенства меж группой “SF” и официально-гэбэшным “спасотрядом” в те годы ставился многими из нас автоматически: по крайней мере и В. Мальцев, и ‘лепший кореш его’ А. Вятчин, прославившиеся своей дальнейшей гэбэшнo-спелестологической деятельностью, были из группы “SF”; на основе этой группы “официальный спасотряд” и был в своё время создан. Правда, люди, подобные Сэму, вскоре покинули его, — естественно, что и группа развалилась.

что увидеть что-либо на расстоянии более метра стало невозможно. Начали тыркаться во все щели — ничего знакомого! Раза четыре возвращались к Чёрной Пирамидке...

Казалось, какая-то сила не даёт нам оторваться от покойника. Я подумал, что нам нужно было поставить ему Свечу — как мы ставим Её погибшему в этих каменоломнях в 1976 году Виктору Шагалу — но обычной свечи мы взять с собой не догадались.

< ... >

Мы не боялись заблудиться. Максимум через пять часов на поверхности бы разобрались, за нами бы пришли, — но перспектива оставаться в этом диком смоге с трупом наедине была неприятна и, более того, страшна. Наконец счастливая случайность помогла мне вспомнить место, где я поскользнулся по дороге туда и сильно ушиб колено. Ориентировались; отсюда Comandor дорогу знал.

< ... >

Вновь на поверхности. Часть ребят в лагере спит, остальные на станции. Пошли умыться к роднику. Там в знак памяти о пережитых под землёй минутах сложили вместе руки. Есть не хотелось, у меня была лёгкая тошнота. Поставили чай. Инстинктивно, чтоб снять напряжение, устроили дикую ругань. На всю округу стоял самый изощрённый мат, нас абсолютно не волновали уши тех, кто находился в палатках. Всё это было следствием того, что мы пережили в пещере, и я оправдываю себя и ребят. Потом Comandor с Марченко снова ушли под землю — расчищать шкурники на пути к выходу, чтобы можно было пронести тело. Кажется, я заснул на часок. Просыпаюсь... У костра шумят ГРТН-ы: делят снарягу, собираются помогать Comandor'у и Марченко рубить шкурники. У меня сил спускаться вниз больше нет.

< ... >

*Немного погодя приехали База и Ро с двумя размалёванными девицами. Без комбезов и еды. Чуть позже приезжают мои школьники из ГШ⁶⁵ — я их сразу отправил обратно. В Москве, говорят, большой шум, куча народу собирается приехать ещё. Да только теперь — на фиг?.. Кажется, **теперь** приехать — лишь бы **не опоздать к выносу** — МОДА. Противно.*

< ... >

*Сэм ходит как-то боком, приглядываюсь — спиной ко входу в пещеру, всё время, как ни отвлекая разговором. Ему ведь приснилось, что он **головой своей прямо на него натыкается** — **так и случилось на самом деле**. С точностью до движения. И теперь он **не может** к нему подойти, не может даже глянуть в сторону, где это случилось.⁶⁶*

⁶⁵ Геологическая школа МГУ.

⁶⁶ Вообще история эта требует своего внутреннего, отдельного изложения — ведь одно дело читать в книгах о “вещем” совпадении снов иль глядеть/созерцать бунюэле-хичкоковские творения, — и совершенно неожиданно в реальной жизни оказаться участником такой жуткой фантасмагории. Сэму

ЮДА осторожно предупреждает всех: держитесь к тем, кто приехал, спинами. Мол, фотографируют. И точно — ходят какие-то дяди, почти не прячась, и снимают всех. ГБ?.. Похоже.

Внизу у входа в пещеру три милицейские машины, машина скорой помощи (?!), две чёрные “волги”⁶⁷ и куча властей. Трежит генератор — Comandor’a пытаются заставить протянуть под землю свет, но провода хватает только до Хаты. Это свет нам был нужен три ночи в лагере, и аккумуляторы шахтёрские заряжать — где они были раньше?..

Милиция лезть под землю — осматривать тело — отказалась, хотя им предлагали свет, комбезы, проводников... Отказались они и помочь транспортировать тело. Эти сволочи возложили всё на нас, на тех, многим из которых не было и 18 лет. Кант с Белкиным снова полезли фотографировать, теперь с ментовской фотовспышкой — народ стал готовиться к предстоящей транспортировке. Кто-то пошёл под землю — помогать расширять шкурники; кто-то побежал в село за досками и брезентом.⁶⁸

К этому времени случайно подоспели ребята из бывшей компании В. Шагала. Они приехали восстанавливать памятник Виктору, разрушенный какими-то подонками. Приехал сбежавший из больницы Кракодил.

Первая группа, возглавляемая Comandor’ом и Кракодилом, уходит под землю. Вторая должна сменить их через час, затем через час им на смену выходит третья, потом четвёртая...

< ... >

После проверки узлов, которые стягивали тело, четверо добровольцев взяли за верёвки и медленно, осторожно ступая, шаг за шагом двинулись к выходу. Процессию сопровождали пять осветителей и те, кто нёс доски и верёвки, необходимые для транспортировки тела в шкурниках. Всё движение — ползком или на четвереньках...

< ... >

Трудно представить себе это чувство, когда держишь в ладонях завернутый в брезент труп и ощущаешь мёртвую тяжесть некогда живых тканей, не успевших ещё разложиться настолько, чтоб потерять свою первоначальную форму. Особенно трудно было протягивать тело в шкурниках, где с

приснилось, что он выползает/выпадает в грот по склону чёрной глины из шкурника, что у вершины конуса, под потолком грота, — поскользывается на лежащей на склоне трухлявой крепи — и падает-скатывается вниз, упираясь своей головой в голову трупа. *Казалось, кошмар этот только сон — но каково меньше чем через сутки прожить его с точностью до движения в реальной жизни?..* Полгода после этого Сэм не мог заставить себя спуститься под землю.

⁶⁷ На волгах чёрного цвета в те годы раскатывали исключительно так называемые “слуги народа”, т.е. представители Власти и Комитета Госбезопасности.

⁶⁸ “Доски и брезент” — неотъемлемые принадлежности выемки из-под земли плохо сохранившегося тела.

трудом может проползти один человек, а труп постоянно цепляется за острые камни, и кажется — не брезент трещит, кожа...

< ... >

* * *

— Володя Брагин, из бывшей группы Шагала, обозначил себя, как инструктор-спасатель. «Пустите меня, я вам покажу, как тело в брезент по всем правилам заворачивать...»

Я пропустил его к трупу; Брагин только глянул *на него* — и назад. «Ой, ребята, я сейчас...» Отбежал в соседний грот. Пришлось Козлику его спиртом отпаивать...

Но дело было не в Брагине — ситуация действительно была не для слабонервных. Многие ведь просто боялись подойти к телу, даже глянуть на него.

: никто, кроме нас с Кракодилом и Базой не решался вытаскивать тело из щели. Все отошли подальше, замерли — будто нет никого. Тишина стояла такая, что слышно было, как капли за поворотом с плиты капаят.

Мы с Ильёй попробовали протащить *у него* верёвку под мышками; пришлось поднять *ему* правую руку — иначе верёвка не шла. Потом потянули верёвку. И вдруг *у него* из горла: «кх-ш-ш...» Будто дышит. Потом я понял, что это верёвка грудную клетку сжала. А тогда от неожиданности отпустил свой конец — и он будто вдыхает: «ах-х...»

: После этого тех, кто тело тащить набился, по гротам собирать пришлось. Хорошо ещё, что никто не заблудился — со страху. А ещё, когда тело из щели поднимать начали, я нагнулся ниже, чтоб поправить его, если зацепится; наклонился к самой голове, Кракодил потянул за верёвку — и вдруг рука у трупа поднимается, и меня по щеке: шлёп! Это её верёвка повела. Я опешил, дёрнулся назад — потом понял, что это смешно, бред — а ведь чуть было не вообразил, что это он не хочет, чтоб мы его трогали: уж больно он там удобно сидел,— *и на всех разбежавшихся помощников меня такая злость-обида взяла...*

— Переложили тело на полиэтиленовый лист, завернули; затем уложили этот свёрток на брезент и завернули в него. И стянули репом, как колбасу вяжут или радиоожгуты, потому что это самая надёжная вязка. Из двух групп — нашей и второй подошедшей — как раз несколько человек набралось, кто мог его нести или освещать нам фонарями дорогу. Ибо удобных коногонов-налобников, что освобождали для работы руки, почти ни у кого из нас не было. За тотальным дефицитом. [Из всех принимавших участие в тех ПСР самодельная налобная осветительная система была лишь у меня,— у Белкина с Чукаевым были настоящие шахтёрские “коногоны” — к тому моменту, к сожалению, ‘посаженные в полный ноль’.]

Первыми понесли тело я, Гена, Виталик Марченко и База.

У Автомата, там, где эта система соединяется с Главной, нас сменили. Меня погнали наверх — отсыпаться. Собственно, основное было сделано, можно было и отключиться, но — отец Шкварина наверху у входа, и *как* я ему в глаза посмотрю — *мы ведь труп его сына несём*, — я в пятницу и в субботу с ним уже наобщался — выше крыши...

Ползу вперёд, думаю: может, к месту гибели Виктора Шагала слазить, пока *его* не вытащат, — переждать всё, перетерпеть... А навстречу — двое в одинаковых 'комбезах-с-чужого-плеча', будто только что из магазина, затем ещё трое таких же, — каски и фонарики у всех одинаковые... А руки голые, без перчаток. Гер-рои. В касках — и без перчаток!..

В НИКИТАХ.

: В общем, *какие* это "спелеологи" — за версту было слышно. Ползут, — ход-то сплошной шкуродёр! — у них ругань да улыбочки, Никиты наши матерят, а анекдоты про трах — для бодрости. Будто мало им того акта, что у них с Системой происходит. Первые вообще мимо меня, как мимо тени отца Гамлета просвистели. Едва в нишу в стене успел вжаться. Вторые остановились. «Эй, где тут, — говорят открытым текстом, — Шкварина тянут?» Ну я им в такт и отвечаю — «Там за углом, с 11 до 19, не менее 21».

... У Хаты ещё один тип. Тоже в комбезе; комбез болтается на нём, как на вешалке, — как, думаю, он лазит *в таком прикиде по Подземле?* Это же подвиг Мересьева первой степени! А он сидит и таким же, *как у тех* фонарём по камню долбит. Как молотком. Не в том смысле, что, скажем, шкурник какой расширить пытается, чтоб тело пронести удобнее было — а просто по камню стучит посреди штрека. От балды. А на каске, между прочим, система. "Кузбасс", у которой ящик полтора килограмма весит. И хватает которой при всех раскладах не больше, чем на восемь часов — если не переделывать, конечно... «Ну, думаю, этот хрен у них просто асс. Первый парень на 'клубревне'». Здравуюсь — естественно, первым, — потому как он на меня и глаз не поднимает. Увлекательное же это дело — по камню фонарём долбить!.. «Иди, говорю, туда-то и туда-то», — в смысле, не послал его, куда очень хотелось, потому как потом от чесотки сдохнуть можно, или с ума от боли в заднем проходе сойти, — а доподлинно объяснил, где в его силе дурацкой в данный момент боле всего нуждаются. «Там тебя, — говорю, — люди ждут-не-дождутся, их сменить надо, они три ночи не спали», — а он мне в ответ: «Сами, мол, дураки, что не спали. Нас, говорит, надо было вызвать — *мы бы в два счёта нашли*». Ага, думаю, микромальцев экий... «Откуда ты такой?» — вопрошаю. А он мне в ответ — гордо-и-презрительно-так, у меня юмора не хватит *так изобразить* — «**МЫ ИЗ СПЕЛЕОСЕКЦИИ МГУ!!!**»

— Ага, — говорю, — так это вы, значит, в среду искали его? — И уточняю, перекрывая пути к истерике, — с Мальцевым из "SF".

А он мне — «Ты Мальцева не трожь! Он письмо напишет, мы подпишем — и всем вашим катакомбам хана придёт! Всех вас взорвём к чёртовой матери, чтоб под ногами не путались!..» — кричит, аж слюна на свод брызжет — и

кажется мне, что она, на свод падая, шипит, будто азотная кислота, только не белое пятнышко от каждой капли остаётся, а чёрное. То есть уже тогда мне весь дальнейший сценарий нашей подземной биографии предъявлен был – да не воспринял я эту погань всерьёз... «Много в вас дерьма,— говорю,— но чтоб Пещеру взорвать, не дерьмо, а аммонал нужен. А дерьмом стены в сортирах клёво расписывать, на ваш век сортиров на Руси хватит». Так я сказал ему — и ушёл.

Дополз до Перекрёстка у Хаты: налево выход, прямо – в сторону Четвёртого Подъезда. К месту гибели Шагала. Нет, чувствую – коль доползу туда, то отрублюсь, усну на месте. И что потом – “спасы по мне”?.. Достойный финал поисковки тела...

В выходном штреке после Хаты увидел, что пара шкурников нуждается в доработке – то есть человек проходил легко, но с выемкой тела неизбежно возникли бы проблемы. Кайло было на спине за ремнём — начал работать по камню. Вывернул пару глыб, обтесал острые края.

: Вышел наверх. Шатаюсь, как пьяный — хоть за три дня ни грамма алкоголя во рту не было. Чуть вспомню *этих в комбезах* — трясёт. И конечно, усталость накатила в этот момент по полной программе. А отец Вани — голос жалобный такой, дрожит, **и столько в нём надежды** — этого не передать словами, а я стою перед ним: обгадившийся ефрейтор перед генералом, и каждой клеточкой своего тела его надежду чувствую. «*Может,— говорит,— а может... ну, не бывает у вас разве... там же низкая температура... Ведь вы сами говорили, продукты у вас там по месяцу не портятся... Так, может...*»

— Это же страшно! М-Е-С-Я-Ц-П-Р-О-Ш-Ё-Л!!! Ну **как** ему сказать, что рука по щеке, и выдох, и трупные пятна?..

«Господи,— думаю,— его бы от входа куда подальше... Ведь сейчас тело вынесут — и он наверняка, вместе с козлами из МВД/КГБ брезент разворачивать кинется, *но этого нельзя делать до холодильника, ведь это он у нас под землёй лежал месяц — а здесь, в тепле на солнце мгновенно, за минуты, если не секунды разложится — и уж ему-то картину эту никак не стоит смотреть...*»

— И тут выносят тело. И не слушая меня, разворачивают прямо перед отцом полиэтилен и брезент.

И тело начинает будто таять под пригревающим солнышком...

— Ухожу, бегу этой страшной картины (страшной – лицом отца Вани) наверх, в лагерь.

А в лагере бардак. Кто-то пьян. Размалёванные девицы с Ро, да эти сволочи из ‘спец.секции’ сожрали все продукты. Юлька в отчаянии — готовить нечего. А из-под земли Люди вышли, что сутки почти не спали и не ели — Марченко: ему ведь тогда и шестнадцати не было,— Кракодил больной, Завхоз, ЮДА, Пиф...

В палатке дрыхнет пьяная Яна. Дрыхнет прямо в грязном комбезе, в сапогах — как вокруг трупа лазила — в моём спальнике. *В моём* — а не с подругом своим дражайшим, который как получил известие, что нашли — так и сгинул

на радостях в чьей-то палатке.

: Вытряхнул её из спальника. Баб размалёванных — пинками погнал с поляны. Кому-то из вякнувших официальных спелеосявок в зубы двинул, кого-то отработал ногой —

А тем, кто не успел разбежаться, речь небольшую закатил. На добрую долгую память.

Но это — лирика.

Как и слова отца Вани о том, что мы сняли с него самый тяжкий груз — груз неизвестности...

: отчего-то мне кажется, что неизвестность иногда лучше. Впрочем — кто знает?..

* * *

Родители Вани позвали нас на похороны их сына и на поминки. Отказаться было невозможно.

На этих поминках однокурсники и родные рассказали нам об Иване столько всего, что это не могло не вызвать вопросов.

: право — лучше б мы ничего этого не знали. Но история не терпит сослагательных наклонений...

* * *

Вот часть из этих вопросов:

“Вопрос №1”, что мучил моих друзей в те годы — *“можно-ли, разыскивая месячной выдержки труп, просвистеть в метре от его головы и ничего не заметить?”* — оставляем, по понятным соображениям, без ответа.

— Лично меня гораздо более занимало другое. Промолчать о чём не представляется возможным — даже годы спустя:

... Через месяц в Никитах неожиданно появился В. И. Борзов. Попросил меня показать ему место, где было найдено тело Шкварина. Начал расспрашивать: не заметили-ли кто из нас чего необычного?

: Сообщил ему то, на что безуспешно пытался обратить внимание ментов — что кожа со лба Шкварина свисала лохмотьями. И что на теле, кроме трупных пятен, были явные синяки. И ссадины.

«Ах, оставьте,— отмахивались те,— он же там у вас без света полз, вот и...»

— ЧУШЬ. Знаю я, как оставшийся без света человек по Системе ползает. Особенно по такой, как Никитская. Ибо сам ползал — и по необходимости, и тренировки ради: проверяя, можно-ли ориентироваться под землёй без света. И с каким успехом. И ползали многие из моих знакомых. Так что было, с чем сравнивать.

Так вот: без света под землёй ты начинаешь двигаться крайне осторож-

но, перед каждым движением проводишь рукой перед собой – вначале по верху, где свод? – затем по камням, не обрывается ли ход уступом, – и по сторонам: на каком расстоянии стены.

Движение это возникает чисто автоматически у каждого. И получить на лоб “рог” при таком раскладе немыслимо. Да, – руки, особенно пальцы, коль без перчаток, могут быть сбиты. Да, на голове могут оказаться случайные ссадины — но на затылке, на темечке.

: НЕ НА ЛБУ,—

– И так далее. К тому же мы прочесали ВСЮ СИСТЕМУ, – если уж нашли его записку и шариковую ручку, что говорить о батарейках и фонарях?.. Меж тем Шкварин, по словам родных, ушёл из дома С ДВУМЯ ФОНАРЯМИ. Одним четырёхбатареечным, и одним на шесть батареек. Оба – гэдээррошного производства, ярко-синего цвета. Не заметить которые под землёй невозможно.

: ФОНАРЕЙ МЫ НЕ НАШЛИ.

Ни у тела, ни вообще в Системе.

Борзов заинтересовался. Вместе с ним и ЮДА от места, где было найдено тело, начали повторное прочёсывание.

«Если была такая рана на лбу, значит должна была идти кровь.»

— Стали искать следы этих капель. Каждая из которых за прошедшие месяцы обозначилась *белым фонтанчиком плесени среди зелёно-бурой опушки.*

Очень характерного вида.

И если во время поисков тела они попросту сливались с окружающими пятнами охры и глины на желтоватом камне — теперь плесень бросалась в глаза.

: мы прошли по следу этих капель от места гибели Ивана ровно до того, где Завхоз с Кантом нашли записку. Теперь, без всякого сомнения – *его*. Здесь след обрывался. Не столь, в общем, далеко от выхода — «всего минут пятнадцать ходу». Ну, полчаса – даже для чайника.

Если идти со светом.

Но фонарей Вани мы не нашли. И ещё любопытная деталь: *когда полз, он ни разу не свернул в тупиковый грот. Более того — будто кто-то его вёл из этого относительно привходового места в самый дальний правый угол тогдашней Системы.*

То есть – ни одного кольцевания, никаких плутаний типа “вправо-вправо, потом влево-влево”, – никаких бессмысленных шараханий от направления к направлению. И ни одного захода в тупиковый отвилоч.

Хотя под землёй, по словам родителей, был во второй раз.

Оба раза – в Никитах. Тайно от пасущих его топтунов-охранников. И родителей.

: Кто вёл – Двудикая или некто с манящим впереди светом?..

– Не знаю. С кем он пришёл в Никиты в первый раз, и куда делась в Журнале *та его запись* о посещении?

: Неизвестно. Но известно доподлинно, что *не записаться* в Журнале он не мог — ибо был большим аккуратистом.

От однокурсников и родственников узнали, что (как это ни парадоксально для представителя данного социального слоя) Шкварин отличался просто-таки патологической наивностью и прямоотой. Врать не умел. Потому не смог скрыть от родителей, куда исчез однажды летом на целый день, и где запачкал одежду.

За всё время учёбы — ни одного опоздания, ни одного пропуска даже самого незначительного и ненужного “учебного мероприятия”. И вещали нам об этом его знакомые не в тех умильно-прихорашивающих тонах, как говорят о покойном — нет: была в их аттестации Шкварина некая непонятка, — *как, мол, современный взрослый человек может так себя вести? Явно не всё в порядке с головой...*

А накануне “самого главного из экзаменов” — то есть госэкзамена по “научному коммунизму” — этот “кристально честный будущий специалист по ядерному оружию” удрал с важнейшего для благополучной сдачи данного экзамена семинара —

: семинара по “марксизму-ленинизму” —

— что бы заняться “внезапной спелестологией”?..

: НОНСЕНС.

— И куда делись два его фонаря?..

Оставалась возможность, что их нашёл кто-то за месяц, прошедший до спасработ.

Честно говоря, в возможность того, что Шкварин *выбросил их*, как сели батарейки, я не верил. Потому что даже “окончательно севший” фонарь через какое-то время ожидания способен дать пусть и слабенький, но лучик света. Что равен лучику надежды. Равен твоей связи с оставленным Миром Поверхности.

: Ни один из заблудившихся под землёй никогда не выбрасывал свой свет. Потерять, допустим, в темноте мог — но **два фонаря...** Тем более, таких размеров.

: Крайне маловероятно. Даже если потерялся первый и на ощупь ты не можешь его найти — второй, пусть и севший, даст краткую вспышечку света.

Через некоторое время Борзов позвонил мне и ЮДА и предложил приехать к нему в гости.

Приехали. И Владимир Иванович продемонстрировал нам наш Никитский Журнал. Тот самый, изъятый Ро. От ЮДА я уже знал, что Борзов выполнял некоторые консультации для ГБ, связанные с вопросами туризма и самодеятельной песни. (Назовём *это* так.) Так же Владимир Иванович занимался активным исследованием мумиё — в те годы приравниваемомся и к шарлатанству, и к спекуляции одновременно. “РИФы” на его деньги ездили по горам Средней Азии, собирая исходный продукт; Борзов в своей домашней лаборатории занимался его очисткой и продажей. Клиентура была обширная, в том

числе средь “продвинутых в народной медицине” сотрудников “органов”. Вполне крепкая “крыша”. И возможность получить Журнал, приобщённый к “делу”. Хоть на один день. < Верите в такую возможность?.. А мне приходится. >

: Тщательно изучили Журнал с сентября по октябрь. [Убедился ещё раз: *страницы с моими стихами и с записью Вани о его входе в Систему на другой стороне листа – НЕ БЫЛО.* Как не было его записи о летнем посещении, – впрочем, следы были: тоже в виде отсутствующего листа. В июле месяце.] Мы переписали имена и ники всех, кто ходил в сентябре в Систему. Кого знали и кого не знали. Начали искать-обзванивать. «Кто кого встречал/видел под землёй, если курил – то где, оставлял-ли бычки и пустые пачки от сигарет, не видел-ли брошенных батареек, не находил фонарей?..» И так далее, по всем пунктам.

За пару месяцев справились с этой работой. Очень тактичной и тонкой, – ведь даже если человек нашёл фонари Вани и забрал их себе, разговор нужно было строить так, чтоб он в этом признался.

: Нашли хозяина каждой обнаруженной нами во время поисков тела бумажке, оброненной пачке из-под сигарет, батарееке... **ФОНАРЕЙ НЕ ВИДЕЛ И НЕ НАХОДИЛ НИКТО.** Как никто не видел, чтоб их кто-то нашёл. И даже не слышал об этом. *Ни у кого никто вообще не видел столь примечательных фонарей — иностранных ‘светопушек’ на 6 и 9 вольт, соответственно.*

— Скажете: потому и не видели, что фонари уникально-дефицитные? Ха! Во-первых, находка даже одного такого брошенного под землёй фонаря – Событие, мгновенно обрастающее недоуменными вопросами и слухами. Во-вторых – пользы от них в Никитах, против любимых нами двухбатареечных и продвинутых трёхбатареечных средств освещения, – а уж против профессиональных шахтёрских налобников и того меньше. Только расход батареек, весьма дефицитных в то совковое время. И совсем уж недоставаемых лампочек – с патроном обычной, но напряжением “не вполне стандартным” [имею в виду “девятивольтовку” – с лампёшками на 6,3 V проблем было меньше]. В третьих: как я уже написал, любой разговор на эту щекотливую тему строился нами так, чтобы человек, нашедший/взявший ванины фонари, не чувствовал себя виноватым ни в малейшей степени; о возвращении фонарей родителям Вани и речи не шло.

: Доложили о результатах проверки Борзову. Он не удивился.

Исчерпав прочие средства приближения к цели, обратились к мистическо-эзотерическим. Ибо в то время подземная экстрасенсорика многим из нас не давала покоя. Как, впрочем, и другие загадки окружающего мира.

— Воспитанный в материалистических традициях, думал, что спиритизм – хохма. Но “хохма” по-древнееврейски означает *мудрость*.

: Сеанс виртуальной связи с “загробным миром” дал столько, что волосы

встали дыбом. Контрольный опыт, поставленный в ночь со среды на четверг в месте, где была найдена записка — ещё больше. Как и его повторение через неделю — другим составом экспериментаторов — у Чёрного Конуса за Колизеем.

Информация оказалась вполне проверяемой,— по крайней мере, одна из данных нам ‘в спиритических ощущениях’ ниточек уводила в каэспэшный куст “Лефортово” — кое-кто из моих друзей занялся её серьёзной проверкой. Неторопливо, методично. Ибо куда было спешить нам — теперь?.. И многие наши наивные вопросы отпали. Но появились следующие,— как головы чудаяда: срубишь одну — вырастает три новых.

... Примерно через год, когда наше “народное расследование” достигло апогея, меня, ЮДА, Зелёного Змея⁶⁹ и Бороду вызвали в КГБ для синхронного допроса. Возможно, и “не по данному делу” — ибо спелеосоциальная деятельность нашей команды не заключалась в одном расследовании причин и обстоятельств смерти Шкварина,— вызывать и песочить “было за что”:

— ‘Доспелеодиссидентствовались’:

Змея вызвали прямо “от котла” — он работал поваром в археологической экспедиции, копавшей древнюю Согдиану; Бороду за неделю до предполагаемого дембеля — в Особый отдел части, где он тогда служил (дело было в Афганистане). ЮДА привезли с работы в известное здание на ‘Любянке’; меня “попросили явиться” в гэбэшный отдел райкома партии.

: Конечно, ничего они от нас не добились,— Змей, пока его везли по пустыне из поля в Ташкент, умудрился выпить поллитра спирта (взял с собой флягу, якобы “водички в дорогу”) и пришёл в недопрашиваемое состояние; ЮДА расколоть было не проще, чем гранитную глыбу. Афганским особистам московские инструкции вообще были до фени — поскольку конкретной работы у них и без Бороды хватало,— убедившись, что официальный повод для допроса с их точки зрения “яйца ломаного не стоит”, отпустили Броду с наказом “больше не писать в Златоглавую провоцирующих тамошних козлов писем и вообще после дембеля не расслабляться”. А я, верный идеям Яши Виньконецкого, заранее “положил” на все их вопросы и угрозы (подкрепив психологические свои убеждения изрядной дозой аминазина с элениумом, так что допрос наблюдал как бы со стороны — как кино, ко мне не имеющее отношения).

Но вот что удивительно-странно: как правило, самые важные свои вопросы они обычно задают под занавес — когда полагают, что жертва достаточно сломлена, чтоб дать искренние ответы. *И вопросы эти касались нашего самодеятельного расследования.*

«Пожалуйста» — выложил им всё, что удалось узнать. Потрясение от сказанного мной было столь велико, что следователь, ведущий допрос⁷⁰,

⁶⁹ Ионкин Андрей. О нём и его судьбе в «Катакомбный Мэйнстрим — камни вне времени и пространства».

⁷⁰ Полковник Антонов. Что не может не удивить, *все следователи, с которыми я имел дело на допросах в ГБ, были полковники. И все — Антоновы. Целых четыре штуки.*

начисто забыл обо всех своих предидущих инсинуациях и запугиваниях – даже хмыкнул несколько обиженно: не такие уж в ГБ козлы сидят, как мне по младости лет думается; вели они и своё расследование, да зашло оно в тупик – теперь же, благодаря моей информации, “кое-кому может не поздоровиться”. Хотя, мол, есть “могущественный некто”, кто меня за трендёж по данному делу прижмёт так, что срок “по родной семидесятой” манной небесной покажется.

На том и расстались.

– И ещё. Через какое-то время Рашпиль⁷¹ на встрече выпускников своей школы разговорился с бывшим одноклассником, пошедшим “служить отчизне”. И тот предупредил его: слышал я, что лазаешь ты в Никитские катакомбы... Будь, мол, там поосторожней. Ибо занимается ими некий специальный отдел <какой, паскуда, не уточнил>, и что там «одного правдолюбца уже замочили». И расследование ни к чему не привело – три раза открывали и вновь закрывали дело...

Потому что, как бы ни хотелось одним сотрудникам госбезопасности раскрутить столь загадочное убийство сына управляющего секретнейшим из министерств, и при том потенциально замечательного физика — другим, что гораздо сильнее, это дело нужно было замять.

: Вот так, господа-коллеги спелестологи.

Вопрос, кому выгодно, чтоб я молчал об этом “деле”, задавайте сами. Адрес – известен. И теперь можно. *Пока можно* –

НАСТЕННАЯ ПАУЗА

“Краткость – сестра.”

: из сократизмов

Одним из самых примечательных “спелестологических объектов” семидесятых/восемидесятых годов был, без сомнения, Грязный Угол: местечко на Курском вокзале, где постоянно тусовались спелестологи. Находилось оно в левом углу по выходу в нижний этаж вокзала из метрополитена, от так называемого Баобаба – архитектурно-замысловатой колонны в центре круглого зала (теперь выхода из метро в вокзал в этом месте нет “по многочисленным просьбам трудящихся”).

Первоначально это было место сбора тех, кто устремлялся на выходные в Силикаты – направлявшиеся туда садились в этом углу и ждали попутчиков, чтоб прорваться через агрессивно настроенную толпу местных у входа в пещеру, – вылавливая “братьев по рюкзаку и комбезу” взглядом из толпы,

⁷¹ В “миру” – Юлик Рашковский: один из известнейших никитских спелестологов, прославившийся созданием замечательного песенно-поэтического “спелеоцикла”.

струящейся из самого удобного для посадки в электрички выхода из метро. Когда народу набиралось достаточно, выезжали. Постепенно Грязный Угол стал ритуальным местом встреч среди недели, причём не только любителей Силикат — прочих подмосковных Систем тоже. К восьмидесятым годам это была уже площадка, каждый вечер оккупируемая казспэшниками и спелестологами — своего рода клуб с импровизированными концертами и бесконечно развиваемой стенгазетой, рисуемой тут же на стене и наполовину состоящей из объявлений типа “Маша! позвони мне...”.

: Естественно, власти начали борьбу с этим демонстративным “клубом” — и естественно, “выиграли процесс”. Только жаль, что удобнейший вход в вокзал пал жертвой этой *спелеовойны*.

Приведу ряд настенных “грязноугольных” надписей конца семидесятых, заботливо сохранённых Юрой Долотовым и Максом Силикатским — по-моему, они без всяких комментариев передают дух этого славного места⁷² — и наше Ушедшее Время:

“Всем привет! Хип”

“Хип! Вспомни канистры! Встретимся 19-го в 14.30 здесь.”

“Привет Бизону.”

“От кого?”

“Гидра! Прости непослушного сына тваево!”

“Ну и дурак же ты, П.”

“Сволочь!”

“Хочу выпить завтра, в 12.00, 8 апреля. Брат.”

“Я не против.S.T., 8 апреля”

“Я Волчица, всем привет. 8.04.1978.”

“И вам то же. Брат.”

“И тебе то же.S.T.”

“Привет всем!!! RIF Speleo молодежный. Бугор, Чекист, Юрец.”

“Хип! Где твое слово?”

“Бизон! [REDACTED]. Доктор”

“Халява! [подпись неразборчива].”

“Привет П. Карло от Мики.”

“Я уехал на юг. Привет RIF! Сапер.”

“Троглодитам! Заберите лесенку и реп!”

“Хипу привет с Кавказа. Кикиморицы.”

“Матвей, ты скотина.”

“Петьке! Мест нет, звони мне. Прох.”

“Гена! Мест нет, звони утром. Саша.”

“Хип! Номер ячейки 3935. Спасибо.”

“Сохин + Клякса = недоношенные критины. Кораллит.” [переправлено на "Корралит"]

⁷² Сюжетное отождествление — Юра Долотов. По его собственному признанию, “получилось что-то вроде чеховского рассказа”.

“2 июня. Абрек, я читал твои измышления, ты нисколько не поумнел. Клякса.”

“Гр. Копралит! Тренировка в Царицыно.”

“Мы в Царицыно. Пурген.”

“Луноходам привет! А.С.”

“Брательник ищет, с кем выпить.”

“Пить вообще вредно, а с Брательником — втройне”.

“3 июля. Еду, черт знает куда. Клякса.”

“Привет RIF’ам. Спелеоанархист Шеф.”

“24 июля — родился Чайник. Встреча на Московском море. [*подпись неразборчива*].”

“Гном! Привези мне фанендоскоп! Алла.”

“Маслов Андрей! Я на тебя весьма сердит за долбопед. Доктор, 4.08.1978.”

“Все желающие ловить Бугра! Обращайтесь по адресу: ст. Силикатная.”

“Лови, если поймаешь!”

“Кто встретит Макса из SF — пошлите его в корчму!”

“Позор пионерам, заваленным в Никитах 2-3 сентября! Доктор.

P.S. И Командору [*исправлено на “Комару”*] тоже!”

“Командор в сапогах. Доподлино. Танк.”

“Никиты — дерьмо.”

“Силикаты — срань господня.”

“Кто написал, подпишись!” [*над и в “написал” дорисовано ударение*]

“Здесь страдали Чекист и Доктор. 5.09.1978, 11.05.”

“Чекист, ты предатель!”

“SF! Вятчин и Толик едут 7.10.1978 в Силикаты (в Гнездо).”

“Скотина!”

“Дятел! Звони Харитону! [*подпись неразборчива*].”

“Антимоллю с невестой привет!”

“С женой!”

“Уже развелся...”

“Вопрос всем! Что делает сейчас Сохин?”

“Вятчин, ты ⊕.”

“Не понял”.

“Ищу Графиню, Маркизу. Борода. 21.10.1978.”

“Какую?”

“Графинь, их много (в Силикатах). Шеф.”

“Ищу Короля (в корыстных целях).”

“Кто?”

“Можно связаться через Гидру.”

“Графиня в венерологическом диспансере (гарантирую).”

“Узнаю, кто написал — голову оторву. Графиня.”

“Новиков! Любовь моя! Ты — задница. Мой пояс можешь передать через Вильфа, Маслова Б. (старшего), Маслова А. (младшего), Бизона, Санкову, Сахарову и других общих знакомых. Епель-Мать, 23.10.1978.”

“Ухожу в армию. Фил.”

“Хип — ворюга.”

“Никто не забыт, ничто не забыто! Не дай бог, встречу! Принц.”

“Сохину от ЛМ.

Вставай, вставай, хватит спать,

Снам уже не придти.

Сны земные надо гнать,

С нами под землю идти.”

“Лена В.! Куртки десантные утверждаю. Беру две штуки. Доктор, 3 ноября.”

“Здесь страдали Аполлон и Балаган. 6.11.1978, 23.30”

“Здравствуйте, я ваша тетя.”

“Ухожу в армию. Бугор.”

“Будь счастлив, Бугор! Грузин, Тяпа-Пионерка.”

“Нужен самогонный аппарат. Брат.”

“Могу достать. Договоримся в любую субботу. Макс.”

“Хипу с Крыма пр! Макс.”

“Димка! Не будь гадом. Зайди. Максим. 1.12.1978.”

““Одуванчик”, то бишь “Белая Хризантема”, за художества в гроте Волков буду жечь! Минер.”

“Руки коротки! Б.Х.”

“Рискни! Вообще, риск — благородное дело! Б.Х.”

“20.01.79 буду в Силикатах. Жду. Минер.”

““Белая Хризантема” — новая группа Silikates.”

““Одуванчики”, это вам будет дорого стоить! Разведчик.

R.S. Расплачиваться придется долго и чистой валютой. Р.”

“Кто замуровал вход? Заказывай панихиду! Минер, Разведчик.”

““Хризантема”, ответите за все.”

“Продаю гарем из пяти жен (узбечки). Чижик.”

“Почем? Если недорого, то куплю. В.Б.”

“Имею 70 м новенького репа 6 мм в обмен на иное снаряжение, т. 4866468. Володя.”

“Ищу работу. Вася Рыжий.”

“Уже нашел.”

“Объявление!

Требуется невеста 17-ти лет. Шеф.”

“Срочно нужны джинсы. Брат.”

“Завязал со всем и со всеми. Чижик. 2.02.1979.”

“Куплю бабу.”

“Смотри как бы тебя самого не купили. Шеф.”

“Мы с Брательником вдвоем Кантугезо пропоём (конкретно).”

“Mikey!”

“Меняю жену 40 лет на две по 20.”

“SF — контры.”

“Ляга, выпорем ремнем по заднице!!”

“Меняю примус на карабины, т. 4566559. Боря.”

“4 марта в Силикаты прибывает SPELEO-KUS. Дрожите! Предводитель.”

“Attention!”

Ох и хорошо было дышать "етям Подземелья" 4.03.1979 в Силикатах!

[*подпись неразборчива, в названии группы зачёркнута заглавная “Д”*].”

“Кто писал? Шеф.”

“SF — сволочи.”

“Скоро сами так подышите. Шеф.”

“Всем!

! Ловите Сэма из SF.

● Спешите! Они отбывают 9.03.1979!

Врежьте ему за волокни из покрывшек! Шеф.”

“Прощайте все! Завязал с Силикатами. Макс (“Кварц”).”

“Иди ко мне.”

“Не пойду.”

“Ну и дурак”.

“Это мое личное дело”.

“SF – сволочи форменные.”

“SF = stones fuck!”

“Убью, кто написал.”

“FUCK!!!”

“Как найти Володю, который пел песню в Зале Отдыха?”

“Найти меня трудно. Если [*далее неразборчиво*].”

“Что это за слово? Не разберу.”

“Если захочешь — разберешь.”

“Кто хочет что-нибудь написать, платите по 5 копеек (кладите в ящик).”

“Мечтай.”

“RIF’ам. Лягашев трепло, держитесь от него подальше. Im ChE.”

“Все в Силикаты!”

“Продаю снарягу через Хипа. Завизал. Брат.”

“Капрал! Еду! Женя.”

“Капрал! Достал билеты в тот же вагон.”

“Влад! Если до 29-го не забереешь снарягу, то она уедет в другое место.

Доктор.”

“Сохин! Я вернулся. [*подпись неразборчива*].”

“Дух! Верни снарягу!”

“Акела! Мы у Вовы!”

“Макс, зачем лишний свист? Доктор.”

“8.05.1979. Треплуша, мы в Чехове.”

“QCN 1-2 в Силик.”

“Скиф, жду твоего звонка в среду. Макс.”

“Макс — собачья кличка. Только дурак может называться собачьей кличкой.”

“Правильно! Остряки! Макс.”

“Так держать! Шеф.”

“Шеф, не путай меня со своим Максом! Макс из Силикатов ("Quartz").”

“Я не знал, что Максов уже двое! (То ли еще будет!) Шеф.”

“Нас трое.”

“Значит, скоро будет четверо. Тогда всех Максов и расклассифицируем.

P.S. Как, собственно, вы размножаетесь? Шеф.”

“Прощайте, люди! 2.06 в 13.30 в трест "Ямалнефтегазразведка". Сэм.”

“Es lebe Ямал! Приветствую тебя, Шурик (Макар-Сэм). Буду в Силикатах с бандой. Шеф.”

“У тупиков. Макс.”

“Кто знает насчет КТП, сообщите 1103523.”

“Материалов пока нет.”

“У Брательника свадьба, все приезжайте к нему.”

“.....”

“Кунаки! Макс! Прийти не смогу, звони, привет. Андрей.”

“Билли! Я остановлюсь в Любви. 16.06.1979. Макс.”

“Нашел место!”

“Spleo-удачи трем Максам. Шеф.”

“Четырем.”

“Макс, ты мне нужен. В конце июня буду в Силикатах со своей бандой. Шеф. 17.06.1979.”

“Ладно.”

“Буду здесь 13.00. Алекс.”

“Хулиганы!”

“Сам хулиган!”

“Макс, жди нас здесь от 17.00 до 18.00. Алекс.”

“Я дипломат, хорошо. Макс.”

“Дипломату подземпривет! Макс ("Quartz").”

“Вятчин, где Антимоль?”

“Х.З.”

“Auf Wiedersehen, oder Schute! Guten Morgen der Akademie! Shef.”

“Мы провожали Бороду 23, 2.40 ночи. Кораллит.”

“27 уезжаю на Тянь-Шань. Доктор.”

“Кунаки! Приглашаю всех вас в Силикаты 8-9 сентября на мой день рождения. Макс ("Кварц").

(P.S. Со своей водкой.)”

“Девушка, потерявшая в Силикатах часы 7 сентября. Ищи их по адресу: Силикаты, грот Таня, Макс ("Кварц"). А то продадим, они золотые!”

“Вышла замуж. [*подпись зачеркнута*].”

“Затруднения со свадьбой. Вносите предложения.”

“Празднуй свадьбу под землей. Доброжелатель Шеф.”

“Силикаты откопали! Макс.”

“Поздравляю! Шеф.”

“Все в Силикаты!”
 “Где Макс???”
 “Макс на Карабах.”
 “Макс на Кавказе.”
 “Макс сидит в Силикатах.”
 “Макс переметнулся в Никиты.”
 “Козлы! Я сижу дома. Макс ("Quartz").”
 “Говорят, у силикатчиков вместо лёгких противогазные бачки...”
 “А ты рентген делал?”
 “Все никитские – мудаки!”
 “А вместо мозгов – жопы!!!”
 “Ведьма и Командор! Кто меняет Никиты на Володары – не дорого стоит!”
 “Да не продаётся!”
 “Кому нужны ваши Никиты?..”
 “Кому надо, тому и нужны”.
 “Кончайте эту болотную жизнь! ВСЕ — В СТАРИЦУ!!!”
 “Катись сам.”

И – венец всего (признаю никитское авторство):

*“КУРСКИЙ ВОКЗАЛ В ТЕМНОТЕ И ДЫМУ —
 ВОЛОК ПОСТАВИЛИ В ГРЯЗНОМ УГЛУ!!!”*

ВТОРОЕ НАЧАЛО НИКИТ

“Как здорово вернуться...”
 : Р. Хайнлайн

Накануне “внезапного ухода Бороды в армию” [именно так, буквально: выходные провели в Никитах, а в понедельник понесла его нелёгкая в райвоенкомат] мы с ним ползали в окрестностях Четвёртого Подъезда, внимательно осматривая встречающиеся щели и тупики. Быть может – в десятый или двадцатый раз для меня. Но что-то не отпускало от этого места, а интуиции своей мы привыкли доверять.

ЧП довольно большой грот вытянутой формы, остаток штрека. С несколькими отходящими от него тупиками-карманами и шкурниками. Один из этих тупиков по виду – типичная орта, неоконченный забой. Что странно: не на периферии Системы, а в привходовой, то есть в прибрежной её части. Справа эта орта ограничивалась старым завалом, по верху которого узкая щель выходила через промежуточный гротик-балкон, названный нами Ласточкино Гнездо, в такую же орту со стороны Централки. То есть – теперь Пионерского штрека.

Ещё один карман оканчивался чёрным глиняным конусом, где погиб Вик-

тор Шагал. Между ними небольшой тупичок – след бывшего пересечения ЧП поперечным штреком – упирался в крупноглыбовый завал, за которым была мелкая осыпь. Ход против этого тупика вёл после поворота влево в сторону поверхности. Как полагал я, перспективное место для создания нового входа в Систему. Остальные ходы-шкурники выводили в Сейсмозону и Коммундизм.

Описанная мной в “Человеческом Факторе” Восьмёрка – через которую мы когда-то впервые попали в Четвёртый Подъезд – проходя *под* Ласточкиным Гнездом, обоими своими шкуродёрами выводила в Пионерский штрек. Но не сразу, а через промежуточный гротик с парой отвилок в “пионерскую орту”, называемую Серой Радостью: в честь “хитрого кабака” из любимой повести Стругацких.

— А теперь попробуйте представить топологию этого места, и как его можно было бы отобразить пусть не на карте, но на более-менее адекватно читаемом плане:

Нижний ход Восьмёрки двойной, и правый с левым его рукава, проходя один над другим в теле завала, меняются местами; при этом выше проходит третий ход – в свою очередь разделяющийся в гротике Ласточкино Гнездо надвое и после этой развилки ниспадающий вертикальными лифтами. Один из лифтов Ласточкиного Гнезда выводит сверху точно ко входам в Восьмёрку со стороны Серой Радости – другой непосредственно в Серую Радость. В принципе, словесное описание для понимания топологии данного места ничего не даёт — чем больше употребить слов, тем больше путаницы, — если же пытаться рисовать план-схему этого места – крышу может снести довольно далеко от её основания. *И как изволите ориентироваться в нём согласно рекомендациям журналистов, популяризирующих “правило левой (или правой) руки”, — то есть планомерного сворачивания на каждой развилке иль перекрёстке строго либо в левую, либо в правую сторону?* Непонятно, как данный принцип применять в подобных местах. Которых в Никитах “более, чем достаточно”. Есть и сложнее – например, Лабиринт Старьёвщика в Ближней системе, Сфинктер Жопы в Сетке. Или Большой Гальян в КРОССавице *с трёхуровневым лабиринтом* и амплитудой пересекающихся шкуродёры лифтов до пяти метров. А также небезизвестные Сейсмозона и Коммундизм – шкуродёры которых начинаются в незаметных иному местах то у самого пола, то под сводом, — и если с одной стороны выглядят, как “непроницаемые” для человека – с другой стороны распахнуты достаточно приглашающе...

: потому ни “правило левой руки”, ни “правило Тремо”, рекомендуемое В. Н. Дублянским в “Занимательной спелеологии”, — ни даже *очень подробная* карта Никит ничего не могут дать тем, кто без них не научился ориентироваться в нашей Системе.

: Мы с Бородой “прикололись” к тупику меж местом смерти Виктора Шагала и здоровенной ортой Четвёртого, называемой Амфитеатром. Почему прикололись – не знаю. Тем более, что за ним на некотором расстоянии была Централка, до которой из Четвёртого можно было добраться тремя другими ходами.

Но Подземный Прикол – великая вещь. Гораздо более неоценимая и верная, чем самая лучшая в мире топосъёмка. Ибо вербальное соображение ясно говорило: *не фиг тут рыться*, – тоже самое подтвердила бы карта...

– А вот интуиция шаманила, призывала: КОПАТЬ.

Я залез меж еле висящих чемоданов, описал за ними в теле завала зигзаг, дважды, дабы не заклинить, повернулся по спирали вокруг своей оси – и головой вниз вывалился в результате этого исследования к ногам Бороды.

Казалось, не фиг тут делать. Но в щелях завала дуло, –

— а значит, был дальше некий ход. Или объём.

: Возможно, дуло в сторону Пионерского штрека –

– возможно.

– Если там и есть какой-то грот, – доложил я Бороде результаты своего исследования, – то, боюсь, кроме кошки разместиться в нём будет некому.

– Отлично, – среагировал Борода, – так и назовём, коль отроем: Кошкин Дом.

– И загремел в армию.

Уходя в которую, на пороге военкомата слёзно завещал: ты, мол, уж как-нибудь обязательно раскопай его за меня...

: Изъявил волю.

Слава Богу, от облюбованного нами для стоянок Дворца до этого места было – рукой подать. А потому в один из следующих выходов занялся раскопками. Выбирал мелочь из щелей меж крупных булыганов, – ослаблял их, и они сами скатывались к ногам. Вниз. Постепенно творимый ход углубился вперёд и вверх, – дорос до уровня потолка каменоломни, пошёл за него... И как-то с этого момента начал расширяться в разные стороны. Образуя довольно симпатичный гротик. Уже не на кошку, на одного человека – но весьма комфортный.

: очень уютный и тёплый.

В разгар раскопок принял чемодан на ногу, – дохромал до Чаши, перевёл дух. Стояли мы в тот выход с Вандерерсами; выкидывались вместе, традиционно опоздав на последний никитский автобус со славным номером “очка”, –

: пришлось топать, хромя, пешком. Три километра до моста через Рожайку, где можно было сесть на городской автобус. Под не менее анекдотичным номером “33”.

Переодеваясь на остановке в ожидании автобуса, стянул сапог – увидел, что он полон крови. Открытый перелом пальцев ноги.

: *ничего, сдюжил. Даже не очень больно было. Но безумные одиночные раскопки над головой прекратил. Тем более, в прямой видимости места смерти Шагала.*

* * *

А потом мы удалились в Володары.

И вернулись оттуда в родные Никиты через полгода.

...: Удивительное чувство – **Своей Системы**. Столь невообразимо сложной и мрачной против уютно-жёлтокаменной Курьей,– её просторных коридоров и гротов, дивного росписного и скульптурно-архитектурного рок-арта Пети-Крота,–

— Но возвращение в Никиты было, как праздник.

И потом, сколь бы мне ни приходилось отлучаться-уходить из Никит — в Старицкие каменоломни или во вновь открытые Сьяны — неизбежно следовало Возвращение. Радостное узнавание родных и знакомых мест –

*...: Вхожу сюда, когда
Сгустится темнота
И звук шагов под сводами не гулок –
Нужна мне темнота,
Хоть совесть и чиста:
Почти чиста, как в дождик переулок.*

*Я темноту прошу укрыть от перемен
Которые, быть может, сотворились...
Опять хочу войти в дыханье этих стен:
Укроете? Ну как, договорились?..
Не лица – силуэты, точки папирос
Как будто маяки. И на мгновенье
Я снова стану тем, кто здесь когда-то рос...
Не торопитесь, капельку терпенья.
Неузнанным хочу пройти, как и тогда,
Вдыхая ночь, налитую до края —
И что такое “страх”, “сомнение”, “беда”:
: НЕ ДУМАЮ – НЕ ВЕДАЮ – НЕ ЗНАЮ.*

*Как Джсиоконду сотни раз смотреть приходим мы часами,
Так я под землю ухожу, с собою искорку неся.
Моим дыханием согрет, меня здесь знает каждый камень –
Там, где я был; где не был я – ища тепла, зовёт меня.
Мне красота подземных тайн открыта добрым чародеем –
Она приносит мне покой, здесь я могу свободно жить:
Могу искать и открывать, творить лирическую ересь –
... ЖАЛЬ, НЕ СМОГУ Я НИКОГДА
СПОЛНА ЗА ЭТО ОТПЛАТИТЬ.*

: Строки Серёжи Лещины и Юлика Рашковского. О наших Никитах.

: О просто немыслимо-прекрасном Кайфе
Возвращения в них — после недели городской работы и жизни, поездки в иные места...

«Я вернулся, вернулся – и сколько бы мне ни осталось:

: я войду в эту землю, как вышел из этой земли...»

* * *

Никитская Централка, начинаясь от вскрытого ГКС бывшего главного входа⁷³, изгибается просторной улиткой Пионерского штрека — и дальше идёт не как в иных каменоломнях вглубь горы, а параллельно реке. На расстоянии от склона холма порядка пятидесяти метров. Часть Системы, что лежит меж ней и склоном холма, называется Ближней. Представляет она собой параллельные штреки, идущие парами: один в паре доходит до Централки и соединяется с ней, соседний отделён от Центрального штрека непрорубленным слоем монолита. Внутри парных ходов — два-три соединения/сбойки. Где узких, где достаточно широких. Все эти ходы пересекают две параллельных склону холма тектонических трещины — по происхождению бортового отпора. Местами они хорошо раскарстованы; их сталактитовые драпировки долгое время считались единственной натёчной формой в Никитах.

“Вход на станцию вниз”⁷⁴ и Хата — одна такая пара ходов. Левее неё находится единственная такая же пара — Русская Америка, оканчивающаяся тупиковой ортой, и Старьёвщик, представляющий собой крайне запутанную систему трёхмерных шкурников в русле обвала рухнувшего когда-то штрека; все остальные пары лежат правее.

К моменту нашего возвращения в Никиты выяснилось, что Чаша “потекла” — на потолке висели капли сместившегося тока грунтовых вод. А значит, стоять здесь стало невозможно. И мы решили обосноваться в Русской Америке — перестроив её в соответствии с тем, что увидели в Курьей. Тем более, что в отличие от прочих систем Подмосковья в Никитах было в изобилии не только каменного строительного материала, но и деревянного: ‘достат. кол.’ великолепно сохранившихся осиновых крепей. Что, конечно, обусловило собственный ‘архитектурный никитский дерзайн’ — отличный от каменного зодчества Пети-

⁷³ Дважды, как теперь выяснено, взрывавшегося властями: в 1947 году во исполнение известного Указа, и “второй серией от того же” — в 1974. Магия цифр...

⁷⁴ Созданный Петей Кротом во время “никитского периода Парабеллума” [1974÷1978 гг.] вход в Систему, украшенный уникально-примечательной табличкой «ВХОД НА СТАНЦИЮ ВНИЗ». Когда мы вернулись из Володар, таблички «ВХОД НА СТАНЦИЮ ВНИЗ» не было — зато вместо неё на том же месте красовался дорожный знак «ПОДОЛЬСК». Естественно, все, кто пришли после установления этой новой “метки”, называли вход и ведущий от него в Систему штрек Подольским. Вообще историческое изменение подземной топономики — проблема; бороться с этим бессмысленно, но надо. И хоть надо — почти всегда бессмысленно.

Крота.

: Два воскресных выхода потратили на создание грота – тупиковая орта Русской Америки была изначально наполовину приподнята относительно пола, то есть представляла “явную незавершёнку” разработчиков, – расширили её, превратив в спальное место на двоих. Посреди грота из камней воздвигли полномасштабный стол; вдоль стен вокруг него из камней и параллельно уложенных крепей сделали сиденья и одновременно спальные нары: для двух человек с каждой стороны стола.

Получилось компактно, удобно и красиво. Ещё одно спальное место – под большой наклонной плитой в дальней части грота – оборудовали для гостей. В тупике, уходящем от Русской Америки в сторону реки, устроили туалет (разнородно-отдельный, как и положено быть настоящему туалету) и место сбора мусора.

Принесли гуашь < поскольку не к карбидной росписи – к самим карбидкам испытывали вполне понятное “никитское отвращение”⁷⁵ > и “творчески расписали” стены: над гостевым местом на плите изобразили «НЕ ПЕРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ!», над моим и белкинским «НЕ УМЕЕШЬ ПЕТЬ – НЕ ПЕЙ!» и «ПОД ЛЕЖАЧИЙ СПАЛЬНИК ВОДА НЕ ТЕЧЁТ». Туалеты украсили аналогичного уровня дадзыбао: «М – МАДАМСКИЙ» и «Ж – ЖЕНТЕЛЬМЕНСКИЙ»; козырьковую плиту, обращённую к ним – «С ОБЛЕГЧЕНИЕМ!!!»

Белкин оснастил ортовую спальню Ведьмы и Юльки табличкой «БЕЗ УПОРА НЕ РАБОТАЙ». Откуда он её приволок – загадка. [Объяснение самого Белкина: «Снял с орбитальной станции “Салют”...» народ всерьёз не воспринял.]

: Никто в Никитах так ещё не строился.

Это было в декабре 1979 года.

Ходили вшестером – я, Ведьма, Белкин, Крыса, Виталик и Юлька. Маленькой и сплочённой группой. *Одни на всю Систему – месяца полтора. Или два. И это был такой кайф...* Казалось, вся огромная Система — НАША. Личная. В которой никого, кроме нас нет и быть не может, – это чувствовалось/ощущалось на эзотерическом уровне столь сильно, что если кто-то из нас приходил в Систему первым, безошибочно мог определить момент, когда кто-то другой погружался во вход. И назвать его имя.

“Вандерерсы” и ГРТН после Шкварина долго не решались возвращаться в Никиты: *бежали неприятных ассоциаций* – да и в городе находились дела,

⁷⁵ Не говоря о *сраче и вони*, что оставляют под землёй любители карбидного света, В НИКИТАХ КАРБИДКА НЕ ПРИМЕНИМА В ПРИНЦИПЕ. Поскольку карбидки, способной нормально работать в условиях “чисто никитского” кувыркания в шкурниках, не создано — и даже теоретически создать невозможно. Да и качество советского строительного карбида... То ещё, в общем. “Оставляет желать”. Замечательно отозвался несколько позже Паша-Профвессор об “идеально катакомбной карбидке конструкции Лёши Ветра”, с которой в Никиты припёрся один из его чайников: «**Раз в пять минут она гасла, раз в десять – взрывалась**». Этим сказано всё.

достаточно важные.

Чукаев и Калошин посетили нас за это время раза два, не больше.

И “примерно столько же раз” – ЮДА и База.

: Каждый визит наших друзей был в не меньшую радость, чем пребывания маленькой сплочённой командой.

Любимая музыка, которой внимали с магнитофона – моей кассетной “Легенды” – была “Оксиген” и только что появившийся “Эквинокс” Жана-Мишеля. Конечно, не одного Жарра слушали мы под землёй “с намагниченных лент” – Битлз, Юрай Хип и Флойды не менее владели нами – как и музыка “Кинг Кримсон”, Шульца и Эдгара Фросса. И, конечно, оркестровые французские альбомы ВСВ с не менее достойной ‘Антисоветской Алисой’. *Вслушивались в каждую рифму и образ этой Вещи, каждую прикольно-словесную коду — и “творчески недоумевали”:*

– *Где была родная совковая цензура?..*

: Очевидно, где – “на картошке”. В соответствии с реалиями времени.

— Ладно, наша цензура, – постулаты запретов и разрешений которой были порой столь взаимоисключающе-замысловаты, что цензор, например, мог запретить к исполнению детскую песенку Юры Устинова “про кораблик”, что плывёт по ручейку к решётке водостока (за слово “решётка”, как конечную цель маршрута) — и *дозволить* “Песенку о трёх дураках”: подлинный антисоветский гимн того времени, где к тому же про “траву” в своём глючном значении слов было на порядок больше, чем про прочее. Но что совсем непонятно — после смерти В. С. Высоцкого “Голос Америки”, вещая о творческом пути «покойного российского барда, мужа знаменитой французской актрисы Марины Влади», недоумевал: чего это он в последние годы жизни обрядился некой радиомузыкальной халтурой?.. ТАК ВОТ: ЭТО НЕ ХАЛТУРА, А ВЕЛИЧАЙШЕЕ МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЕНИЕ, НЕ УСТУПАЮЩЕЕ “ПЕРЛОИСТОЧНИКУ”. Ему мы обязаны подземными часами немыслимого в вербальной передаче эстетического и нравственного кайфа и множеством цитат, сложивших наш тогдашний спелеодиссидентский язык. Начиная с хрестоматийных «Прежде чем лезть в какую-нибудь дырку, внимательно подумай: *как я оттуда вылезу?..*», «Копай, чтоб закончилась путаница!...», «Нет уж! Я из незнакомых пузырьков не пью!...» – и далее. По всему тексту.

Любимые гитарные авторы – коим, ничтоже сумняшеся, вторили со своих раздолбанных шиховских дров – были, естественно, Юрий Визбор, Александр Аркадьевич Галич, Юрий Кукин и “восходящая звезда” авторской песни Юра Лорес. Между прочим, геолог по образованию, – специализирующийся к тому же на горных выработках. То есть, в некотором роде, *профессиональный спелестолог*. В одном из разговорах об искусственных пещерах Юра с гордостью заметил: «А ведь, Командор, я наверняка бывал под землёй много глубже, чем ты.» Потом сделал паузу и добавил: «И чем твои коллеги-вертикальщики.» Я не догадался, что он имеет в виду – и попросил “уточниться”.

– Очень просто: практику я проходил в угольных шахтах! – ответил, улы-

баясь, Юра.

: Глубина которых в России достигает 2,5 км. *Недостижимая мечта вертикальной спелеологии...*

Теперь отрадно осознавать, что с Юрой и его замечательными песнями мы были дружны “с самого его творческого начала” — до того, как к нему пришла слава “гран-барда, наследника Визбора и Галича в одном стихе и гитаре”. И дружба эта продолжается до сих пор. *Спасибо Никитам.* < Как и дружба с другим замечательным бардом — Володей Бережковым, ходившим в Никитскую Систему в начале семидесятых годов. А так же с Вадимом Певзнером, начавшим своё общение с Миром Подземли в составе нашей команды. И ещё с парой десятков не менее замечательных авторов. >

Любимая наша кулинарная развлекуха того времени — приготовление спелеоблинчиков. Без которых “поход считался не вполне полноценным”, — как, впрочем, и без бутылочки какого-нибудь вкусного ликёра: как правило, клубничного или вишнёвого. < Портвейн, почитаемый иными спелестологами тех лет, наша команда не уважала. >

Поскольку каждые выходные встречались в Никитах, уже не назначали друг другу идиотских “стрелок” с томительно-мучительным ожиданием (как и нервной спешкой опаздывающих), — каждый приезжал под землю, когда мог.

В один из выходов мы с Ведьмой приехали первыми. Перед входом перешлись, разобрались с вещами — и выяснили, что один предмет “ни в какие руки и шмотники не влазит”: трёхсотграммовая бутылочка из-под фанты с заранее разбитыми для блинов яйцами, смешанными с толикой подсолнечного масла. Оставили её у входа на видном месте — дабы те, кто приедут следующими, захватили с собой. О чём сделали соответствующую запись в Никитском Журнале — лежащем тогда не у самого входа, а метрах в пятидесяти дальше: в Хате.

И каждый из нашей команды, кто ехал в тот день вслед за нами, первым делом дегустационно отпивал из бутылочки ‘жёлто-ФАНТОмную жидкость’, затем плевался и доползая до Хаты, оставлял соответствующую запись в Журнале. После чего рассказывал нам в Русской Америке, что “какая-то сволочь оставила у входа, понимаете — на самом видном месте! — бутылку с ТАКОЙ ГАДОСТЬЮ...”

: Естественно, никому из них не пришло в голову не только забрать бутылочку, но и прочитать толком нашу запись об оной.

— Новый год встречали в городе у Завхоза. И тогда впервые — ибо тошнило от кремлёвского ‘обскурантного воя’ — догадались поставить вместо совкового официоза мелодию “шарманщика” из “Эквинокса” Ж-М-Ж.

: С тех пор каждый Новый год встречаем только под неё.

Утром первого января вместо “спокойного сна” поехали с Виталиком Марченко в Никиты. Вдвоём. Новый год нужно было начать как-то очень особенно — *и мы начали копать штрек, что вёл от «Четвёртого Подъезда» в сторону поверхности.*

Потому что ‘ВХОД НА СТАНЦИЮ ПОДОЛЬСК’ начал сыпаться — и не моё расширение его для выемки тела Шкварина было тому виной, а те самые сместившиеся под действием силы Кориолиса грунтовые воды: ещё в апреле 1979 года там случился первый обвал,— с последствиями которого мне и пришлось бороться; в декабре рухнуло ещё две плиты... Причём одна — тонн на 10, не меньше. Упала целиком — ни сдвинуть, ни отжать её от пола мы бы никогда не смогли.

: по чистой случайности рухнула она так, что прохода не перекрыла.

Но вторую плиту — точнее, её расколовшиеся останки и потянувшуюся следом мелочь — вынимали из заваленного прохода до трёх часов ночи.

: Изнутри Системы. В силу чего нашим родителям и друзьям пришлось изрядно поволноваться,— но обошлось. Откопались своими внутренними силами.

Последнего звонка-обвала решили не ждать — и без того штрек, не отличавшийся просторами (три лютых шкурника, пробитые когда-то Кротом в теле давних обвалов, были в нём изначально) превратился в сплошную череду шкурорёров.

В первый день прошли около одного метра. Под углом в 45° вверх. Вначале копал я, Виталик отгребал камни и землю, ссылая их дальше в грот; минут через 15 работы поменялись местами. Думали сделать разведывательный раскоп — но “ход пошёл”...

И заставить себя остановиться было довольно трудно.

Тем более, что интуиция у обоих буквально орала изнутри: «КОПАТЬ ЗДЕСЬ!!!»

Никогда в этом месте прежде не было выхода на поверхность — как виделось нам. “И коль удастся пробиться...”

– Пробиться удалось в субботу 8 марта 1980 года в 13 часов 40 минут столь ясного и солнечного дня...

Увы — уже без Виталика: через день он умер, разбившись в безымянном колодце на плато Чатыр-Даг. Но мы тогда об этом ещё не знали.

Так распределила/развела Природа наши чувства в те дни, и радость Открытия Нового Входа в Никиты не была омрачена страшнейшим известием. Что перевернуло через неделю мою жизнь — и судьбы моих друзей.

Но поскольку **тот день** был наполнен только нашей радостью — расскажу о ней так, как это было тогда для нас. Без запоздалых слёз и столь же своевременной печали.

... В феврале в Никиты пришли сразу три новых команды — “Madmen”, возглавляемые Колей Ивановым, “Дети Подземелья” и “Последний Шанс”. Приходили и иные замечательные люди — тогда мы познакомились с Юрой

Ивановым⁷⁶, Максом Силикатным и Максом Кунаком, и подружились с ними со всеми,— но трое последних в Никитах появлялись редко, предпочитая им Кисели и Силикаты — “мэдмансы”, “дети” и “шансы” с первого появления в Никитах стали *истинно никитскими группами*.

: С ними докапывали этот выход. И появившимся минут за тридцать до окончания раскопок Цыгановым.

Журнал того времени хранится у меня — первые страницы которого ещё не “журнал входа/выхода”, но Хроника Раскопок,— цитирую их, заполнявшихся теми, кто был вынужден *отдыхать* в нижнем гроте без дела — и подвывая от желания “броситься в последний и решительный спелеобой”, то досаждал нам всякими неумными советами, то вытягивал за ноги из раскопа “перекопавших по времени”, то развлекался описью происходящих событий:

«ЖУРНАЛ РАСКОПОК НОВОГО ВХОДА

/ слово “раскопок” зачёркнуто, после “входа” дописано: “МЖД8М” /

1 марта 1980 года, суббота. В час дня приехали Белкин, Ведьма, Командор и старший Мэдман. Перед входом в Систему обнаружили кучу свежего бута, примерно один борт самосвала. Похоже, власть снова хочет закрыть Никиты. Хорошо, что к самому входу самосвал подъехать не смог. Пока переодевались и дискутировали, что делать с этой кучей и как отстоять Никиты, подъехали недостающие мэдманы и ДП. Встали в цепочку и перекидали бут в Рожайку. В разгар работы показался ещё один самосвал. Поскольку водиле было по барабану, куда валить камень, договорились с ним, что продадим его местным — в Никитском один мужик как раз начал строить дом. Сдали машину бута за 4 бутылки водки: две водиле, две нашей компании.

Очевидная мысль: нужен запасной вход, до которого точно не сможет добраться ни машина с камнями, ни бетоновоз. И который будет надёжней начавшего падать Подольского. А потому в воскресенье пришли сюда. Попробовали копать. Общий вердикт: РЫТЬ, НЕ ВЗИРАЯ НИ НА ЧТО! Рыть вверх под 45°, чтобы вход вышел как можно выше по склону. Но сегодня копать сил уже нет, продолжим на следующей неделе.

7 марта 1980 года, пятница. Вечер. В Системе “ДП”, “ПШ”, “Madmen” и “UM” полными своими составами. Завтра с утра придут на помощь “Wanderers” и SCO — “Чук и Гек”. Раскопки начинают “UM” и “Madmen”. Пока Белкин и Командор ковыряют породу, мэдмены с остальными расфигачивают-облагораживают штрек, ведущий к раскопу от ЧП.

“ДП” обещаются подойти, сменить нас через несколько часов. “ПШ” подойдут им на смену утром.

⁷⁶ Называвшемся в силу некой “подземной всесильности” Господь Бог. С этим его ником связана забавная история: готовя один из слётов, на котором Юра был главой группы охраны порядка, он заказал знакомому для всей своей группы нарукавные эмблемы-нашивки с надписью «Канцелярия Господа Бога». Знакомый “творчески въехал” в Идею — и изготовил аббревиатурную символику. Которую нашивать на рукава штормовок никто не захотел.

8 марта, полночь. Пишет каждый свободный желающий.

В раскопе пройдено два метра – рост Белкина без вытянутых [“вытянутых” зачёркнуто, дописано “оторванных”] рук.

По дороге к раскопу расфигачено два шкуродёра, из них первый полностью, а второй превращён во вполне проходимое состояние. Илюша Базенков называет его “МИФИ” в честь родного института. “ТАМ НА ТАНКЕ ТЕПЕРЬ МОЖНО ПРОЕХАТЬ!!!”

02.00 – приблизительно. В раскопе пройдено ещё половина Командора. Он орёт, чтобы мы описали ход раскопок. Поскольку делать всё равно нечего, описываем:

Один долбит-копает впереди над и перед собой землю и камушки и сыпает их вниз. Следующий пересыпает их ещё ниже. К нам в грот. Руками и ногами. А мы растихиваем всё это по щелям и маемся перекуром. Смена через каждые пять минут. Чтоб никто не устал и не замёрз. Первый выгребной занимает место забойного, забойного за ноги вытягивают обратно в грот, потому что сам он вылезать не хочет. И принудительно отдыхают.

Всё. Чем бы ещё заняться?..

Пришли ДП. Орут, чтоб мы наполовину уходили. То есть чтоб половина из нас ушла баиньки.

Мэдманы уходят на ужин, ДП идут в забой.

3.00 Ведьма и Крыса (УМ) приносят своим ужин в котелке и остаются.

ДП роют, УМ жрёт. Камни летят, глина сыпется.

Из раскопа никто не уходит.

Ссоры по поводу очередности копания. Каждый хочет покопать дольше и дальше и кричит, что его очередь. Хотя не его. Ведьма отгребает землю котелком, из которого только что съели макароны с тушёнкой.

Около 4.00. В раскопе здоровый булыган. По размерам бороться с ним помещается только Командор, он и борется, злобно начхав на установленное время работы и очередность. Затем камень рушится к нам, раскалывается на две части и обе они застревают в проходе перед нашими грязными мордами. Много мата с двух сторон камня. Разбиваем. Выковыриваем, вытягиваем.

Потом боремся с Комом – камень вытянуть было проще.

Приходят-возвращаются мэдманы. И чего им не спится?

Принесли портвейна. Внезапный антракт.

Половину присутствующих насильно отправляют на отдых.

5.30. Копаем без просвета. Ссоры по очередности копания достали всех, но настроение весёлое. Куча приколов – умирают незаписанными. Все ржут до потери пульса. Ком злится, что приколы не записываем в Журнале.

6.00. Насильно перекуривающий Ком рождает стих:

Удар, удар – крошится камень,

Как брызги звёзд,

осколки кремня

Скребут по каске – а в завале

Часы отсчитывают нервы.

Удар, удар – во тьме прохода
 Мы будем квиты с этой сыпью,
 Когда из новой пасти входа
 Глоток
 живого света выпьем.
 Ещё удар – и боги сами
 Для пересиливших Природу
 Оскал коричневого свода
 Закрасят
 Синими
 тонами!..

– Народу нравится.

8.00 Все какие-то очумелые. Но сна ни в одном глазу. Ещё одна большая плита – похоже, последняя. Сношалась с нами полчаса, не хотела вылезать из узкого прохода. Проходку вперёд временно остановили, расширяем узкие места и крепим их. Впереди только глина с отдельными камнями. Глину копать неожиданно тяжело, кайло при ударе отхватывает малюсенький кусочек и вязнет. Глина серая, не чёрная, с разноцветными лентами-полосами, тёмными и жёлтыми.

В раскопе уже три человека заняты отгребанием земли, его длина больше четырёх метров.

9.15 – приходит отдохнувшая смена и вволю выпавшиеся "шансы". Приносят завтрак, картошка с килькой в томате и термос горячего чая. И полбутылки любимой Командором "зубровки". Ведьма предлагает перенести кухни всех наших гротов в ЧП, потому что «копать нам ещё и копать, а бегать до гротов по шкурникам не комильфо, тем более с полными еды каннами».

9.30 утра. В раскопе ещё темно. Ночные сволочи не уходят спать, орут, что видны корни. ГАДЫ!!! НУ ДАЙТЕ ЖЕ ПОКОПАТЬ ВЫСПАВШИМСЯ!!!

10.00 – из раскопа удалось вытащить Comandor'a. Дерётся и матерится, но не уходит.

10.15 – гавкнулся таз для выноса породы. Землю просто ссыпают на нас. Ногами. Отгребаем, чтоб не быть погребёнными.

10.30 – девочки принесли ещё два завтрака. С интервалом в пять минут от "маразматиков" и "безумцев". Котелки по вылизывании пошли в дело – на отгрёб породы. Сверху сыплют столько, что руками не справиться.

11.05 – Comandor разрубил лопатой земляного червяка. Значит, осталось не больше метра. «Ну, два», – в очередной раз за последние сутки сообщает этот провокатор. Вчера в 22.00 в пятый раз было сказано тоже самое.

11.40 – работающие в раскопе орут, что слышат самолёт. Нам за их воплями ничего не слышно.

12.00. Появился Цыганов. Даёт хорошие советы, как надо было копать и как копать тем, кого он не видит. Предложили на выбор несколько фронтов работы как можно дальше от раскопа.

12.15 – Белкин говорит, что земля пошла холодная и прочная, как лёд. Кто знает: не залегает ли здесь реликт со времён Великого Обледенения?.. А над ним, как и положено для Подмосковья – сто метров породы.

12.45 – выяснилось, что не залегает. Comandor выпихнул Белкина вниз и дорвался до лома. Засадил его в стену перед собой – и лом ушёл дальше. Весь. А в дыру хлынуло нечто ослепительно-голубое... РАССВЕТ, ЁБ ТВОЮ МАТЬ!!! Все лезут наверх смотреть на Чудо Дневного Света. Скидываемся и посылаем Колю Мэдмэнса с Цыгановым в Никитский Магазин. НЕТ СИЛ ЖДАТЬ, КОГДА МОЖНО БУДЕТ ВЫЛЕЗТИ ИЗ ЭТОЙ ДЫРКИ.

13.00 – уходим через Подольск (его уже все называют “старый вход”). Смотреть, как ЭТО выглядит снаружи. И где именно. А Comandor с Белкиным пусть докапывают.

“ТЕМНИЦЫ РУХНУТ – И СВОБОДА НАС ПРИМЕТ РАДОСТНО У ВХОДА!!!”

– И братья крепью воздадут!..»

: В час сорок дня я первым вылезаю на поверхность. Белкин – вторым. С той стороны все наши. Цыганов с прекрасно отзвывающей сумкой, Коля Мэдман с каской воды из Родника. Вода выливается во вход для его “окропления”. Подмигиваю Коле и честно глядя Цыганову в глаза заявляю, что мы с Колей вдвоём сможем донести ведро воды, не расплескав ни капли, от одного входа в Систему до другого. Цыганов поднимает нас на смех — спорим на две бутылки водки: по одной с каждого, коль проиграем. Или две с Цыганова, коль выиграем. Контракт тут же записываем в Журнале. Скрепляем подписями. Затем я лезу во вход, Коля подаёт мне ведро родниковой воды.

– Все видят, что ведро во входе?

: вопрошаю я, и народ начинает покатываться с хохоту. Но подтверждают, что оно-таки там.

: Отдаю ведро обратно Коле и мы с ним начинаем аккуратно спускаться вниз по склону. Народ удерживает Цыганова от физической расправы с нами – и чтоб не подставил подножки. Спустившись, направляемся к Подольскому –

– Ладно, проиграл... – смиряется с потерей двух пузырей Вовка.

— Ослепительное мартовское солнце на ярко-синем небе. Белый сверкающий снег. Уходим через новорожденный вход от их слепящего света: вниз, в Русскую Америку. Праздновать – и, наконец, СПАТЬ.

Вход получает естественное наименование “МЖД8М”.

Выходит он через 50 метров идеально прямого штрека в “Четвёртый Подъезд”. То есть – к месту гибели Виктора Шагала.

: Мы всё-таки **сделали это**. И одним долгом у меня меньше.

Даже от Русской Америки на поверхность ближе идти через него, чем через старый. Которому стоять недолго осталось в любом случае.

: Что ещё радует в Содеянном – безусловно, весьма значительная его топологическая символика. Он не просто завершает то, что не удалось в 1976 году группе “РИФы”, – выходя в просторно-развилочный Четвёртый, сразу предоставляет Вошедшему право выбора: влево – шкурники Сейсмозоны и Дальняя (с перспективным тогда ещё ЖБК, до вскрытия которого “осталось совсем немного”); вправо – остальная Система. Рядом место гибели Вити: значит, легко-естественно каждый Входящий оставляет на месте его гибели Свечу. И тут же в Четвёртом — уютный Кошкин Дом. “Грот-на-Двоих”, – который, теперь это ясно, нужно ‘довести до ума’ до полного стояночного комфорта. В общем, идеально-правильное место для входа в Систему.

* * *

Отпуск у лаборанта учебного института – хочешь ты того или нет – летний. И двухмесячный: месяц официальный, месяц за свой счёт. Всё равно в лаборатории делать нечего. Даже если это Институт Нормальной физиологии.

А потому лето 1980 года проходит в поездках по стране (основной вид транспорта: бесплатный товарняк), фестивалях самодеятельной песни. Самые замечательные из которых – “анти-грушинский”, организованный нашими самарскими друзьями взамен разогнанного дурой-властью “Фестиваля памяти Валерия Грушина”, и “Чимган” – что привораживает сразу и на всю жизнь и меня, и моих никитских друзей. Причём не только удивительной красотой горного урочища – уровнем своим в не меньшей степени.

: Ни на одном фестивале иль слёте, ни до, ни после, я не слышал такого количества истинно Авторов, владеющих Гитарой и Словом на столь высочайшем уровне. Можно сказать: это уже был не фестиваль “самодеятельной песни” — это был фестиваль Авторов, что не ведают жанровых границ меж бардовской песней, роком и джазом.

После Прекрасного Чимгана (созданного Владимиром Ланцбергом, Юрой Устиновым и ташкентским клубом “Апрель”) следует не менее прекрасная экспедиция по пещерам Средней Азии; после “фестиваля памяти фестиваля памяти В. Грушина” — “истинно агорафобический отрыв” в *фантастически огромных* каменоломнях Жигулёвских гор. По дороге в Карелию “заворачиваем на неделю” в Питер и знакомимся с Саблинскими песчаниковыми клепсидами одноразового пользования (поскольку рычага Архимеду так и не дали), которые Белкин в безбашенности своей инерционно именует *каменоломнями*. В Саблино выясняются две замечательно-парадоксальных вещи. То есть – замечательная: *спелеум “саблистов” почти тоже самое, что и наши, никитский*, – и парадоксальная: как нас кидает в холодный пот от созерцания песчаных, ни на чём не держащихся над головой, обвалогрозящих масс — так саблинских спелестологов *просто трясёт от ужаса* при виде обнажившегося за песчаным пластом надёжного известнякового свода.

: “Клепсидрами” мы именуем саблинские пещеры за то, что они постоянно поднимаются вверх — песок, слагающий их, неизбежно осыпается со свода и стен, наращивая пол и поднимая, соответственно, высоту свода, — так как, в отличие от обломочных результатов известняковых обвалов, уменьшения объёма полости при этом не происходит — вся выработка с полным сохранением своего внутреннего ландшафта плавно-медленно поднимается к поверхности. К перекрывающим песчаные пласты известнякам. < Подробнее о Саблинских Системах и истории тамошнего спелеума читайте в замечательной книге Паши Пилигрима «Легенда о ЛСП» [Гатчина, 1993 г.] Кстати, упоминающийся Архимед — не греческого происхождения, а саблинского. “Более, чем примечательная во всех отношениях спелеоличность” — о которой сполна поведал Паша Пилигрим, а потому, несмотря на личное знакомство, мне добавить нечего. Разве, что Сашу традиционно любят и в Москве, и в Питере. И гораздо больше людей, чем ему порой кажется. >

Поездка в Приэльбрусье для свершения “эльбрусского креста” из ущелья Ирек (твёрдая альпинистская “троечка”, причём “Б”) и изучения ледниковых пещер оборачивается на обратном пути открытием нового спелеорайона, названного по начальным буквам ближайших селений “LG” — самое забавное, на официальных картах там даже была обозначена некая пещера, известная археологам по раскопкам стоянки неандертальцев. Заинтересовались, сделали остановку, посетили пещеру, — явное бывшее устье, нижний выход ‘вертикалки’, развившейся по трещинам массива, но в данное время тупиковавшейся непроходимым завалом — из врождённого любопытства “пошарили” выше по склону, куда хором манили трещиноватость массива, наклон пластов — но, главное: Госпожа СпелеоИнтуиция, —

— И НАШЛИ.

: нечто, аналогичное виденному на Бзыби и Алеке. То есть симметрично по другую сторону Кавказского хребта. Поскольку в геологическом плане симметрия районов также “имела место быть” — вздрогнули от нехорошей истомы. И предчувствия: что будет, когда воюющие меж собой московские “вертикальщики” узнают...

Единственный, с кем поделился Открытием по возвращении в Москву — Саша Морозов. Поскольку “своими силами” потянуть исследование целого района не могли — да и не очень хотелось “размениваться на вертикалки”. Морозов сказал: «держи на будущее». ‘И я держал и держался’.

— Осенью возвращаемся в родные Никиты. Первого сентября, на открытие сезона. С нами замечательная команда “Кенгуру”, возглавляемая и созданная Толиком Руматой. И его друзья — Вадим Певзнер, Серёжа Молчанов и Максим Кривошеев. Такие замечательные гитаристы — невиданная в “каэспэшном формате” [как можно сказать теперь] сверхплотная спектральная и темпоральная заполненность звука с активно ритмичным акцентированием пятой и шестой струн, сопровождаемая скользящим полутоновым сдвигом с сильнейшей темпоральной девиацией

не только на первой-третьей, но и на четвёртой, пятой и шестой струнах, – и рассыпаемых искрами глissандо и флажолетах, –

– но ведь ещё и Авторство... По сути, именно с них начинается настоящее спелеотворчество Никитского Круга, именно они задают его высокую планку.

: к своей гитаре не притрагиваюсь, дабы не выглядеть хуже, чем есть. Каждый поход в Никиты – Праздник Песни. Этакий перманентно продолжающийся “спелеопесенный слёт”, – первые подземные концерты Вадима, Серёжи и Макса...

Но не только походы и песенки объединяют “УМ” и “Кенгуру”. По мировоззрению своему “сам-союз Кенгуру” (как полно называются они, декларируя принцип абсолютного равноправия всех входящих в него, – к этому типу внутренней самоорганизации приходим и мы) *объединение не менее антисоветское, чем “спелеоблок Уэм/Вандерерс”*.

Как и мы, Кенгуры выпускают подпольно-прикольную газету – то есть журнал. Под названием «Джеб». Литературно, конечно, стоящий выше наших изначально даблоидных “маразматок” –

“Но мы стараемся не отставать”.

Как и мы, Кенгуры понимают: наши приколы, песенки, походы – на слёты, “в леса” и под землю — лишь антуражная тень этого Мира. Главное остаётся на поверхности: в “трижды проклятом совковом мире” – и внутри: в наших душах. Дряни этой не приемлющих.

– Мы сходимся с группой “Левый Поворот”. Это уже настоящее диссидентское объединение, выпускающее подпольный журнал.

По мировоззрениям своим мы тогда – левацки настроенные коммунисты. Какое-то время. Но в городских беседах и встречах, споря и обсуждая пути развития мира, неизбежно “сдвигаемся вправо”. Плавное-медленно, сами того не замечая.

Я вхожу в состав редакции “Левого Поворота”. Привожу на одно из заседаний редколлегии Ведьму. Общаемся с ультралевой педагогической организацией “Дозор”⁷⁷ – в результате близкого знакомства с которыми от коммунистических идей и воспитательных принципов начинает “немного подташнивать”.

Узнаём, что именно “дозорные” организаторы Лишины *сдали* замечательного педагога и Автора Песен Юру Устинова. Как “педагогического конкурента”, с принципами работы которого с детьми были не согласны.

: Такая, оказывается, бывает мотивация у подлости. Такая защитная маска. И такие способы защиты своих социальных теорий.

По доносу Лишиных Юра мог получить вполне приличный срок – “отделался” полутора годами психушки. После выхода из которой смотреть на него

⁷⁷ Познакомил Белкин – как один из “дозоровских” воспитанников. Наверно, следует также сказать, что ещё одна из дозоровских воспитанниц – Таня Фунтик, приведённая в Никиты Андреем – вскоре стала женой Саши Мишина, Гнома. Так переплелись наши судьбы.

было *просто больно*.

С Юрой, как и с Володией Ланцбергом, встречаемся на подлинном Чудо-Фестивале Чимган.

: С людьми типа Лишиных не хочется иметь ничего общего.

Как и с ‘Дим-Димычем’ Васильевым — с прообразом его будущей “Памяти” знакомимся на одной из подпольных “межгрупповых” встреч. Организованной, как совместная конференция различных московских диссидентских объединений.

: “Хельсинская группа” много ближе. А потому, отвергнув национальный и классовый психоз, естественно приходим к демократическим убеждениям. Поначалу лишь от того, что на этих “межгрупповых встречах” ясно увидели умственную ограниченность как “правильных коммуняг”, так и “национал-патриотов”. За которой стеной стояло *полное неприятие* мира (и миров), не вмещающихся в идеологические шоры. И довольно странные в нашем понимании *как бы дружеские* отношения с госбезопасностью,— казалось, всех этих патриотов и “подпольных коммуняг” КГБ специально прикармливает: официально “не разрешая”, и в тоже время “не гоняя”. Будто придерживая “на всякий случай за пазухой”...

< Позже пришло понимание: что фашизм, что нацизм, что мусульманский фундаментализм, что коммунизм — явления одного тоталитарного рода-племени. А потому не сильно антагонистические. >

Поскольку ГБ ведёт отслеживание деятельности “Левого Поворота”, и уже начинаются аресты и обыски — предлагаю идеальное место для сохранения архива: НИКИТЫ.

Ибо “просто так” уходит каждые выходные под землю — фактически убегая от городской совковой чумы и делая вид, что её нет — НЕ ПО МНЕ.

Как и солженицинская “фига в кармане”.

С огромными предосторожностями перевозим архив под землю. И только потому он остаётся цел — буквально на следующей неделе многих из “Левого Поворота” сажают. Надо отдать ребятам должное: даже те из них, кто знал, куда делись архивы группы, не раскололись. А потому следствие захлебнулось бездоказательностью,— что ещё раз подтвердило старое правило: не хочешь, чтоб тебе впаили срок — не поддавайся на гэбэшные уловки и провокации в стиле “больше расскажешь — меньше дадут”.

: дадут по совокупности рассказанного. Потому как “не дать” не могут. А главный принцип советского правосудия ещё со времён Вышинского — “признание обвиняемого есть доказательство его вины”.

... В одном из сентябрьских выходов в Никиты, когда работаю в КД с завещанным мне для сохранения архивом, неожиданно взрывается примус. Старый “шмель” с литровым бачком. Полностью свежезаправленный —

: Гротик маленький, едва повернуться,— вокруг магнитофонные кассеты, стопки бумажных листов,— документы, письма, газетные и журнальные номера, “Хроника” Челидзе и “Технология Власти” Авторханова,— чужой кассетный

магнитофон, “эрика” (что при поставленном ударе пальца берёт много больше, чем “четыре копии” Галича – правда, первые две пробивает насквозь),– тексты Бродского и Зиновьева, “джебы” и “маразматки” —

— ГОРЕТЬ ЭТОМУ НИКАК НЕЛЬЗЯ.

А потому вышвыриваю объятый пламенем примус из грота – вниз, через ведущий в него шкурник, по наклонной глиняной горке,– следом кидаю стеклянные бутылки с бензином. Три штуки, если быть хроникально-точным. Каждая ёмкостью в один литр. Из-под ‘Веры Михалны’. То есть вермута. Ибо на полу вокруг них уже горит то, что выплеснул примус – бутылки вот-вот расколуются от жара (и давления нагревающегося внутри бензина),–

: Примус подло падает на горку “попой вниз”. И вместо того, чтоб скалиться метра на три вдаль – к её подножию – застывает. Фонтанируя огнём из развороченного “сопла” точно вверх, в ведущий в грот лифт-шкуродёр. Бутылки, пущенные следом, разбиваются о него. Разлившейся по горке бензин вспыхивает с голливудовской яркостью.

У меня остаётся несколько секунд. Не для раздумий — чтоб понадежней укутать оставляемое в гроте. Ибо “через несколько секунд” в гроте будет не просто нечем дышать — температура поднимется...

: Дай Бог, чтоб не сильно выше ста градусов.

: Укутываю всё, сгребя в кучу, в полиэтилен. Затем в свой спальник. Сверху выливаю канистру воды. И снова – полиэтиленовый слой. < Когда потом возвращаюсь в грот, вижу: этот верхний слой протёк и оплавился,– так что *все мои действия были абсолютно правильными*. Если б убоился сигать в объятый огнём шкуродёр, просто сгорел. И сгорели бы не укутанные в мокрый спальник документы. Но времени испугаться не было. И вообще: в такие секунды интуиция влечёт человека⁷⁸,– отдавайся Ей и делай, что следует. Вербалку же — дави, чтоб не пакостила медлительным и трусливым рассудком. >

— СИГАЮ В НАСТОЯЩИЙ ОГНЕННЫЙ ШТРЕК. Точнее, *в шкурник* (о, если б это был штрек!..): *навстречу фонтанирующему в лицо пламени*.

Выгляжу я после прорыва сквозь огневую завесу, конечно, не очень красиво – примерно так выглядят мумии из египетских погребений.

Зато остаюсь жив.

Интересная деталь: летел к выходу из пещеры ‘аки капитан Гастелло’ без всяких средств освещения (не считая тлеющего комбеза и довольно быстро отгоревшей шевелюры и кожи лица) – и в свете нисколечко не нуждался. Казалось, всё и так прекрасно вижу. Будто на поверхности днём —

..: дальнейшее описано в

“Человеческом Факторе”.

⁷⁸ Тем более – Интуиция Подземная. Которая много выше банально-поверхностной.

* * *

: Осень 1980 года подарила нам столько новых подземных друзей, что рассказывать об этом можно часами. Как и вспоминать прикольно-весёлые (а иногда грустные) истории, с их приходом в Систему связанные. Поскольку уже сделал это в “Человеческом Факторе Подземной Судьбы”, повторяться не буду.

: слава Никит росла – новый, удобный и безопасный вход, атмосфера постоянного творческого праздника, наполненного не алкогольным бухаловом, но интеллектуально-диссидентским трёпом в обрамлении звучащего с кассетников западного арт-рока и ‘от гитар’ истинно высокой авторской песни,– оттеняемая освоением сложнейшего и труднодоступного лабиринта –

– освоения, неотделимого от разбора завалов, расширения сковывающих движение с вещами шкурников и строительства-оборудования первых никитских водокапов и стояночных гротов (каждая приходящая в Никиты команда была вынуждена позаботиться о месте своей подземной жизни, ибо подходящих для хотя бы временного жилья гротов в Никитах, в отличие от прочих подмосковных Систем, просто-напросто не было),–

: всё это производило среди приходящих известный отсев.

Приходили многие и разные — оставались в Никитах близкие нам по духу.

Да и мы старались приводить в свой обретаемый Мир лишь тех, в ком ещё в городе чувствовали духовную близость.

Может, именно потому в “никитской генерации 1980÷1982 годов” более половины было с Юго-Запада Москвы. Из нашего с Бородой родного Тропарёво в Никиты приходят Алик Фиалков со своим приятелем Славой, Длинный Кира и его одноклассник, пожизненный друг и сосед Юра Киринов, Склизский Змей, Натка, Саша Никольский, Вася Тихонов, Иван Рыбаков, Света Которая и Просто Света; из сопредельного жилого массива Беляево, с подачи Ведьмы, в Никитах появляется будущий творец “Психоолоока” и других, не менее замечательных мелодий, песен и стихов Шурка-Асисяй; за ним Братья, МамонД, Мандрюша, Шурик-Шютник, Мамонтёнок Дима, Ваня Крэйзи, Светка-Чебурашка, Сусанин и его сестра Светка-Тараторка, Лёня-Слонёнок,–

: мы росли среди полуснесённых деревень и массовых недостроев начала семидесятых – и мышление наше было схоже. Наша детская свобода пустырей, стройплощадок, остатков деревенских садов и подмосковных лесов органично продолжалась в Никитах.

Чуть-ли ни к каждому выходу творились новые газеты-маразматки, писались стихи и песни,– затеивались игровые перформансы – и буквально “через раз”, то есть каждые вторые выходные, кто-нибудь приводил в Никиты очередного полюбившегося на слёте автора – а то и целую музыкальную команду.

Эта творческая никитская осень не могла не привести нас к очевидной мысли: Новый год встречаем только под землёй, только в Никитах.

Все вместе.

Для празднования выбрали самый просторный из никитских тогдашних гротов — открытый Вандересами Сапфир. Но и его пришлось ‘творчески дорабатывать’ “кувалдой, лопатой и ломом”, — как и ведущий к нему путь. Ибо проходил он через самую сложную никитскую систему — Сейсмозону. Три декабрьских недели (то есть три выхода, или шесть полноценных подземных дней-суток) длилось коллективно-облагораживающее Никиты *истинно каменоломенное* Действие. К моему удивлению, Вандереры (за исключением ЮДА) от участия в нём уклонились — под лозунгом “делайте, что хотите”.

: ну мы и сделали. Что позволило встретить Новый год с задуманным блеском.

Поскольку уже выполнил описание этого феерического по размаху Действия в “Свободном Поиске” — повторяться не буду.

Скажу лишь, что по такому сценарию потом вершились в Никитах встречи всех новых годов — и вершатся до сих пор.

Меняется лишь техническое оснащение. Иной раз — состав участников.

Или творческо-технический акцент: главной изюминкой встречи может стать показанный в гроте слайд-фильм, концерт приглашённой группы, подземная презентация “нового сногшибательного альбома”, спектакль или сборное выступление наших никитских авторов,—

А иногда встреча проходит в тёплом, как бы домашнем застольном кругу — с неизбежными дискотечными танцульками.

: Суть остаётся прежней.

Как и мелодия “шарманщика” Жана-Мишеля с его бессмертного альбома “Equinoxe” — звучащая в полночь.

* * *

... Подземля влечёт разных людей. Есть те, кто с первого выхода ведёт себя так, будто жизнь прожил в пещерах. Но есть люди, что чайниками остаются по жизни. Сколько бы лет ни посещали наши подземные окоёмы. Причём неудобств окружающим это их состояние приносит изрядно.

За несколько дней до Нового года в Никитах появился чайник Валера-Профессор. Кто его привёл, так и осталось невыясненным. Но какая-то тля это сделала. Встретил с нами Новый год и ушёл практически незамеченным⁷⁹, — однако через пару дней поехал с приятелем в знаменитую Полушкинскую щель.

Дальнейшее описано Мальцевым в его известной книге. И как ни странно, довольно верно. Этот урод умудрился застрять в ней вниз головой с нарушением всех спелеоправил, какие только смог при этом нарушить. В довершение всего, когда Мальцев вытащил его на свет Божий — и спросил, кто привёл его под землю, кого он знает — Валера решил, что “нужно крыть самым известным

⁷⁹ Не считая знаменитой фразы Рашпиля: — Я не чокнутый. Я с Валерой-Профессором сутки в одном гроте пробыл...

ему спелеоименем”. Ибо во взгляде Мальцева было ясно написано вполне справедливое: «УБЬЮ!!!»

– И Валера сказал:

– Командор...

: Чтоб не убили.

Комментарии излишни. Ибо никогда ещё до того в жизни мне не подсирали столь эффектным образом.

... Через какое-то время Рашпиль гостил, отмазываясь от армии, по адресу “Загородное шоссе, 2”. (Известный всей культурной Москве адрес психиатрической лечебницы тогда имени Кащенко, теперь Алексеева.)

Навещающая Юлика, идём по аллее – вдруг слышим из окна над головой:

– СВОБОДУ СОВЕТСКОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ!!!

: Удивительно знакомый фальцет... Если

б нашёл в этот момент подходящий булыжник – сидеть мне в соседней палате.

Слава Богу – больше мы о Валере не слышали.

“Что тоже неплохо”.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ: ПОЧТИ ЗЕЛЁНОЕ

“Но эта война стала нашей...”

: БГ

Первое сражение “Зелёной войны” разразилось после Нового года. И как это ни печально — среди своих:

: “Wanderers” объявили всем ходящим в Никиты “экологический ультиматум”. Раздражённый нашим отмечанием Праздника Праздников Пиф взорвал Санфир бензиновым “объёмником”, — не дожидаясь, когда мы вынесем из него аппаратуру, висящие на стенах газеты...

: Не то, что уберём и ликвидируем банальный мусор. То есть – буквально – через день после праздника.

Исписав при этом в Журнале десяток страниц гневными посланиями в адрес тех, кто “не понимает”, что в пещеры нужно ходить исключительно в одиночку, “замирая от сказочной подземной тишины и уюта”, и “касаться их своими погаными лапами, переставляя камни с места на место ради мещанского оборудования гротов = плевать в душу Природе”.

: Рецидив романтизма давал бой жизни в своей излюбленно-истеричной форме.

Как будто мы все ходили в Никиты лишь ради того, чтоб орать, собираться шумными толпами и “увечить” естественный вид прекрасных своей обвалоопасностью шкурников. И конечно, мусорить и гадить.

: Глупо было возражать на это. И бес-

смысленно: обвинения Вандерерсов не имели к нам никакого отношения. Потому что как бы мы ни радовались нашим подземным концертам и сэйшенам — персональное, *личное восприятие Подземли* у каждого в душе было главным.

И все наши “подземные праздники” естественно сочетались с более чем спокойным и камерным подземным бытиём, с одиночным неспешным гулянием по Системе.

Что же до “испохабливания естественных обвально-шкурниковых никитских красот” — через какой вход ходили бы в Никиты Вандереры, если б естественные завальные навороты не были в своё время “изувечены” прокопанными ходами вначале ГКС — пробившими в Никиты первый исторический вход в начале шестидесятых и тем открывших пещеру; затем Кротом, и совсем недавно — нашими сборными силами?

: если бы Петя-Крот в 1974 году не разобрал завал посередине Централки — половина Никит годы не была бы известна их посетителям. А быть может, и до сих пор.

Если бы ГКС не вскрыли завал в “Козлах” — не была бы известна сама Централка, а длина Никит исчислялась десятком метров.

: Шкурники и обвалоопасные места разбирались лишь на транспортных магистралях. Не разбирать их было невозможно — ибо до грота, выбранного для стоянки, хочется дойти не по маршруту высшей спелеологической сложности, и в случае ЧП иметь возможность вынести пострадавшего с минимальным для него уроном. Да и в гроте хочется пребывать не в борьбе с природными трудностями, а со всем возможным комфортом. За которым как раз и стоит *настоящее восприятие Пещеры* — но не одоление её, аки спортивного снаряда. Или врага-препятствия.

За оборудованным для сбора капающей с потолка воды местом — свобода неразрывно-подземного пребывания: нет нужды “по водяной надобности” переться ко входу и разрывать общение с Подземлёй визитом к роднику, на поверхность. За расчищенным обвальным хаосом — безопасность движения.

Даже после расчистки Централки от сгнившего крепяного бурелома и пробития нами через завалы вначале Правой (при эвакуации тела Шкварина), а затемлевой (при подготовке к встрече Нового года) транспортных магистралей, шкурорёров, лифтов и прочих прелестей природы в Никитах оставалось столько, что хватило бы на сотню иных пещер. Если не на тысячу. Причём в половину из них, не перекрестившись, не сунулся бы и самый отмороженный спелеозкстермал. Так о чём плакали Пиф с Завхозом?..

: Понимаю, что лозунги — дело красивое. Да только связь их с реальностью виртуальна.

— *Вообще каково это: “из экологически-охранных соображений” взорвать бензиновым ‘объёмником’ лучший из никитских гротов (с сопутствующим дымом волока и копотью)?.. Даже если б мы “засрали его” — чего просто не было, но допустим — он бы остался. Целым и приводимым в порядок за один выход любым ревнителем “подземной*

чистоты”. Но убрать за кем-то мусор – тихо, без скандала и саморекламы – просто в падлу иным защитникам Природы,– таковы, кстати, все современные “гринписы”. Как и “примыкающие к ним” любители потрендить о тупиках развития технической цивилизации в уюте оснащенных компьютерной связью, каминами, библиотеками и прочими “грехами цивилизации” кабинетов — а не в продуваемом всеми ветрами и дождями “экологически чистом” лесном шалашике.

Или в сыром ноголомном гроте, бесформенного плитняка коего не касались “экологически кощунственные” кайло и лопата с ломом.

: Смертельно жалко было не только пропавших под обвалом вещей и ценной аппаратуры,– как и наших газет,– остро жалко было столь прекрасного грота. В оборудование которого мы с Мамонтом вложили три своих выхода,– кубометры известнякового бута, щебёнки, глины и плитняка были перемещены нами, чтоб придать полу грота (до того боле напоминавшему фрагмент картины Айвазовского ‘девятый кал’) *действительную плоскость*,– вдоль стен сделать удобные крепяные сиденья, на некотором расстоянии от грота оборудовать специальные отхожие места и место сбора мусора – с тем, чтобы потом все эти отходы было удобно утилизировать,–

Этого затраченного труда тоже было смертельно жалко. Не меньше, чем того (поверьте: по-настоящему красивого) вида грота, что мы ему придали своей работой.

И ведь не все Вандерерсы кинулись в экологические партизанские действия против ходящих в Никиты,– только Пиф и Завхоз.

Мне было обидно, что они в силу какого-то странного вывиха пошли на это. Ведь можно было сказать: ребята, грот впервые открыли мы, и пусть уж редко ходим под землю — пожалуйста, не трогайте его. Выберите иное место для праздника –

: Права первооткрывателей в Никитах строго уважались. Всегда и во все годы.

: Можно было без разрушения грота и наших вещей прийти, поговорить – и объяснить, в чём мы были не правы. Возможно – понять свою неправоту.

– Они пришли на следующей неделе. Слава Богу, мы тогда ещё не знали, что Сапфир пал от рук Пифа. Ему крупно повезло. Думали – рухнул сам, и в оторопи представляли: ***что было бы, упавши свод во время праздника...*** Сознаться, что именно он взорвал Сапфир со всей нашей не убранной аппаратурой и газетами (при том, что собственно мусор мы вынесли из грота уже первого января, перед тем проведя в гроте забавную фотосессию), смелости у Пифка не достало. Зато в Журнале были оставлены полные укоризны строки, что именно из-за нашего “бездумного шабаша” грот изволил рухнуть.

— Удав взял исписанный экологическими проклятиями Журнал, свернул его в трубочку и отхлестал Пифа по морде. Я сказал Завхозу, что думаю о нём и его человеческих качествах.

: На том и разошлись. На какое-то время.

* * *

Весной 1981 года в Левой системе Никит (со столицей в ЧП) появилась масса нового народу. Незнакомого нам и не вполне, в общем, понятного. Ходили с бесформенными кусками плекса — коптящими своды и стены, — оставляли после себя кучи мусора...

Пару раз приходили визитёры из Силикат со своими “химическими приветами”. Мамонт ответил им тем же. “В полном и удушающем объёме”. Ибо дурацкое дело — не хитрое.

: Что волокни под землёй — мерзость, знают все. Что в Никитах, которые наполовину состоят из шкурников, волок может быть *смертельно опасен* — очевидно.

И всё же...

До любого грота Левой системы от широкого и удобного входа было рукой подать.

В иные выходные от броуновски шатающихся “меж трёх крепей” чайников в Левой было некуда деться. Из гротов стало невозможным уходить всем — потому что в отсутствии хозяев могли пропасть вещи.

А мы не то, что вещи на время проходов-гулянок не привыкли заначивать — уходя из Системы домой, оставляли в гроте специально принесённые для уютного и красивого спелеобыта наборы тарелок, ложек, вилок, — посуду для готовки, примуса и запасы бензина, канистры для воды... Как и запас продуктов.

И спальники.

Зимой мы стояли в средней системе Никит — Сетке, оборудовав себе три новых грота: Подарок, Сосед и Гостинец. К этому времени Подольский вход пал естественной окончательной смертью, и при посещении Сетки перенаселённой Левой с кучковавшимся там народом было не миновать. Что иной раз “настроения не добавляло” —

— А ещё в то время в Никитах стало модно не ходить, но “бегать”. Пробежать от места гибели Виктора Шагала до, скажем, места смерти Ивана Шкварина *на время* — и *поставить при этом “новый рекорд Системы”* стало своего рода подвигом.

Или задвигом — как считали мы. Они ведь так и говорили: «сбегать к Шагалу», «сбегать к Шкварину»... Как за водой. Или в магазин за водкой. За пять минут до закрытия. Знаменитая карикатура Хмыря, сменившего Ведьму⁸⁰ на посту “главного художника-оформителя” наших маразматок, так и называлась: *«НИ ФИГА СЕБЕ — СБЕГАЛ К ШКВАРИНУ...»*

* * *

⁸⁰ Ведьма, выйдя замуж, временно “завязала” с хождением под землю.

Зелёная война – как и её начало со всеми причинами – подробно описаны мной в “Последней Капле Сталактита”. Единственное расхождение эпизодов, поведанных в повести, с реальными — в именах. Но Мамонт там назван Мамонтом, как и Хмырь – Хмырём. Себя подарил Егорову и Пищеру, – приписав при этом персонажу Егорову подвиги реального Динамитрия. И отчасти свои.

: не хочется, возвращаясь в то время, изобретать новые слова для описания того, о чём уже сказано.

Надеюсь – не слишком предвзято. Ибо всё-таки “Вандерерсы” были по-своему правы, – другое дело, что удар их был бессмысленным и злобным — и как все подобные выходы, “мимо цели”.

... Рашпиль тогда спросил: – *А какого мы хотим прочих?.. Правая система Никит – пустая.*

И мы ушли от бардака и шума, царящего в полонённой чайникамилевой. Потому что начинать воспитательно-карательные действия никому из нас не хотелось. Полагали, что Мамонт, Хенк и Удав с Золушкой справятся с растущим бардаком своими силами; позовут на помощь – тогда и поможем.

Ушли новым составом “Уэма” –

: Я, Рашпиль, Зелёный Змей, Хмырь, Светик, ЮДА, Динамитрий, вернувшийся из “сапогов” Борода, Оля Шашкина и Бес(Т). Никакого грота первоначально оборудовать не стали – наступило лето и стоять можно было наверху. На поверхности.

Мы выбрали уютную полянку на краю обрыва в правой части леса. Над Правой системой Никит. К тому времени мы сделали часть топосъёмки Системы – отсняв за зимний сезон Централку, Ближнюю, Сетку и Левую Магистраль, –

: Съёмку свою не афишировали. Внимательно изучив то, что получилось – и сопоставив с топосъёмкой склона холма, что выполнили в апреле, пока не поднялась в полный рост мешающая таким работам крапивная “зелёнка” – увидели: *крайний правый штрёк Ближней системы вплотную подходит к поверхности.*

Проход в этот штрёк мы вскрыли с Танком, Первым Никитским Мамонтом и Дизелем 8 марта 1976 года, – потянуло в разрывавшую свод щель в тупиковом конце Централки – за забившими щель камнями ясно *темнела Тьма*, – из всей нашей группы, благодаря своей миниатюрности, просочиться удалось лишь мне. И то: вывернув пару булыганов. Остальные камни изъёли рвущиеся за мной друзья – ибо за завалом открылось изрядное пространство. Но даже после их доработки проход оставался столь узким, что протиснуться сквозь него можно было, лишь вытянув вверх руки. Шкуродёр так и называли: Руки Вверх!

Открылось за ним два расходящихся штрёка, и в одном – удивительной красоты Колокольня: вертикальный, вытянутый вверх грот с глиняным венчающим куполом – след давнего обвала. Тогда же на спор с Танком и Дизелем я добрался “свободным лазаньем” по стене Колокольни до этого купола – и

коснулся его самой высшей точки жопой. [Постановили: этот подвиг следует повторить каждому, кто мечтает достичь “полного никитского щастя”...

: Традиция прижилась.]

Камни в завале, в который упирался Колокольный штрек, зимой казались холоднее, чем в других частях Системы. Что, вроде бы, подтверждало топосъёмочный результат. Но зимний холодный воздух по межзавальным щелям может втягиваться в Систему на десятки метров — и эти метры могут оказаться неразбираемыми и непроходимыми для человека “по определению”. Даже по прямой на поверхности это место отделяло от входа МЖД8М 300 метров,— подземная часть съёмки была раза в три больше и расхождение, как разумно оценили мы свою топосъёмочную работу, могло достигать той же непрокапываемой величины.⁸¹

Тем не менее, я предложил втайне от остальных обитателей Никит пробить там выход. Чтоб при своих посещениях Системы не сталкиваться с “левыми”.

Потому что интуиция уверенно призывала меня: *КОПАТЬ!!!*

: ЗДЕСЬ — И ТОЧКА.

Так что топосъёмка и кажущийся холод камня были вовсе ни при чём.

Перед тем мы с Хмырём сделали в Правой системе ряд замечательных открытий: во-первых, присоединили к Системе несколько найденных нами за очередным разобранным завалом гротов и штрёков, названных Командорские Острова (гроты были названы в честь Любимого Никитского Автора Доусон, Клондайк, Юкон и Чилкут),— во-вторых — обнаружили, тщательно изучив Ближнюю систему и открыв “парное расположение” тамошних штрёков, недостающие в парах ходы. Один из них был назван Первомайским в честь Чимганского фестиваля (его открыли первым, ещё в мае 1980 года, то есть за год до описываемых событий) — и в этом штрёке нас ждало такое... Что по возвращении из него мы тут же завалили раскопанный нами проход: примерно, как в то же время Барсик поступил с ЖБК. По “почти аналогичным” соображениям. Ибо сталактитовые драпировки и натёки этого штрёка были такие, что могли бы украсить не только любую из каменоломен — даже естественная пещера выиграла бы от столь дивного оформления.

И это было *Начало*: стоило нам обратить свои никитские взгляды “вправо” — в ту часть Системы, что практически не посещалась народом (и нами до того: потому что Преисподняя, называемая теперь системой Шкварина, подсознательно внушала странную оторопь, и в силу традиционной первоначальной “привязанности” Уэма клевой) — Система резко “пошла”. Каждый рабочий выход прибавлял метры вскрытых ходов и десятки метров открывающихся за завалами штрёков —

— добираться до которых из ведущего в Левую входа МЖД8М было мучительно-тяжко. И долго. Так что нужда в новом входе в Систему, по крайней мере для нашей команды, созрела. Да и элементарные

⁸¹ На самом деле — как выяснилось потом — “промахнулись” всего на полтора метра. Много это или мало для километрового кольца, замкнутого через самый сложный топологический лабиринт, судить не мне.

соображения подземной безопасности (вкупе с носящимися в воздухе слухами о возможном “закрытии Никит властями”) требовали оснаститься своим входом.

Неизвестным “широким народным массам”.

: Скрытно от “левых демократов” (как называло себя “левое общество”) пронесли в дальний конец штрека за Колокольней инструмент и начали копать.

* * *

В это время “левые” тоже перебрались на поверхность,— устроив свой лагерь на полянке над левой частью Никит.

: Как под землёй. Приходящие гости и “неопределившиеся” ставились, как правило, на центральной поляне за памятником Виктору Шагалу — что мы воздвигли совместными усилиями с группой “РИФы” летом в годовщину смерти Виктора. Конечно, никаких зримых конфликтов меж нами не было — разделение воспринималось многими как своего рода прикол, и как элементарное бытовое удобство: лагерь, в котором более шести человек — как и команда под землёй, случившаяся в одном гроте — неуправляем. Неизбежно превращается в бардак и хаос.

Возвращались в город воскресными вечерами вместе, на одном автобусе и в одном вагоне электрички; пели одни и те же песни — Юлика с его великолепным владением гитарой и весёлыми подземными стихами равно приветствовали у любого никитского костра — мало того: так как все переместились из-под земли на поверхность, уходя вниз ныне лишь для гуляния по Системе — отпали бытовые и экологические проблемы “полураскола”.

На время. Ибо, конечно, “лучше демократии человечество ещё ничего не изобрело” — но это изобретение чревато стольким количеством весьма морочных следствий... Одно из которых — «а по какому праву МЫ РЕШАЕМ, как и кому ходить под землю?..»

В тон ему: «а кто нам дал право закрывать полюбившиеся или открытые части Системы непроходимыми для прочих завалами?..»

Остальные — не лучше. Типа “не лезь со своим уставом в чужой монастырь”,—

: мы решили не лезть. Хотя сдерживаться иной раз было трудно. Ибо как бы ни любил Мир Подземли каждый из нас — все мы люди. Со своими амбициями. Игрой половых гормонов. Некой недообразованностью, характерной для совка. Высокомерием “от него же, проклятого” — на уровне: *что ему Галич?.. (варианты: Бродский, Авторханов, секреты минералогии, происхождения человека и мира, тонкости музыки Джетро Талл и Кинг Кримсона — “нужное добавлять по вкусу”)* *Петь ему такое (трепаться у костра о перечисленном в скобках иль “коллективно заслушивать с магнитофона”) — что метать бисер перед свиньями.*

А уж как может аукнуться неверно понятое/услышанное/переданное Слово... Без всякого злого умысла. Но хуже, когда изначальная предвзятость не позволяет услышать или понять иное мнение. Иную правоту. Или, как минимум — что человек, совершивший некий поступок, весьма не имел при этом в виду “обидеть тебя, хорошего”.

: Хождение под землю “с необёрнутым плеском” вместо “экологически чистого фонаря” может быть объяснимо как отсутствием в продаже достойных фонарей/батареек, так и эстетической брезгливостью мёртво-холодного, контрастного “электросвета”. А не одним лишь “экологическим раздолбайством”.

Молчание во время разговора, конечно, можно списать на “стукачество”. За собственным шумом не догадываясь, что слушать иной раз во сто крат интереснее, чем трендить. Провал якобы хорошо организованной акции — на провокацию. Не оставляя право живого человека на ошибку. Или на естественный форс-мажор.

— И так далее.

: Конечно, были среди нас в те годы настоящие провокаторы и стукачи,— факт: мне отец, по роду работы имевший доступ ко многим совковым тайнам, не раз говорил: *будь осторожен. Ибо каждый третий, сам о том иной раз не подозревая — СТУЧИТ.*

: Трескотнёй по подслушиваемому телефону, будучи взятый “за жабры” на пустяке или припугнутый отчислением “в сапоги из института”,— к этой теме мне придётся вернуться, когда буду описывать самую жестокую никитскую войну: *Чёрную, разразившуюся позже. По воле тех самых провокаторов из ГБ,—*

Но Зелёная война была следствием лишь наших младолетних амбиций. Ибо каждому подсознательно хотелось быть более значимым, чем иные. Каждый верил в свою правоту и не допускал компромисса: ругательного для всех нас тогда слова. Так что провоцировать нас ГБ нужды не было. За исключением нескольких слов,— которые, конечно, были сказаны “в нужные уши в нужный момент времени” — не будь эти уши для подобных слов открытыми, говорить было бы бесполезно. [«Не кричите — оно же глухое!»,— помните?]

: Сами подставились. По наивной молодецкой удали.

И попались.

* * *

ЖУРНАЛ РАСКОПОК ВХОДА ЭГИПЕД:

«13.06.81. В связи с отрывающейся першпективой заводим новый Журнал.

— Слава УМ!!

— Слава Никитам!!!

К. и Б. прошли 5 метров без выемки.

20.06.81. К. и Д. Какая ... не убрала г...у??? Убрали, расчистили.

Б.! Готовь шоколадку! (К.)

Готовь шоколадкИ – по одной за каждый непройденный потогонный метр!
(Д.)

– Фиг! Всё будет согласно первому договору! (Б.)

21.06.81, 14.00 – К. и Д. привели первого экскурсанта ж.р. (О.)

– Эх, здоровы ж были мужики... Ройте ширше!!! (ж.р. – О.)

28.06. 81. Вчера наверху были очередные поминки Виктора Шагала. Общими усилиями с “РИФами” поставили памятник.

Сегодня к Эгипду пришли К., Д., О., и впервые – С.

Есть надежда пройти хотя бы 1 м.

Впервые в раскопе – магнитофон! будем работать в сопровождении Миши Басина и прочих чимганских авторов.

... прошли 20 см, но зато за 20 минут! И еще: ВПЕРЕДИ – ПУСТОЙ ЗВУК!!! (К.)

Д. сказал, что пустой звук возникал каждый раз, когда он бился головой о свод. (О.)

«Темница рухнет и свобода нас примет радостно у входа!» (С.)

– Про “рухнет” это ты зря... (К.)

11.07.81 в 14.49. К., Б., О., и С.

Д. не явился! Ждали его всю ночь (в палатке). Позорrrr X 3 раза дачникам и МАТрасникам! Д. – ПОЗЁRRR!!!

20.00! Пишет L.B., он же Б. Земля тёплая, сухая, копается легко. Появилась тяга! А главное – встретили дождевого червя толщиной (!!!) одЫн сантиметЭтр!!! Он сказал: «Привет!» – и уполз. К поверхности, очевидно.

22.00! L.B.: прошли 2,5 м приблизительно. Ох, скоро... К.: «Я дурак!!! Опять свернул направо, а надо было, как обычно, налево!»

Прошли лишних два метра параллельно поверхности – как следует из его слов. Зато теперь есть куда складывать землю без транспортировки по раскопу! Помощники могут отдохнуть!

Они отдыхают:

О. – ды-ды-ды...

С. – бу-бу-бу...

Также идут споры о том, сколько раз укладывается рост К. в длину 2,5 м (с вытянутыми над головой руками), о двойных звёздах, методах их наблюдений в Никитах (и вообще), о “ды-ды-ды”, чёрных воронах, о писке слева, о гадостях и женщинах.

Ещё спор как называть то разнокалиберье, в котором мы выносим землю. (Канистра без боковой стенки, жестяное ведро, один таз без ручек и один с ручкой.)

К. говорит “тара” и постановляет измерять длину хода в шоколадках, а объём вынутой земли в “тарах”. НЕ СОГЛАСЕН!!!

11.07.81 в 24.00 О., С., К. и Б. уходят, сражённые отдыхом, дожидаться Х. за очевидным пределом работы.

Х! Расписывайся в Ж.!

12.07.81 в 00.00 – НА КОНЕЦ-ТО!!! Пришёл профессионал с профессиональной рулеткой и гордым компасом. (А зовут его Хм...) И что вы тут напакостили???

Измеренная длина прохода = 6,5 м РОВНО. Азимуд умеренный, западный. Сечение замысловатое и не золотое. Будем расширяться!

12.07.81 в 01.00 И. О. АНН д'Урак О'Хламон Д'Ебил I вышел в Люди. КОНСПЕКТ ВСЕХ МЫСЛЕЙ: НА ЗАД ДОРОГИ НЕТ!

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ: ПОШЬЮ РЮКЗАК С ОТЛИВОМ – И В ЯЛ-ТУ!!!»

* * *

: За несколько рабочих выходов мы пробились из штрека за Колокольной на поверхность. Ровно в час ночи 12 июля 1981 года. Вышел Хмырь, в гордо-упорном одиночестве отрабатывая “об” перед народом за случившееся в тот выход опоздание,— ждали его половину субботы, ибо было ясно, что до крика “Земля!..” остался “считанный метр” — считанный-пересчитанный мной и Бородой за время раскопок десятки раз (я утверждал, что копать придётся “ровно шесть с половиной метров”, как буквально орала во мне интуиция – Борода говорил, что не менее двенадцати,— условились каждый не сошедшийся с моим прогнозом метр оценить одной шоколадкой “Вдохновение” – и Борода проспорил мне пять с половиной плиток, которые потом были съедены нашими подругами),— ждали-ждали Хмыря, динамившего выход, и не хотелось без него *выйти наверх* — ибо просто не представляли, как такое славное дело, которому Иван отдал сил не меньше наших, завершить без него — потом всё-таки пошли. Взяв с собой не только чаёк в термосе и бутерброды перекуса – но и мой кассетник с чимганскими записями. Откуда вернулись не столь давно < ездили на этот замечательный супер-фестиваль совместно со славными друзьями из “Кенгуру”; на обратном пути “завернули” на плато Акбулак: по геологическим данным там был тѣхкилометровой толщины известняковый пласт, на аэрофотосъёмке плато выглядело неотличимо от крымского ‘Чердака’ и Караби,— устроили поисковую экспедицию... Окончившуюся внезапной болезнью Валеры Чукаева: подцепил какую-то жуткую среднеазиатскую инфекцию и умирал на наших руках, буквально за полчаса войдя в полный ступор,— кенгуровец Лёша Шишов побежал в Бричмуллу за медицинской помощью – горный кросс длиной в 15 км! – я взвалил одереветневшее тело Валеры на спину и потащил по каньонам и кулуарам к тому месту, куда могла доехать машина: примерно на половину этого расстояния. Спасти Валеру удалось – но врач сказал, что если б Лёшка бежал чуть медленнее, или я позволил себе хоть один перекур...

: я не позволил >,—

— Копали ход под славные песни Миши Басина, Володи Васильева и Стрижа. Когда до поверхности осталось не больше

десятка сантиметров – уже не просто шли корни деревьев, выгребали из раскопа явный перегной, пахнувший прелыми листьями – работу остановили. Специально, чтоб дожидаться Хмыря. Пошли наверх. В лагерь – готовить ужин. И по дороге встретили летящего нам на встречу “со второй кармической скоростью” [одно соударение с плитой в минуту] Ивана. Сказали ему, что если он *очень* настроен на Подвиг – может выгresti из раскопа не вынутую нами землю. Расширить его и прочее — “ибо копать там ещё и копать...”

: Иван полетел вершить указанное. Мы гадали, успеем-ли до его возвращения сделать ужин.

: К костру в лагере подошли одновременно с ним. Ибо мы топали подземным кружным путём через пол-Системы,— он просто поднялся по завершении работы вверх по склону.

* * *

... за несколько выходов до этого славного дня ко мне подошёл Гриша Чёрт.⁸² Он недавно появился в Никитах в компании с Котом [Колей] Матроскиным⁸³. А потому стоял пока на поляне за памятником Виктору Шагалу, не в силах определиться с “лево” и “право” сторонними. «Понимаешь, Командор,— сказал он мне,— не хочу я этого вашего деления... И в чайниках ходить не хочу. Лучше скажи мне, где в Никитах есть *перспективные места* для хороших раскопок.»

— И я сказал. Ибо мы на всё ближайшее время “с головой и полностью” углубились в Правую систему Никит,— до заначенного ЖБК когда могли дойти руки?.. А попасть туда очень хотелось. К тому же мне совсем не улыбалось, что до открытых нами сталактитов, как и до творимого нового входа в Систему, могут, пусть и случайно, добраться “левые”. Конечно, система Шкварина надёжно отпугивала внушаемым ею *подсознательным ужасом*,— и мы старались при каждом удобном случае трендить, “как в Правой всё стало страшно сыпаться... ходить не просто опасно – суицидально...” Подкрепив слухи парой опущенных обвалоопасных мест. Одно из которых взрывали “объёмником”,— и пусть самое на вид обвальное место осталось стоять, как стояло — от взрыва легло всё его окружение. Что, безусловно, висело на невидимых глазом соплях и при случае могло рухнуть нам на головы. Так что польза случилась.

– Че-Гевары,— сказал я Чёрту,— самая большая из возможных спелеослав. За гротом аппендикс; из него три тупичка. Если честно – я их уже пробовал

⁸² В миру и на службе (сейчас Гриша возглавляет технический отдел Московского Регионального Спасательного Отряда и общение с Подземлёй – в том числе с Никитами – естественно, не прерывает) — Черняков Григорий.

⁸³ Дочка Коли Маша и его жена Люся (замечательный ник Швейная Машина, полученный в честь очевидной профессии) и сейчас ходят в Никиты. Коля, после ухода из семьи, общение с нами и Подземлёй оставил.

копать.

— И что остановило? Если честно...

: Чёрт посмотрел мне в глаза. Ибо представил себе, что ему придётся сделать — чтоб пробиться туда, куда я не смог.

— Если честно — причина, к Никитам не имеющая отношения. Называемая любовью. А копать можно все три, и с равным успехом. Но предпочтительнее левый: потому что он уходит точно вперёд от известной Системы. Остальные могут закольцеваться обратно. Сам знаешь.

— Ладно,— ответил Чёрт,— на месте разберусь.

— И разобрался. В ту же самую ночь, когда мы завершили свои раскопки в Египте: как назвали новый вход.

И в тот же, что удивительно, час ночи, когда Хмырь впервые высунул из него голову на поверхность — в сплошные заросли крапивы. Которых не увидел по причине того, что последние десять минут работал с выключенным в целях ‘конспирации, батенька’, светом.

: Возможно даже — минута в минуту. Ибо “в Никитах и хуже бывает”.

* * *

... Сидим у костра. Поужинали. Морда у Хмыря в характерных крапивных ожогах. Рашпиль пробует взять гитару — но слово из горла не лезет. *Хочется туда, немедленно, срочно...* и ведь, если идти — то сейчас. Ночью. Когда по причине времени суток со стороны не видно, куда уходим.

— Так что идём. Выключив свет. Долго блуждаем в зарослях крапивы, сильно превышающих не только мой незначительный рост, но и “метр восемьдесят без каски” Бороды и Хмыря,— наощупь, в темноте, шарим по склону — стараясь при этом не сминать заросли, а аккуратно раздвигать их. И громко не материться от атакующей со всех сторон кремниевой кислоты.

: Что и говорить — маскировка входа отменная. Коль даже Хмырь не может найти его повторно...

— А ты уверен, что это то самое место? — не выдержав, вопрошаю я — и в этот момент проваливаюсь в Систему. Тишина, покой — и никакой крапивы. Как и доставших всех комаров.

: **ВОТ ОН.**

Перед возвращением спиливаем относительно бесшумной ножовкой здоровенную лохматую черёмуху, опуская её крону точно на вход. Для маскировки. Отсвечивающий в ночной тьме спил замазываем глиной.

Возвращаемся через Родник — набрав в нём канистры воды. Тоже для маскировки. И для нужд лагеря одновременно.

У входа МЖД8М наблюдается слабый свет, который при нашем приближении гаснет. Поднимаемся на холм, проходим через Центральную стоянку. На ней вокруг полупогасшего костра народ; традиционно присаживаемся перекурить. И традиционно обмениваться новостями, анекдотами и прочим — но

разговор не вяжется. Ни одна из сторон почему-то не может выдавить из себя даже самого захудаленького прикола. Малый Хенк с грустью глядит на свои облепленные полужидкой глиной кеды. Поставленные к вялому огню для просушки.

– Утром они станут у тебя железобетонные, – предупреждает Мамонт. Тоже сидящий у центрального костра. И явно – тоже из-под земли. Ибо ноги его не выглядят чище.

«Где это они так извазюкались?» – мелькает в голове. Ибо в известной части Никит немногие мокрости запросто обходятся “яко по суху”.

– Отличное название: *ЖелезоБетонные Кеды*, – говорит Чёрт — и в этот момент Мамонт зримо наступает ему на ногу. Тоже не слишком чистую.

Но до меня не доходит – ибо просто не верится мне, что в ЖБК можно войти. Тем более – свежепришедшему чайнику. < Мысли в голове – лишь о нашем свершении. Такая заикленность... >

– Поднимаемся, прощаемся, уходим.

«По-моему, они что-то знают», – уверенно диагностирует Хмырь.

... в воскресенье возвращаемся в город. У всех – полные таинственности лица. И у нас, и у “левых”. Видно, как их *просто распирает изнутри*, –

– Золушка отзывает меня в тамбур на перекур. И внимательно глядя в глаза, предлагает “не дурить и расколотся”.

– Я же вижу, что ты знаешь, – говорит он.

: Немного странное начало для откровенного разговора о пробитом нами входе.

– О чём? – делаю я неумное лицо.

– О **ЖБК**, – с нажимом произносит он.

– Я об этом уж пять лет знаю, – машинально отвечаю я — *и тут до меня доходит*.

: Значит – выбились. «Ух, ты...»

– И много там... оказалось?

– ДО ХУЯ. Возможно – раз в цать больше, – сообщает Золушка. – Вся остальная Система Никит против ЖБК – полное гавно. И мизер в тёмную. Два часа пилили только по прямой... и не дошли до упора.

– Ход высокий?

– В прыжке рукой достать можно. Но не везде. И завалы, слава Дзуликой, имеются.

– Обводнёнка есть? До Озера — дошли???

– Не смей... пока только до “обговнёнки”. Но судя по всему – дальше вода. И большая. Так что легенды о Мокрых Галереях и Озере – не легенды.

– Нормальные люди это знали и так.

– Знали — и молчали. Лопатой шевельнуть дрейфили... В то время, как мы через такую шклевотину туда пробивались!!!

– ГЕРОИ.

Констатирую я. В естественной злости на себя, что упустил из рук это Открытие.

Без преувеличения – Открытие Века. По крайней мере, в масштабах Никит. Размеры которых за одну эту ночь выросли в два раза. По самым осторожным подсчётам...

: С пяти километров – до десяти.

Тем не менее, на следующие выходные я совершаю аналогичный поступок. О коем теперь – как и о презентированном Чёрту “официальном вскрытии ЖБК” нисколько не жалею. Если говорить без манерных поз и условностей. Ибо, коль был бы достоин ЖБК – вскрыл сам.

Так что слава Чёрта *подлинная и настоящая*. Потому что моё знание о существовании ЖБК было не результатом каких-то моих специальных изысканий и раздумий, – я знал о том, что оно есть, со слов Цыганова и ЮДА. Чёрт узнал от меня – в этом сходство. Я годы крутился по Сейсмозоне, разыскивая не где потерял – ибо не терял сам – но где казалось светлее. Даже после барсиковского первопрохождения из Одиночества Коммундизма не сподобился пройти по его следам. Начал копать шкурники за Че-Геварами, интуитивно-правильно полагая, что оттуда тоже можно пробиться — и бросил. За занимавшем меня тогда любовным афронтом, –

: ЧЁРТ ПРОКОПАЛСЯ.

И в этом меж нами не просто различие –

— Через неделю в Колокольне, – обвальном гроте, возникшем на пересечении никитского штрека Тектоникой, – гроте необычайно красивом, а потому требующем некой в нём остановки, – присел перекурить, погасил свет. И задал себе вопрос: вот тектоническая трещина, пересекающая этот грот. Ширина её сантиметров 25. Высота над уровнем пола – чуть выше двух метров. *Кто-нибудь пробовал забуриться в неё и хоть глянуть, что там дальше?..*

: Судя по всему – нет. «А вдруг там такая же раскарстовка, как в Первомайском?»

И я решил попробовать. Подняться по зацепкам камней на два метра – не задача.

: Поднялся, заглянул. В надежде на новые сталактитовые красоты. Которых в этом месте не оказалось — но трещина шла вперёд, непроходимого с виду сужения не обещая – и я естественно забурился в неё. Прополз на боку несколько метров. И увидел внизу, в разрыве трещины, большой грот. В котором с трёх сторон чернели провалы. *Уводящие дальше, –*

— *Вперёд, вправо и влево, –*

: Явно в неизвестную никому часть Системы. С общими ходами Никит не имеющими никаких соединений, – иначе б мы с Хмырём уже нашли их. Ибо излазили год назад окружающие ходы “довольно плотно”.

До дна было больше, чем два метра. На покрытые влажным глиняным слоем стены уходящей вперёд – над открывшемся гротом трещины – надежды не было; если и удержусь меж них в распоре — что делать дальше? А если не удержусь?.. Внизу – месиво обвального плитняка, торчащие обломки крепей.

Вылезая из трещины, я удаляюсь от возможных зацепок на стенах грота. Если они и есть. Единственный вариант: выклиниваться из трещины головой вниз. На ходу вытягивая вперёд руки. А для возвращения – коль не сломаю шею и не переломаю рук в этом прыжке – запрыгивать обратно. Метра на три. *С моим ростом...*

: *И тут жуткий спелеодеймос охватил меня. Плотно, до судороги. Страшный ступор скрутил, парализовал неподвижностью — НИ ШАГУ ВПЕРЁД!..*

: С каждым под землёй это однажды случается. И чем позже – тем страшнее. Тем тяжелее это пережить. Что в нём, какая причина – не знаю. Может, Предупреждение Системы. “Не ходи туда – не делай того, что задумал – **будет беда.**”

Склизкий Змей испытал подобный приступ у меня на глазах – на пятнадцатом году хождения под землю направляясь вместе со мной в им же открытую систему УХА. Пройденную обоими к тому году десятки раз – и вроде бы не сулящую никаких неожиданностей...

Хотя – как сказать. Не остановись он тогда в своём ступоре в сбойке, прокопанной им же за десять лет до того, – ясно: иначе выглядели бы все наши движения при дальнейшем исследовании этой системы. А так как собирались мы осмотреть одно из подозрительно приковывающих к себе мест – завал с явной тягой воздуха, – вполне могли сделать то, чего для сохранения наших жизней делать не стоило. Но нет у нас телепатической связи с иными Мировыми Линиями – по крайней мере, на доказательно-вербальном уровне, – и утверждение это не проверить. «История не ведает сослагательных наклонений», – по крайней мере, свершившаяся.

: *“Фарш невозможно повернуть назад, и мясо ни на миг не восстановишь”, –*

Так что вопрос о причине/происхождении данного страха остаётся открытым. Возможно, причины эти чисто психологические, и к экстрасенсорике отношения не имеют. Проверять данное утверждение ценой человеческой жизни – не хочется.

— А потому дал задний ход. Ступор сняло, как рукой хорошего экстрасенса. Вышел на поверхность, поднялся в лагерь. Подошёл к Бороде – самому высокому из всех, кто был в тот день из нашей команды. Предложил прогуляться вниз, чтоб осмотреть одно подозрительное место. Совсем недалеко – пять минут от нашего входа.

Борода изъявил желание и мы пошли. Подсадил его в Колокольне. Дальше он полез сам. Извиваясь ужом. Пробурчал в мрачной своей манере – «и по-твоему туда надо прыгать?.. ты уверен, что иного пути нет???»

Я подтвердил, что нет.

– Ну, как знаешь.

И он прыгнул. Вниз головой. В темноту и неизвестность. **Абсолютно Первым** войдя в новую систему Никит. Названную нами тут же – Бородинские Поля. Ибо новый альбом Жана-Мишеля “Magnetic Fields” владел тогда нашими

ушами и душами,—

Я без всякого стрёма последовал за ним.

: Несколько часов мы с Серёгой бродили и ползали по штрекам, гротам и шкурникам этой новооткрытой системы,— увы, гораздо меньше ЖБК: суммарная длина ходов вряд-ли превосходила полкилометра — но во-первых, это было первое столь существенное приращение Никит, которое мы сделали САМИ, без подсказок от легенд и наводок “более опытных товарищей” — а во-вторых, система оказалась не просто красивой.

Красиво — понятие мастерства.

Прекрасно — олицетворение гениальности.

: Мастер может изготовить красивую и совершенную копию какой-либо части этого мира,—

— Гений, даже не изготовляя ничего нового, способен сотворить из уже имеющихся фрагментов *нечто, позволяющее по-новому взглянуть на этот мир*. Передать какие-то, ранее не замечаемые иными, его нюансы и оттенки. Обозначить новые связи. То есть — умножить негэнтропию этого мира. Степень его ощущаемой сложности.

: **В этой системе были все Никиты в миниатюре.** Разом. В каждом месте. Сейсмозона и Дальняя, Ближняя и Сетка, простор ЖБК и мрачно-влажные подвалы Коммундизма,— страшно “живые” плиты и сверхнепроходимые шкурники, колокольни, чёрные конуса, сталактитовые драпировки Тектоники — и даже Лунное Молоко: знаменитые натёки мундмилхен.

До того в Никитах неизвестные.

Названы были нами — Белой Бородой. 1 августа 1981 года.

: Это было открытие, стоящее ЖБК. Чтоб вернуться из которого в Никиты, пришлось воздвигать целую пирамиду из плит — иначе не то, что я, даже Серёга не мог допрыгнуть до входа в узкую Тектонику. Возвращаться по которой обратно было *не просто больно* —

Однако, не в силах удержаться, тут же вернулись в Бородинские Поля снова: со всеми нашими. Пока Хмырь, БЕС(Т), Змей и Светик осваивали наше открытие, мы с Бородой пошли с двух сторон разделявшего Бородинские Поля и Никиты монолита. Я по штреку Колокольни; Серёга по аналогичному внутри Полей. Перестукиваясь. Как велела нам интуиция.

И буквально через пять метров не только слышали стук друг друга, но и смогли внятно переговариваться. Через пару щелей, разделявших с виду монолитную стену.

Инструмента с собой не было. Каждый взял со своей стороны потребных размеров булыжник и начал фигачить им в блок меж трещин. Когда стенобойный снаряд разваливался, заменяли другим. Благо камней вокруг с обеих сторон было в достатке. И за полчаса работы пробили в монолитной до того стене вполне приличную сбойку. Названную нами “Союз-Аполлон”.

А на следующей неделе, рассекая с Динамитрием по правой части Сетки, неожиданно видим вполне проходимый просвет — там, где на карте SF значится тупик; за тупиком обширное “белое пятно”, типа монолита. Без трения о стены

шкуродёра выходим в это “белое пятно” и обнаруживаем небольшую систему гротов,— вполне, по никитским понятиям, “стоябельных”. То есть пригодных для обживания.

Плиты сводов сухие, но в центральном гроте пол покрыт ровным слоем влажной глины. Очень похожей на ил. Ни одного человеческого отпечатка. И посередине стоит жестяной чайник — реликт эпохи разработчиков каменоломни. Грот так и называется нами: Чайник. Почему SF не удосужились заглянуть в этот простор — загадка. Но ведь: кроме них и иные... Которых не столь мало лазило по окрестным местам все последние годы. И никто не сподобился пройти-заглянуть,— хотя никакого завала разбирать было не нужно. Мало того: как тут же открываем мы, эта системка (общей длиной ходов не более 100 м) как минимум ещё в трёх местах соединяется без копательных работ с окружающими штреками — то есть это даже не обособленная система, а неотъемлемая часть Сетки.

После обрисовки открытых ходов и их привязки к соседним штрекам “белое пятно в географическом центре Никит” стирается с карты SF целиком и полностью.

: Бывает...

— Потом выяснилось: “экстрасенсорная зачумлённость” этого места такова, что не каждый никитянин способен провести там более пары ночей. Примерно, как гоголевский Хома в церкви с почившей панночкой.

Возможно, объясние его столь долгой никитской недоступности — если это, конечно, объяснение,— кроется именно в этом.

Кто считает, что никакой экстрасенсорики не существует — милости просим оборудоваться в этом гроте. А потом поведать “городу и миру” о своих ночных и дневных ощущениях. Или просто походить-поползать по его окрестностям и попробовать нарисовать карту. Несколько выходов подряд.

: В один выход рисовать одну карту. В другой — новую. И так разика три-четыре. А потом попробовать найти между ними сходство...

* * *

Левые вовсю занимались освоением просто безмерных просторов ЖБК; до наших открытий им дела не было. Каждый с удовольствием посещал свою часть Системы, ощущая полное внутреннее превосходство над прочими.

: Юлик пел свои песенки у наших и левых костров с одинаковым успехом.

Иной раз мы в полном составе приходили на левые костры — пообщаться и “сверить наши спелеослухи”,— иной раз они приходили к нам.

Всех это устраивало —

: Паритет. Равенство. И невмешательство в дела друг друга.

: Длилось около месяца. Или двух. Вместе ездили к Змею на Глубокое. Вместе — в горизонтальные гипсовые лабиринты Подолии. В

горный Крым – на Чатыр-Даг и Караби-яллу. На фестивали и слёты авторской песни – становящиеся всё более неофициальными, всё более запрещёнными.

И конечно, вместе отмечали все наши дни рождения и прочие праздники.

Под новые газеты-маразматки, стихи, приколы и песни. Которые творились не только изустно –

Хмырь продолжил дело, начатое нами в Русской Америке – расписав красно-синей гуашью вход МЖД9М. Плиту, под которой был шкурник МИФИ, ведущий в Систему, украсил надписью «НЕ ОСТАВЛЮ НАДЕЖДУ Я, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»; на плите, служившей козырьком ведущего на поверхность наклонного шкуродёра, написал «УХОЖУ, ИБО В ЭТОЙ ОБИТЕЛИ БЕД НИЧЕГО ПОСТОЯННОГО, ВЕЧНОГО НЕТ...»

– бессмертная цитата из Омара Хайяма...

Зелёный Змей и Асисяй своими глиняными изваяниями открыли скульптурную галерею на Бродвее ЖБК; профессиональный керамист Володя Добровольский слепил из никитской глины, обжёг в домашней печи – и водрузил на месте гибели Вити Шагала глиняную руку с фонарём.

А Дима Магарыч закоптил большую наклонную плиту в Серой Радости и начертал на ней негативно-белым штрихом *просто убойное изображение Нашего Дорогого Генерального Секретаря ЦК КПСС* – в тельняшке и каске. С куском горящего плекса в руке.

: Руку украшала татуировка «МГСС + КПСС = ДРУЖБА НАВЕКИ!!!»

Ибо слово “МГСС” (Московская Городская Секция Спелеологии) уже тогда было бранным в нашем подземном лексиконе. Причём по полной программе.

* * *

— Считал-ли я в эти дни, что ошибся, не приняв морозовское приглашение? Конечно, ничуть. Ни на секунду. Ибо даже не думал об этом: вокруг разворачивался/вершился настоящий Мир, абсолютно заполнявший себя и состоящий только из творящих его, – что против него были мороки городских интриг и совковых бумажно-бирюлевых игрищ?

: Фигня. Тлен. Картонная суэта вместо жизни —

Суеты этой каждому из ходящих в Никиты хватало “выше головы” в рабоче-учебные будни. Надобности разменивать своё праздничное *реальное общение* с Подземлёй на сомнительные игры с совком ради чьих-то абстрактных “подземных интересов” никто из нас не испытывал. Что же до естественного ‘диссидентского выхлопа души’, не приемлющей городской совковой серости — так он сполна реализовался в нашем костровом общении, в наших газетах, анекдотах и песенках.

К “полуофициальному” сожителю с совком этот ‘выхлоп’ точно не располагал.

: Так было до сентября 1981 года.

* * *

В сентябре наш театрально-игровой мир кончился, и началась война.

: Мы обнаружили, что в Первомайском какая-то сволочь побила почти все сталактиты. Естественно, подумали на “левых”. Кто конкретно из них это сделал, было не важно⁸⁴.

В один последующий непрекрасный день увидели на изумительно красивых натёках Белой Бороды фаллос с трёхбуквенной подписью – чтоб исключить сомнения в идентификации образа.

Более мелкие шалости заключались в плексовой копоты на до того девственно-чистом своде.

Да мусоре под ногами.

И я вновь поднял в “Уэме” вопрос, который мы с Хмырём уже как-то ставили – но тогда он захлебнулся в демагогических сетованиях “ах, какое мы имеем право...”

: Теперь колебаний не было.

За пару ночных выходов среди недели мы перегородили Никитскую Систему ‘дерьмократионной’ линией завалов. Разделив её на две части. «Вам Левая с ЖБК, делайте, что хотите, – нам наша Правая.»

: ничьи права мы при этом не ущемили. Никого не просили “покинуть Никиты”, – не жгли мести ради гроты и не взрывали их...

: Мы просто отсекали от “левого народа” полюбившуюся нам часть Системы. И около месяца в Никитском было две независимых пещеры: Никиты Левые и Никиты Правые. Согласно принятым в спелеологии правилам. Ибо завалы, которые мы поставили меж ними, были непроницаемы для человека. И крайне опасны для разбора. Почти как природные.

Тем более, что у каждой Системы был свой независимый вход.

Затем “демаркационный вал” был прорван – группа Каскадёра и Ребёнка, спелеокрутости которым было не занимать, вскрыла один из наших завалов в Дальней системе. < В нашем привходовом Журнале они оставили о том ехидную запись: «Завалы ставить – тоже уметь надо!» > Но это были свои, хорошо знакомые нам никитяне – отношения с которыми у нас всегда были добрыми.

С поставленными нами завалами их примирило то, что и завал они вскрыли, доказав своё превосходство над нами, и что Эгипед с Правой системой были заначены точно по такому же принципу, что и ЖБК (информацией о вскрытии ЖБК Гриша Чёрт, Кот Матроскин, Удав, Золушка, Малый Хенк, Мамонт и

⁸⁴ И думали так наивно многие годы – пока в Музее Землеведения МГУ кто-то не обратил внимание на стенд с названием «СТАЛАКТИТЫ КАЛЫЦИТОВЫЕ, ПЕЩЕРА НИКИТСКАЯ, ДОБЫТЫ В. А. МАЛЫЦЕВЫМ» —

: *Те самые сталактиты. Точнее – часть их.* Это к вопросу охраны пещер от вандализма, столь живо, то есть, лживо описанным в своей книге Володей.

Каскадёр с Ребёнком также не делились ни с кем — опасаясь “загаживния новых никитских просторов” толпами “левых чичайников” и вандалов),—

: Те, что явились однажды с единственной целью “отловить меня под землёй и дать хорошеньких мандюлей”, к “левым демократам” и никитскому народу не имели никакого отношения. Как и ко всему нашему хождению в Никиты. Не могу написать, что “под землёй вообще” — но в Никитах они были чуть-ли не во второй раз в жизни. Причём в первый раз здорово (именно так, как это описано в “Последней Капле Сталактита”) пострадали от Мамонта — почуяв в незваных пришельцах стукачей-provокаторов (к тому же избалованных в крысятничестве), Мамонт устроил им в гроте “полную Керосину Непогасаки”.

Почему после этого они явились бить морду мне — по меньшей мере странно. Но не удивительно в свете “теории Мамонта” —

— Можете её называть “теорией заговора” и смеяться сколько угодно. Особенно, коль не жили в совковое время.

Я не Мамонт, и к “дыму под землёю” всегда испытывал отвращение. А потому заманил их в Колизей-II и поставил “волок, экологически чистый”. Из пары баллонов СО₂. Жизни ни одного из этих мордобойцев не погубил, но обосрались они изрядно. В “Последней Капле Сталактита” написал, что на этом Зелёная война кончилась — дабы избежать ненужного усложнения сюжета.

На самом деле — нет. Ибо после этой моей акции Левая система была поднята “на борьбу с возмнившимися о себе правыми супостатами”.

— *Случайно или нет эти события произошли именно тогда, когда было наметившийся меж нами и “левыми” конфликт исчерпан “сам собою”?.. Случайно или нет — после того, как мы начали активно приращивать объёмы Системы, резко уйдя и влево, и вправо?..*

: Мамонт считал, что не случайно. Кто знает точный ответ — молчит “по роду службы”. Но по крайней мере одно известно определённо: как минимум финальное “сражение” Зелёной войны было стопроцентно инспирированным. Одним стукачком, что подговорил возмущённых нашими завалами “левых демократов” «набить Командору морду и выкинуть его из Системы — ибо слишком много выпендривается».

Звали этого стукачка Валера Чукаев; “подписал” же его КГБ на данные действия, угрожая прижать за “голубизну половых влечений”.

: Вполне в ‘духе совкового бремени’. И Валера, которому на плато Акбулак за четыре месяца до того я спас жизнь, не просто стучал на меня и “Уэм”, постоянно общаясь с нами — подговорил Мамонта и Малого Хенка вместе с “глубокой компанией” Зелёного Змея на сей славный подвиг.

Набрехав им для запала кучу сплетен и гадостей. И точно определив — благо, такие вещи КГБ яйца ломанного не стоили — когда в Никитах я окажусь без сопровождения Змея, Хмыря и Динамитрия.

Дело было не в физической силе иль количественном превосходстве бойцов — “глубокая компания” никогда бы не стала затевать хоть какую-то бучу

против Змея. Которого знали не первый год. И который не просто был на “уэмовской стороне” – был в самом “Уэме”, и лично ставил эти завалы.

Аналогичное замечание по поводу Динамитрия и Хмыря.

Но в те выходные они никак не могли появиться в Никитах.

: Чук это знал. Иначе бы не решился. Впрочем, в самой акции он участия не принимал, – направив толпу, преспокойненько смылся.

: Мавр сделал своё вонючее дело.

... красиво они шли на нас цепью через редеющий осенний лес, – с факелами, как гестаповцы на банду партизан. Или егеря на затравленного волка.

У костра были только мы с Юликом. Вдвоём. Работали над моей тогдашней вещью “Сказка для Робинзонов”, готовились к вечерней трапезе.

Как раз к моменту прихода “загонщиков” созрел ужин.

Я взял миску и стал есть. Юлику кусок не лез в горло.

“Левые” стояли вокруг и обменивались мнениями о нашей дальнейшей судьбе. Попросили Рашпиля отойти в сторону – “чтоб не пострадал”. Ибо его гитару и песни любили все.

Я спокойно работал ложкой.

Юлик сказал: «он – это я. Коль имеете претензии, то излагайте и мне тоже. Потому что мы одно. И раз такие обиженные – что ж не явились, когда здесь была полная группа? Змей и Хмырь с Динамитрием тоже достойны ваших упрёков. Потому как завалы вместе ставили. Так что им вас тоже выслушать не мешает. Но вы не стесняйтесь, говорите мне – я в городе передам.»

Я окончил работать ложкой, налил себе чайку и предложил пришедшим разделить со мной чаепитие. Или, коль не терпится начать махач, утвердиться хотя бы в одном: достаточно-ли они такие смелые, что не побоятся кодлой в 30 рыл набить мне одному морду? И хватит-ли у них смелости, чтобы выдать **после** остальным уэмовцам для аналогичной процедуры тех, кто изувечил натёки Белой Бороды и побил первомайские сталактиты?.. Потому как отмудовать меня “втридцатиром”, конечно, можно. Но останутся Змей, Динамитрий, Борода и Хмырь. И если нам не выдать тех, кто так поднасрал Никитам в Правой системе — хождение оставшихся станет проблематичным.

– **А кто нам волокы ставил???** – прорычал Мамонт, переходя в наступление. Потому как “глубокая компания”, узнав про то, что Зелёный Змей не меньший виновник их мордобойного похода, от драки решила уклониться. По крайней мере, до обстоятельного разговора со Змеем.

– **Кто мой Весёлый разграбил и пожёг???**

Весёлый – грот Мамонта. Отстроенный в самом центре Сейсмозоны.

– Какие волокы?

: Я был искренне удивлён. Ибо полагал, что сам Мамонт их и ставил — но поскольку дело касалось “внутренней жизнилевой системы”, мы в него не вмешивались. Хотя и были наслышаны.

– Ты меня прекрасно знаешь. Как и моё отношение к волокам. Так что даже отвечать тебе глупо.

– Не пизди. Я точно знаю, что это был ты.

– Сам видел?

– Одна птичка из близких к тебе начирикала.

Малый Хенк, дабы быть более убедительным, пояснил – **кто**.

: Оторопь была явно написана и на моём

лице, и на рашпилевском.

– Я же сказал тебе: давай без философий. Потому что всё это – брехня и поклёп. Отмазываться мне не от чего. Хочешь драться – валяй, прославляйся. Только помни: правда всё равно выйдет наружу. Может быть, сам дознаешься, кто это сделал. И станет тебе потом...

– Да ему уже на следующей неделе станет, – подал голос Водолаз, – если Змей подтвердит, что они в этом блядстве не виноваты...

И обратился ко мне:

– А ты Чука хорошо знаешь?

Я пожал плечами.

– Думал, что хорошо...

– Он ему жизнь спас, – сказал Рашпиль. И поведал, как было дело.

– М-да... – Водолаз почесал репу, – тут что-то не так, братцы. Предлагаю эту акцию свернуть, выпить и спокойно обсудить всё. Потому как если б мне так спасли жизнь — я бы никогда не заложил того человека. Даже если б он по уши вляпался – смолчал. Значит, цена Чуку...

– А где это он сам, кстати? – своевременно спросил Мамонт.

: Кинулись искать Чука для ‘очной вставки’ — да того и след простыл.

* * *

– Так окончилась Зелёная война. Мамонт и компания обязались очистить Левую систему Никит от повадившихся туда ходить спелеогопников, – не преминув заметить, что это “уже почти сделано”; мы были обязаны вернуть Системе нарушенное нами “сообщение проходов”.

Завалы в Сетке разобрали легко – но с завалом на Централке возникли проблемы. Ибо мы возвели там две каменных стенки — пространство меж которых заполнили “в три наката” всевозможным мусором и дерьмом (в прямом смысле этого слова), что было собрано нами по всейлевой системе. Буквально за одну экологически-военную ночь.

В спешке не запомнили, какое дерьмо и мусор в какой грот следует отнести обратно. Видя наши сомнения, Мамонт предложил радикальный вариант: выжечь. И презентовал канистру бензина.

Следует учесть, что несколько литров бензина мы уже вылили на этот мусор, когда возводили завал – и пять-шесть стеклянных фuffyриков прикопали в оном “на всякий случай” — коль завал кинутся разбирать с горящим плексом. По нашим расчетам, он должен был не просто сгореть – но и “немного взо-

рваться”.

Конечно, не так, как Сапфир от пифовского объёмника — но достаточно “воспитательно-эффектно”.

Мы с Рашпилем, Бородой и Мамонтом “на подхвате” вскрывали каменную кладку завала со сторонылевой системы; Динамитрий и Хмырь с присоединившимися для помощи Каскадёром и Ребёнком — со стороны Правой.

: Какая сволочь не предупредила их, что капровал будет не разобран, а взорван/сожжён — так и осталось тайной.

: Возможно, это был Малый Хенк.

— Но быть может, Удав или Золушка.

— Или кто-то из наших чу-

десных девочек, коих всегда было в достатке.

Грандиозные последствия подрыва капротала на Централке ‘в красках и запахах’ описаны в “Последней Капле Сталактита”, — *за исключением одного момента:*

Мне до сих пор противно проползать по тому месту.

* * *

Поскольку весёлые песенки писались в Никитах в то время чуть-ли не к каждому выходу, основные моменты “Зелёной войны” очень быстро были увековечены в перефразам любимого нами Владимир-Семёныча. Вот пара — из наверное, двух десятков (если не больше: потому что писали не только ‘по мотивам’ Высоцкого, проходились по всем нашим любимым авторам вплоть до Лореса и Мирзаяна) — тексты которых пережили время. Первый представляет собой “как бы переписку в Журнале” Рашпиля и Хмыря; со вторым всё понятно без комментариев:

— Ах, милый Ваня, я гуляю по Системе:

Сегодня с вами, а завтра с теми...

Пишу в Журнале впечатлениям вдогонку —

Когда состарюсь, издам книжонку

О том, что Ваня, Ваня, Ваня — мы Никитам

Нужны, как примус с динамитом!

Все демократы здесь дурного направленья —

От них сплошные, Ваня, недоразуменья:

Они всё путают, но думают, что правят —

А как нажрут — так волок ставят...

А в общем, Ваня, Ваня, Ваня — им Никиты

Как ‘шит Давида’ антисемитам!

Я приобрёл отважные замашки:

Брожу по штрекам, словно ветеран —

И вот уже плевал я вместе с кошкой-Машкой

На головы никитских вообразал!
 Проникновенье гадов в этих штольнях
 Особенно заметно вдалеке:
 На Белой Бороде за Колокольной
 Есть надписи на нашем языке!
 Но, в общем, Ваня, Ваня, Ваня: им Никиты
 Нужны, как неграм — сталактиты...
 Вдогон скажу без лексики особой —
 На всех чичак мне глубоко плевать,
 Но за бардак и за красот погромы
 Перед потомством будем отвечать!
 Ведь, Ваня, Ваня, Ваня, нам с тобой Никиты
 Важней, чем водка “Троглодитам”!!!

— Ах, добрый Раипиль: я гуляю по Никитам.
 Чиню завалы, роняю плиты,
 Пишу на стенах я чичакам всем “НЕ БАЛУЙ!”
 Когда состарюсь — сотру, пожалуй...
 А за бардак мы — гады-суки-паразиты! —
 Взорвём Никиты — и будем квиты!..

Не коситесь на чужие спальники,
 Вырвавшись из рук своих подруг —
 Вспомните, как к нам в Никиты дальние
 Подползал пропавший ныне Стук.
 Как, в кружок усевшись перед примусом,
 Поебом — без признаков зари! —
 Грызли спелеолухи никитские
 Друга дружку — словно дикари.
 Но почему в системе Правой нету Стука?
 Как так — не ясно; молчит наука...
 — Мне представляется весьма простая штука:
 Исчезла сука — не стало Стука!
 Считают все, что Сотандор — большая злюка! —
 Кричал, что весь никитский стук идёт от Чука,—
 Тут Динамитрию попался каменюка...
 Метнул, гадюка — угробил Чука.
 — Но есть, однако же, ещё предположение:
 Что пред породой Чук не ведал уваженья —
 Что треснул камень от злого стука...
 : Упала глыба — не стало Чука.
 Есть вариант, что в Колокольни кулуары
 Не пропускают тот стук завалы —
 Но мы-то знаем, отчего молчит наука:
 В Никитах просто не любят стука.

*: Он мог бы, блин, на сталактиты любоваться —
По ишкуродёрам кувыркаться,
Балдеть от Жана Мишеля Звука —
Но это всё, блин, не для Чука.*

*: Майор ГБ теперь заламывает руки,
Ночами стонет и гонит глюки,
Опух от сплетен, горюет в муках —
Переживает за Суку-Чука!..*

: Преломили конфликт через призму рифмованной иронии — и ладно.

* * *

... А ещё летом этого года в Никитах случилась одна странная история:

Сидим субботним утром у разгорающегося костра на нашей Правой стоянке,— кто-то встал и собирается приступить к приготовлению завтрака, кто-то спит в палатках после “первой подземной ночи”.

В лесу раздаётся хруст сминаемой зелени, на полянку вываливается группа ментов. Машинальная мысль «какого чёрта?..» сменяется очевидной: «будут брать» — и за ней полное недоумения: «за что???»

То есть: по какому конкретному поводу?

— Выясняется: брать никто нас не собирается, а даже наоборот: brave домодедовские оперативники остро нуждаются в нашей помощи.

Суть которой мне лично оглашает уже знакомый по присутствию на финальной фазе выемки тела Шкварина бывший никитский участковый Чибисов — теперь капитан МВД, сотрудник оперативной части домодедовского УВД.

«Понимаете, Серёжа, из “Белых Столбов”⁸⁵ сбежал псих, и его видели в окрестностях Никитского. Есть мнение, что он мог забраться в ваши катакомбы. В общем, надо срочно прочесать всю вашу пещеру.»

“И изъять означенное на поверхность” —

: силами нас, хороших. И наших друзей слевой стоянки. Которые, между прочим, пол-ночи рассекали под землёй, не ведая об опасности. Как и наши герои.

— Ну, полезли. Свет, комбезы и проводников мы вам обеспечим.

: В душе уповаю на то, что неуправляемого буйняка опера точно пристрелят,— нам останется лишь вынести тело.

Опера мнутя.

— Понимаешь, Серёга. У нас нет опыта... И вообще... ну не можем мы лезть туда... боимся, если честно. Вы уж там как-нибудь поаккуратнее — обнаружите его и уговорите выйти.

⁸⁵ Вообще-то лечебница находится ближе к ст. Столбовая Курской жд, но “народной мове” не прикажешь.

– А диагноз какой? – вопрошает Юлик.

– Да какая-то то-ли шизофрения, то-ли психопатия...

– По-вашему, у нас тоже?..

– Ну ребят... мы вас очень просим. Понимаю, что не можем приказать — но пожалуйста... А с нас не заржавеет, мы этого никогда не забудем. Честное офицерское слово! Ну если совсем худо будет – тукните его камушком и выносите, мы на несчастный случай спишем.

– И потом закроете для пущей народной безопасности нашу дыру?

– Да ни за что! Оставьте эти глупые мысли. У меня, когда я участковым работал, в год по пять-шесть трупов в Рожайке всплывало — и что? Никто ведь речку в трубы не загоняет. А сколько козлов по пьяни замерзает в сугробах зимой? У нас в апреле/марте самый урожай этих ‘подснежников’. Но никто водку продавать не запрещает? Вот так и тут будет. Мы вообще можем записать, что он на поверхности споткнулся. Если что. А пока вы под землёй искать будете, мы никитские дома прочешем, на всякий случай. Он, может, у кого-то из корешей сховался.

– Так может, начать лучше с домов?

– А если он там у вас? Если кто из ваших нарвётся на него в одиночку? Нам психа не жалко, нам вас жалко. Ведь для вас же стараемся.

: Обмирая от естественной оторопи, прочесали основные части Системы. Идя от обоих наших входов цепью навстречу друг другу. Каждый шёл с кайлом или топориком.

Пока искали там, где было темнее – опера нашли искомое в более светлом месте.

Но вечером навестили нас с позвякивающими сумками. Содержимое которых употребили совместно, не забыв в очередной раз поклясться в вечной любви и взаимопомощи.

«Если чего у вас случится, не бойтесь обращаться к нам сразу, не тяните резину. Если потеряется кто, или местные поозоруют – сообщая справимся с любой бедой!»

: да только беды – они разные бывают...

И государственный интерес оказывается сильнее “вечной любви и нержавеющей дружбы”.

Как выяснилось через несколько лет.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПАУЗА

“бытиё определяет писание”

: ВЫВОД

Вот фрагменты из никитских Журналов, которые лучше, чем мои строки, передают тогдашнюю обстановку в Никитах —

– “и нас, туда ходящих”.

Уведомление:

1. Никакое цитирование – даже с применением строкопостроения, шрифтовых игр и цветной печати – не сможет передать *внутреннего содержания* (и безусловного духовного шарма), что проецировал вид многих журнальных записей: их размер, положение на странице, почерк пишущего, – например, надпись «Никитам – от Дураплясовъ» была выполнена по кругу очень красивым шрифтом с размером букв, постепенно уменьшающимся к концу фразы; иные комментарии-приписки соединялись стрелками с породившими их высказываниями – или просто дописывались меж строк уже существующей записи. Понятно, что печатным шрифтом *в принципе невозможно* передать рукописную запись – и уж тем более, когда к одной записи другим почерком добавлялись комментарии или вносились издевательские изменения, а сама запись сопровождалась рисунками-кариатурами и всеми нашими характерными иероглифами, типа логотипов и личных эмблем.

2. Увы, некоторые записи со временем стали столь неразборчивы, что вместо них будут лакуны.

3. Возможно, кто-то из моих читателей вспомнит *себя тогдашнего*, – кто пришёл под землю недавно, сравнит стиль наших записей и реалии подземной жизни с нынешними.

ИЗ ЖУРНАЛА ГРОТА КОШКИН ДОМ (сентябрь/октябрь 1980 г.)

НАДПИСЬ НА ОБЛОЖКЕ: «*VIA EST VITA, VIVAT NIKITAM!!!*»

14 сентября, 18.00. Группа UNEY M. + Слонёнок и Хмырь с приветом.

Пришли со слёта SCO в Скоротово. Всё было бы хорошо, если бы не орда, которую мы встретили на входе. Хмырь чуть не повесился. Отвратительное впечатление от некоторых записей в Журнале. Простите нас, ребята – но хоть про нас лично там ничего и не было написано, не смогли удержаться от комментариев.

Помянули Ваню Шкварина – ровно год назад он погиб здесь. Потом была спасаловка, то есть поисковка, – похороны... Год назад – а кажется, будто только что.

Мы не хотим, чтобы это повторилось!

Ночью навестили (отсняли на ч/б и слайды) Первомайский.

Уходим – 15.30., 15.09.80.

21.09. W-Pif [Madmen]; пришёл лечиться от гриппа. Никитам привет, салют всем, кто меня знает.

26.09. Слонёнок пришёл за шмотками самосожжённого Командора. Увидел полный погром – и обилие вкусной и полезной пищи. Долго крепился, но не выдержав, слямзил “Джем сливовый” (срок хранения 6 месяцев). Во избежании соблазнов по поводу банки сгущёнки (которую надо хранить в сухом

прохладном месте) решил завалиться спать, дабы наконец отоспаться. Проснувшись, он уйдёт, захватив с собой то, за чем пришёл. На обратном пути поставит Свечу В. Шагалу. Пифу, Хмырю, ЮДА и прочим – привет.

27. 09. (кажись). ХМЫРЬ С ПРИВЕТОМ И ПРИСТРАСТИЕМ извещает обь своём явлении. Сижу тут и жгу (да простят меня) чужой плекс, зажатый в не менее чюжой плоскогубца и опёрнутый в не менее чюжой кусочек газетка. ОЙ-Й!!! (Что-то заболело: наверное, совесть.) Я беру этот очень несчастный кусочек плекса и... тюшю иго. Мне очен жал чюжой газетка. И. Падл жигаю ба-а-а-альшой пластина не таково чюжово. А главноэ – БЭЗ КУСОКЪ ГАЗЭТКА (точка)

Пламя плекса похоже на пожар мировой революции...

Слонёнок вчера мчался по Системе, теряя вещи Командора. Пусть его поскребут эти самые кошки сомнения.

Одиночество навевает мысли о будущем некоторых плит над головой.

Вопрос на сообразительность меня: куда делась банка сгущёнки со склада?..

Ответ на сообразительность меня: допустим, не знаю.

Но зато моя точно знает, куда делись остатки симпатичненького сладенького из баночки... нашёл корку хлеба и взял (каюсь, но ничего не поделаешь: и не такое брал) кусок. А также заимствую пачку супчика. Стою на шагальской поляне.

Х. М. ЫРЬ С ПРИВЕТОМ.

– Сгущёнку я не брал, а отнёс Командору в больницу! (Слонёнок).

4.10.80. ОТ ХМЫРЯ. Привет большой Никитам, что не мешает ему быть сердечным. Идём втроём куда подальше.

5.10.80. Пришли вчетвером. Большой привет всем, кто был здесь до нас и тем, кто будет после. Ночевали в РА. Теперь идём наверх к Comandor'у. С днём рождения!!! До встречи. Т/К «Загзиги».

6.10.80. (понедельник) от ХМЫРЯ: веду ещё трёх человек в РА. Потом пойду по леске. Попытаюсь пройти к Шкварину и найти ход дальше вправо. ХМЫРЬ (с приветом).

PS. В Системе – три Дня Варенья сразу. О!!!”

07.10.80. ВСЕМ ИМЕНИННИКАМ — ПРИВЕТ И ПРИМИ ТИВ ПАЗ ДРАБЛЕНИЯ!!!

Ю. Рашковский.

17.00. Именинник Командор и сопровождающий его чичака Костин идут в Сапфир; оттуда – в Карст.

Обратно в 20.00.

«Madmen»! Огромное спасибо за хлеб и колбасу и за приём! Приносим свои извинения, что разбудили. Мы хорошие, мы больше не будем!!!

20.00. Сейчас уходят из Системы последние из Т/К “Загзиги” (я и Умка, он же Наумыч). Мы долго не будем появляться здесь (до января, как минимум), но просим не считать нас погибшими. Счастливых проходов тем, кто придёт сюда. А мы ещё вернёмся.

Т/К “ЗАГЗИГИ”: В. Геллер, Д. Лизякин, Умка, Г. Поздняев, Слонёнок.

PS: Не бывшие здесь по разным причинам наши ребята появятся вместе с нами. Кстати, полуотколовшийся Слонёнок, может, принесёт о нас новые вести.

ДО ВСТРЕЧИ В ГОРАХ, ПЕЩЕРАХ И ЛЕСАХ!

Ребята, огромное спасибо всем за ПРАЗДНИК! За поздравления, помощь и всё прочее – хорошее, хорошее, хорошее...

Спасибо – не менее огромное – Ире и Андрею.

А мне не мешало бы объявить наряд на приведение КД в порядок. Честное спелеослово, отработаю!!! Comandor.

8.10.80. «БОЛЬШЕ ДЕЛА, МЕНЬШЕ СЛОВ!» Как мы понимаем, а понимаем мы правильно [далее две фразы неразборчиво] А вообще-то всё здорово, и от «никитской грязи» никуда не деться – это от природы. Просто все могли предположить, как конечный результат, всё, что угодно, но не то, что сейчас. А предположить было очень просто: что станет с мясом, если бросить его где попало и вообще не заботиться о его сохранении, зато всем хвастаться и говорить, а порой и самим верить, что оно есть и его можно потрогать – но это лишь до поры: пока это мясо не издаст зловоние.

Пример, признаюсь, хромает и не так удачен, но всё равно [неразборчивое слово] истину.

– Бесподобно!!! Вообще-то здорово, что Пиф так самокритично написал о себе и Завхозе...

10. 10. Comandor & Roden. Пришли испытывать новогоднюю аппаратуру и собственные желудки на предмет блинопоглощения. В настоящее время ведётся тотальная заброска техники и снаряги в КД.

Comandor ошибся, сейчас 11. 10., 00.03. Пришли не совсем испытывать, не совсем новогоднюю, не совсем аппаратуру — НО БЛИНННОВ (ТЬФУ х 3) ПОЖРЁМ. Кстати, о слонах: дай бог им здоровья и полный желудок...

МЫСЛИ, КОТОРЫЕ ПРИШЛИ В ГОЛОВУ А. Д. КОСТИНУ ПО ПЕРВОМУ ПОСЕЩЕНИЮ И ОСМОТРУ ПЕЩЕРЫ:

*Чайник бутылку с бензином нашёл
Спички купил и в Никиты пошёл
Долго смеялись над шуткой в горькоме
: нет Командора в Кошкином Доме!
Чайник по лифту полез вверх ногами...
... дно шкуродёра запачкал мозгами.
Чайник весёлый по штреку гулял
Палочкой в щёлочке поковырял
Быстро засыпало дурня камнями
... долго ползти обходными путями.
Чайник на примусе супчик варил
Только насос завинтить позабыл
Грохот раздался, запахло палёным
... нет, не видать нам сегодня бульона!*

*Один спелеолог нашёл новый штрек
Он любознательный был человек.
В шкурнике прочно застрял его таз
... недолго горел у него плексиглас.*

: 9. 10. 80, $0.17 \div 0.46$

11.10. Мы уходим. Пожалуйста, ничего в гроте не трогайте. МЫ НА ЭТО РАССЧИТЫВАЕМ.

16.10.80. От А. Костина. Пришли три человека и собака породы командор. Никто ничего действительно не трогал (эксперт Золушка). Даже сгущёнку не спёрли! К сожалению, экспертиза содержимого банки произошла так быстро, что факт вряд-ли можно считать достоверным. Но Золушка явно пополнел. Хотя и утверждает, что в этот момент работал зубилом. Трудно сказать, обычно банки открывают ножом. Кстати, о цели нашего визита:

Прибыли мы сюда за бутылками. Долго, долго собирались, долго, долго ехали и наконец... (Посетители Кошкиного Дома заметят некоторые мелкие изменения в гроте, а бутылки всё на старом месте.) Заканчиваю писать, а то Comandor решил опустить свод КД, а мне ещё жить хочется. «Ухожу, ухожу, ухожу».

От Командора. А началось всё так: Золушка поинтересовался, как сделали КД. Я взял зубило и сказал: смотри! Потом зубило естественно перешло к Удаву. Потом к Костину, который в результате стал называться Роденом. (Перед этим чуть не угробив всех нас – загнал, гад, в выходной шкурник невыталкиваемую и непропихиваемую глыбу, – да ещё утрамбовал её ломом.) А потом к Золушке, в результате чего со стен стали падать глыбы, а с потолка плиты, и пришлось всё это выносить из КД в «Четвёртый Подъезд». Где я сейчас сижу на перекуре, потому как в КД совсем тесно и нечем дышать и без никотина. Хватает запаха плекса и Родена с Удавом и Золушкой. Которые во время работы “воздуха тоже не озонируют”.

Я сижу здесь на заслуженном отдыхе, а потому не пахну. Роден орёт из КД:

– А что вы думаете, Канова ломом не умел работать?..

Золушка говорит, что КД – филиал Освенцима. И никакой Канова в нём бы не выжил.

Наверно, из-за запаха плекса. Или Удава. А может, из-за Костина, потому как запах навоза не устранило даже купание в Рожайке.

Родена удаляют отдыхать, поднимаюсь ему на смену.

ХМЫРЬ! ПОПАДЁШЬ В КД — НЕ ВЕШАЙСЯ!!!”

18. 10. 80. В 21.00. Comandor! Мы в Че-Геварах в гостях у Барсика.

Золушка, Роден, Удав.

19. 10. 80. В 6.25 по никитскому времени. Comandor! Даём отбой, мы уже вернулись.

По милости Родена чуть не заночевали в Сапфире, помогла выбраться тяга ко сну. Роден мешает мне составлять каталог наших приключений, так как в данный момент пытается опустить свод КД при помощи столовой ложки.

Кстати, ещё раз упомянули Кракодила Гену и его Сократилровку. Он сейчас в Системе и ему, видимо, икается. И икалось от каждого из нас, когда мы по ней проползали.

Вот, чуть не забыл. 18.10. сего года на поляне Шагала группа матрасников интересовалась могилой **спининголога** (приблизительная транскрипция). Пришлось популярно объяснить, что слово спелеолог произошло не от слова “спиннинг”, во что нам поверили (хотя их было больше).

Ну вот вроде и всё. За исключением маленьких булыжников, которые мне попадались на пути от Че-Гевар до сюда. Заканчивая свою летопись, могу только сказать, что слышу мирное посапывание Золушки и Родена — это можно сравнить с двухтактным двигателем. (До чего строгая последовательность. У них явно внедрена система живой очереди на вдох и выдох.)

Я отрубаясь, хочу спать, как удав.

Всё, что про меня напишут эти гады — ГНУСНЫЙ ПОКЛЁП!

19. 10. 80, Удав.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РИФМОМЫСЛЕЙ, ВЫСКАЗАННЫХ РОДЕНОМ – В ДЕВИЧЕСТВЕ САШЕЙ КОСТИНЫМ:

По Системе мы пройдем – шухеру наделаем:

Где полштрека разнесём – а где проход заделаем!

Перед Удавом возникла помеха...

... ТАМ ТЕПЕРЬ МОЖНО НА ТАНКЕ ПРОЕХАТЬ!!!

То есть первая очередь метрополитена ЧП – Че-Гевары – Сапфир вступила в строй. Даже самый крупногабаритный шмотник проходит до Че-Гевар за двадцать минут в максимуме без всякого застревания.

И пусть Удав считает это поклёпом.

Роден и Золушка.

20.10.80. В этом прекрасном дворце три МИФИста наслаждались жизнью. Первая ночь под землёй – и какая ночь! Спасибо всем тем, кто построил этот прекрасный грот, их горячим сердцам...

Вася, Саша, Толя.

20.10.80. Comandor – выхожу наверх с ребятами из МИФИ. Ещё вчера мне было очень плохо – опять приступ! – а сегодня – огромное спасибо ребятам! – я уже на ногах и вновь скачу по штрекам. Спешно бегу в город на работу – чтоб её!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Оставляю в КД почти всю снарягу, – к чему таскать её взад-вперёд? Вернусь на неделе с Дубль-Пифом, или в пятницу с “Кенгуру”. Ожидается первый большой подземный концерт Макса Кривошеева, Серёжи Молчанова и Вадима Певзнера!!!

До кайфного свидания!

ИЗ II ЖУРНАЛА ВХОДА МЖД8М (октябрь/ноябрь 1980 г.):

ОБЛОЖКА [на которой – тиснёный золотом барельеф Ленина]:

Никитам от Костина.

РАСПИШИСЬ!!! Войдя сюда, а коли выходишь, так и напиши – а то искать будут!

Этот Журнал – единственный. Остальные за ненужностью ликвидированы!

Просьба: беречь этот Журнал, вести записи аккуратно, не писать пошлостей, низостей, не сводить здесь лишних счётов. Журнал – ЛИЦО ЛЮДЕЙ, ПОСЕЩАЮЩИХ СИСТЕМУ!

Присоединяюсь!!! Лёня-слонёнок.

Присоединяемся – Madmen.

МолодецЪ! – М. Хенк, АнютаI, Мамонт, АнютаII [+ ещё 10 подписей]
– А где другие Журналы??? (Дети Подземелья)

24.10.80. Вошли УДАВ с Роденом. Стоим в КД. Хотим жрать, но жрать нечего. В нетерпении ожидаем Comandor'a с колбасой и Золушкой.

24.10.80. Приветствую Сашку и этого длинннннного пресмы-кающегося!.. Ребята! Новый Журнал – это здорово, здорово, здорово!!! Спасибо тебе, Сашка! Вошли – Comandor и Хотабыч. Хотабыч впервые под землёй, но ему уже нравится.

PS: Провокационный вопрос: а есть ли у вас, господа, БЕНЗИН???

24.10.80. Надо – достанем! Роден, идущий за водой.

25.10.80. Ж. Псица залетела в Систему в 02.10. пролётом в Че-Гевары.

25.10.80. Привет всем живущим! Вошли Барсик, Золушка и следом влетел Большой и дурной Цапель. Если Удав и Роден думают, что Золушка принёс им поесть – то они глубоко заблуждаются.

25.10.80. Вошёл Мараханов А. В. Не знаю, куда идти. Стою и жду, кто выползет.

25.10.80. Протащил Мараханова в «4й Подъезд». Роден, идущий за водкой.

25.10.80. Большой и дурной цапель в 13.20 выпорхнул и скрылся на воле.

[«На воле» зачёркнуто, приписано: «в неволе».]

25.10.80. В 19.15 вошли Магарыч и Wanderer (ЮДА).

25.10.80 в 21.00 Чугунов Дмитрий вносит в Систему Наталью.

25.10.80. Comandor, идущий вместо Родена за водой. (Роден сходил за водкой и за водой больше ходить не может.)

25.10.80. ХМЫРЬ И Ко. Идём сюда не потреблять! (4 человека) привет всем.

Хмырь, Мария, Владимир, Валентин. Будем стоять в РА.

25.10.80. 22. 49. Вошли М. Henk, Анюта и Мамонт.

25.10.80. Вошёл Андрей И. ГРТН. Чебурген – собака!!!

– Дурик, я здесь!

25.10.80. 23.00 Вошли трое – Т/К «Загзиги».

Вошёл Барсик, злой, как собака. Иду к себе спать, и не дай бог, если кто рискнёт разбудить!!!⁸⁶ А им. – «З-ги».

00.58, 25 октября. Надя вошла в Систему – уставшая, но не злая!

КНЭД.

25.10.80. Выходим из Системы втроём. Кнэд, Хмырь, Удав.

– Господа, а вы уверены, что в этом месяце два “25 октября”?..

26.10.80. 9.26. Залез один. Андрей.

26.10.80. Дуров А. ГРТН.

26.10.80. 9.35. Залезли Бердоносов и два товарища, ГРТН.

Залез один. Иду в первый раз. Дима.

– Силён, бродяга!

– Число писать надо!!

– И ВРЕМЯ!!!

26.10.80. Вошли трое: Хмырь, Татьяна и Валерия. Идём в РА.

– Иду за водой. Хмырь.

26.10.80. 12.30. Проводили Анюту и Володю. Лезем убирать последствия жуткой пьянки в честь рождения новой группы «ЛИГА МЛАДШИХ». Малый Хенк, Мамонт.

26.10.80. 15.30. Вошли в кол-ве 6 чел. «Splashes». Идём в Геошизик.

– И КТО ВАС ТОЛЬКО ПРИВЁЛ??? ГОСПОДИ!!!

15.30. Выходим в составе: Хмырь, Мария, Татьяна, Валентин, Владимир, Дмитрий, Валерия.

Привет всем НЕматрасникам от Хмыря (с приветом). Выше записанным рекомендую (по доброте душевной) сделать базу для привалов в прекрасном АМФИТЕАТРЕ⁸⁷.

– Хмырь! УРА!!!

Выходим «Загзиги». Вопрос на засыпку: где спал Барсик???

– На засыпку кого?..

– Где, где, – в гнезде своей дурной цапель!

Comandor. Воскресенье, 16.00. От имени всех, кто стоял, работал и отдыхал сегодня в Системе:

ГРУППА, ИМЕНУЮЩАЯ СЕБЯ «SPLASHES», ВЕДЁТ СЕБЯ ОЧЕНЬ ГРУБО И НЕПРИСТОЙНО. ПРОСЬБА КО ВСЕМ, КТО ВСТРЕТИТ ИХ ВПРЕДЬ В СИСТЕМЕ: ПОСМОТРЕТЬ, КАК ОНИ БУДУТ СЕБЯ ВЕСТИ, И ЕСЛИ ОНИ НЕ ИЗМЕНЯТ СВОЕГО ПОВЕДЕНИЯ – НЕМЕДЛЕННО СООБ-

⁸⁶ Так Барсик “предохранялся”, когда уходил из Че-Гевар гулять по открытому им ЖБК.

⁸⁷ Грот Амфитеатр уже тогда был определён, как Главная Никитская Помойка – и по совместительству Центральный Сортир; через какое-то время этот образ стал настолько расхожим в никитском сознании, что все туалеты и помойки мы стали называть “амфитеатрами” – что под землёй, что в лесу или городской квартире. Вполне спокойно никитянин мог спросить у хозяев дома (очутившись в гостях впервые): – А где у вас амфитеатр?.. Точно так же альпинисты, например, называют свои сортиры “шхельдами”.

ЩИТЬ ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ РЕБЯТАМ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДПРИ-
НЯВ ВСЁ ДЛЯ ИХ ЗАДЕРЖАНИЯ НА МЕСТЕ. БУДЕМ ЛЕЧИТЬ. От имени
«Совета Старейшин», «Лиги Младших», «Uney. M», «ГРТН», Т/К «Загзиги»,
Псицы и Барсика, Хмыря и ко, «Wanderers» и «Madmen».

26.10.80. Входим в гражданской одежде. Выползаем в грязной. Алиса, Нико-
дим.

26.10.80. 17.40. Вошли повторно за двумя членами экипажа. Какие-то
идиоты (не могу подобрать выражения) завалили вход после «4го Подъезда»
после Амфитеатра в сторону Русской Америки. «Splashes» (“брызги”) ДЕРЬ-
МА.

Вышли в 18.00. «Splashes». Всё нормально.

[Мандюли – норма жизни!] – *дописано позже.*

26.10.80. Выходим – ГРТН. Кто-то выступил – идём разбираться.

Долго спите, ГРТН! Уже разобрались. «Юрта – то есть брызги дерьма –
ушёл, однако.» Думаем, что насовсем.

– Ну вы и звери...

– Не будут срать под сводами!!

– Козлам не место в наших штреках!!!

Comandor, Роден, Барсик, Археолог Мараханов, Псица и Хотабыч идут на
выход в 22.30. Всё ещё 26.10.80.

НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ В НИКИТАХ – БОЛЬШУЩИЙ ПРАЗДНИК:
День Варенья Родена и концерт “Кенгуру”!

Просьба к народу: на следующие выходные Че-Гевары не занимать!

Псица, Барсик.

31.10.80. от рожд. И. Н. Христа. UT = 15.00.

Радостный, как сто китайцев, впервые приехал на Очке (автобусе №21) до
самого Никитского!!!

СЛАВА = КП + СС!..

Привёз полвагона вещей и вагон продуктов. Не забыл и мешок для подар-
ков. День Рожденья будет проходить 1.11.80. в гроте Сапфир. Приглашаются
все желающие (с кружками и подарками, не помешают и продукты). От
Монте-Кристо до Сапфира пойдёт леска D = 0,25 мм. Начало в 22 ÷ 23 часа.
Справки можно получить в КД. В программе: глинтвейн, танцы (магнитофон,
усилитель и колонки уже здесь), блины и ГЛАВНОЕ — Молчанов, Кривошеев
и Певзнер.

ЖДУ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ НЕ ЗАВИСИМО ОТ ПОЛА.

Роден и Золушка – проездом, то есть проползом.

17.00: Роден, входящий в Систему со вторым вагоном груза. (Золушка по-
пёр первый груз в Сапфир.) [«В Сапфир» зачёркнуто, сверху приписано:
«Мимо Сапфира».]

17.20: Роден, идущий за водой.

17.30: Роден, идущий с водой.

17.45: Роден, идущий в магазин.

18.15: Роден, идущий из магазина.

18.30: Роден, идущий встречать народ.

19.00: Роден, идущий к Журналу написать: «ГДЕ ЖЕ ВЫ, ГАДЫ?!!»

19.10: Роден, идущий снова встречать народ.

20.00 – Роден, встретивший народ и идущий по этому поводу в Малый Нецензурный.⁸⁸

В Систему вошли: Comandor (сбежал из больницы), Молчанов, Певзнер, Кривошеев, Чугунов, Светик, Рашпиль, Анюта-I, Анюта-II, Малый Хенк, Мамонт, Наташа, Хмырь с приветом и двумя чайниками, 4 madmen, 3 Детья Подземелья, Голодный Удав, Хотабыч (чайник-подарок для Родена, – надоел ещё в автобусе), Дубль-Пиф, Ведьма, Кнэд, Белкин, Светка, ГРТН (6 шт.), Кракодил Гена, ЮДА, Слонёнок, Мамонд, Барсик & Псица и Странник. И два саблинских спелека из Питера.

– ГДЕ ВСЕМ СТОЯТЬ??? КАРАУЛ!!!”

– СТРУБИТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!

: ХМЫРЬ.

02.11.80. Огромное спасибо за концерт и за прогулки по Системе! До будущей дыры!! Приезжайте к нам в Питер!!!

Было тесно, но здорово. Ребята, какие вы молодцы, что это придумали! Comandor! Выздоровливай и тащи всех своих к нам в Гульбарий!.. “Лучше нор могут быть только норы” – привет от Руматы из «Кенгуру»! Кривошеев, Молчанов, Певзнер – выходим.

Выхожу из Системы поздравленным, но не побеждённым. РОДЕН, УХОДЯЩИЙ ДОМОЙ. 2.11.80.

2.11.80. Закончил, видимо, своё последнее гуляние по Системе. Выходим вчетвером: Женя, Мишель, Костя – и ко всему любящий Удав.

2.11.80. 16.45. Разрешите присоединиться ко всем предыдущим поздравлениям в адрес АМАНИНЩИКА. С приветствиями и всем остальным – группа Madmen и все её хвосты. Славно погуляли по любимой Системе и уходим домой. До скорой встречи, Никиты – и все здесь обитающие или хотя бы иногда появляющиеся знакомые и незнакомые!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУППОВОЕ ОДИНОЧЕСТВО!!!

Я – самый счастливый, а главное свободный человек в своей кишлаке, потому что у меня нет ничего: совести, предрассудков (хотя нет: кое-какие имеются), денег, времени и др. ЗАТО У МЕНЯ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ БЫВАТЬ ЗДЕСЬ!! (крик душонки)

ДА ЗДРАВСТВУЮТ: предрассудки, все сорта онанизма, мир на Земле и во всём мире, а так же пусть здравствуют некоторые из людей, которые числятся в друзьях у своих знакомых.

⁸⁸ “Малым Нецензурным называли грот в Сейсмозоне, на стене которого было написано “ХУЙ”. С этим граффити мы пытались бороться – но каждый раз неизвестный старатель упрямо восстанавливал его, и делал всё глубже и отчётливей. Потом ниже было приписано “Малый”. А через некоторое время мы нашли и “Большой” — масштаб *этого граффити* не мог не поразить даже опытного сексопсихолога...

НАДЕЖДА! Этой ночью я имел возможность лазить с клёвым парнем Кнедом, ты его знаешь. Приятно общаться с самими людьми.

ДА ЗДРАВСТВУЕМ МЫ — КАКИЕ МЫ ЕСТЬ!!!

НЕ ОСТАВЛЮ НАДЕЖДУ Я, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ!

ХМЫРЬ с приветом.

Слонёнок. Вышел с ним.

Удав! Кидай фонарь сильнее!

От меня, т.е. ХМЫРЯ. НУ И ДЕНЁК!!! Многое прояснилось (мой характерный вопль — известен некоторым по некоторым случаям) СДУЛСЯ ГИ-ГАНТСКИЙ ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК (я думаю, он из сероводорода) Привет всем (и особенно тем, кто хоть как-то знал или знавал меня, как-то ...) Я думаю — меня понял тот, кому это надо, а если не надо, то всё равно. Э-Э-Э-Э-ХХ.

ХМЫРЬ С ПРИВЕТОМ.

PS: Всем, кому интересно (и не интересно, а так просто,— а таких — большинство, и даже не большинство, а — почти ВСЕ!!!) ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ К:.. (ха-а — скажут настоящие дураки) НИКИТАМ... (и не только к ним, разумеется, конечно (кто интересуется, и особо нуждается — тот поймёт)) Хмырь с приветом.

17.30. Вышли Мамонт и Анюта. Спасибо Никитам и толпе.

18.51. Вышел Б. Хенк и его хвост. Всё в порядке. Живы будем — не помрём. До свиданья, Никиты, до свиданья, Народ!

< ... >

“ПРОДОЛЖЕНИЕ РИФМОМЫСЛЕЙ, ВЫСКАЗЫВАЕМЫХ РОДЕНОМ:

Мимо Кошкиного Дома я без шутки не пройду —

То карбиду в чай насыплю, то у выхода...

: засну...

6.11.80. Пришли Роден и Удав . Привели Бозю (впервые). На входе хлопнулся камень. Едва оттащили. Слава КПСС! [далее следует несколько карикатур в жанре миниатюры] УРА!!! Три дня ЗДЕСЬ = ПРАЗДНИК!!!

6.11.80. 19.20. Вошли Золушка и М. Хенк. А также Анюта-кнопка и Мамонт. Убрали со входа камень. Ура, ура, ура! Да здравствует 63-летие Великого Октября ещё раз! (Щютка.)

“Только что узнал, что в Комитете ГБ нет образца моего почерка. Ужасно расстроен: ведь я тоже человек!!! Не хотят брать обманом и силой — дам так:

А, Б, В, Г, Д,Я.

а, б, в, г, д,я.

Надеюсь: ИМ — этого хватит. В случае чего ещё добавлю!

06.11.80, М. Хенк.

PS: Все на помощь недающим странам!!!”

— Хенк! Ты что, когда писал — задницей сидел на Журнале???

6.11.80. Вошёл один. Жду Madmen в «4 Подъезде». Mikle.

6.11.80. Всей Системе привет от группы Madmen. Поздравляем всех с наступающим трёхдневьем и желаем всего. Разрешите присоединиться к предыдущим. Ура! Ура!! Ура!!!

Mikle! Этот Журнал не для счётов, поэтому мы с тобой поговорим с глазу на глаз. Идём к тебе в «подъезд». Madmen.

7.11.80. 13.40. Вошёл Лёня-Слонёнок. Убрал на улицу камень. Намерен что-нибудь копать. Жду Ваню Хмыря. Иду к «ЧП».

7.11.80. Вошли тоже двое: Таня и Марина. Просьба не заблуждаться насчёт прозвищ – это наши настоящие имена. Кто хочет рано утром (часа в 4) подарить нам спальник на двоих – тот самый-самый хороший человек, самый лучший среди всех остальных хороших. Торопят туда. Уходим. Слава КПСС!

– Кому “СЛАВА” КПСС, а кому просто “слова”.

Кнед! Мы стоим в пяти метрах от этого места в Кабачке 13 Жидких Стульев. Не пройди мимо.

Хмырь.

8.11.80. Кому “слова” – это мы знаем тоже. А кому это не слова?

– Прекрасно!

– Нам света не надо, нам партия светит!!!

Пошли домой. Т. и М.

8.11.80. Зашли в 10.15 трое из Второго Медицинского института: Андреев Алексей, Ягунов Михаил, Петрова Ира. Идём искать народ и смотреть пещеру.

Те же вышли в 19.20. Ещё раз спасибо за всё!

Магарыч в Системе! Шухер!

– **НА ХЕР!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!**

8.11.80. Хмырь, Магарыч и Кнед. Уходим на проходку через Правую систему к «Автомат Выключен», далее к Шкварину, по леске до Сапфира и к Шагалу.

План выполнили. Вернулись все.

8.11.80. Б. Хенку. В 21.30 ушли на проходку по Сетке. Жди в КД в 9.00
9.11.80. М. Хенк.

8.11.80. В 22.30 вошёл Барсик. Люди! Кому нужна запасная лампочка – возьмите на плите чуть выше Журнала. Иду к себе спать, просьба не беспокоить.⁸⁹

8.11.80. 23.20. Вошли в Систему Б. Командор и Б. Хенк (Совет Старейшин). Поздравляем всех с прошедшим. Встали в Поэзии.

Крик души:

Водка стала семь и восемь,

Только пить её не бросим.

Передайте Ильичу –

Нам и десять по плечу!

Б. Командор, Б. Хенк.

Спасибо Лёньке Брежневу

⁸⁹ На плите действительно лежала лампочка – **пятисотватка с патроном “голиаф”**...

*За заботу нежную,
За надбавку на такси
И за рыбку иваси!*

*Продирается медведь
Сквозь густой валежник
Стали птицы громче петь –
И родился Брежнев!*

*– Спасибо партии родной
за всё, что сделала со мной...*

Уходим – Хмырь, Магарыч и Кнэд – из дома в город. Мы с Магарычем откопали новый грот; его название «13 Жидких Стульев». Грот рассчитан на двоих; может поместиться и больше, но плита накроет тах двоих. Матрасникам стало известно, что Система имеет выход к Чёрному морю, но они здорово разочаровались, узнав, что все ходы в этой системе по брежнему ведут лишь в Кремль.

Хмырь с приветом, 9.11.80.

9.11.80. Спешим посмотреть на грязные рожи при дневном свете. Золушка и ко всему любящий Удав.

~14.11.80. [к «14» стрелка и надпись «НЕ УВЕРЕН»] С тоской отдал должное природе на девственном снегу, устилающем тропу, ведущую в Систему – где будем все мы. Предвещаю гордое и одинокое поглощение антрекотов с цветной капустой. На входе опять сИпуха (чуть всё пиво не разбила!). Жду всех в субботу на Закрытие халявы. Отныне и до выздоровления Comandora Кошкин Дом свободен (вниманию детей миллионеров, генсеков и завмагов). Роден (жующий пряник).

14.11.80. Вошёл один. Одиночество не удалось у тебя, Роден! Я вернулся. УРА НИКИТАМ!!! Рюк оставляю у входа. Барсик.

PS. Входя в Систему, громко не хлопайте дверью!

15.11.80. 10.10. Ну и ни ... < Малого Нецензурного > же себе! ПогАдка! Ур-р!!! Вползли Мамонт и М. Хенк с кучей вещей и всякой дряни. Рюкзак Барсика на входе не видели – наверное, уже увели. Мамонт держится за бэк сайд и вопит: – Ах, мой цивилинный вельвет из мешковины!!!

Но это его личные трудности. А мы хотим поздороваться с уже пришедшими. Кто хочет принести нам своё почтение (можно пивом) – мы в Русской Америке. М. ХЕНК.”

– Хрен вам, а не пиво! Роден.

15.11.80. Пришёл в Никиты. Мой последний выход – недели три-четыре не появлюсь. Золушка.

15.11.80. Пришёл Бозя. Неужели Золушка замуж выходит???

15.11.80. Пришла Анюта. Передаю привет Никитам от Comandora. Чёртов рюкзак!! (Это не к [стрелка к моему имени] относится.

15.11.80. Вечер. ПРИВЕТ ВСЕЙ ЧЕСТНОЙ КОМПАНИИ! ЧЁРТ ВОЗЬМИ, ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА! ПРИНИМАЙТЕ СТАРОГО ЗНАКОМОГО!!! КСЮША.

15.11.80. 19.20. Рашковский Юлик – ЦЕЗАРЬ.

– РАШПИЛЬ!!! [*«Цезарь» зачёркнуто.]*

15.11.80. Привет Никитам! Не выдержав разлуки, пришли Т/К «Загзиги» с большим количеством хвостов. Будем искать место для стоянки.

– Ищущий да обрящет...

– Да воздрыщет! Кстати, Амфитеатр уже занят Роденом. НЕ БУДЕТ ЖРАТЬ ВТИХОМОЛКУ ВСЯКУЮ ГАДОСТЬ!!!

Ну, блин! Я еб...ал ходить по карте SF и компасу!!! «Послать бы ИХ по матери!..» Всё ползёшь, ползёшь, ползёшь,— Земля-то круглая! Так и закольцеваться недолго!

– Долго. Очень долго. Прецеденты были.

— ДАЁШЬ ГЛОБУС НИКИТСКОЙ

СИСТЕМЫ!!!

Карта и компас лежат в «Четвёртом Подъезде» у входа в Амфитеатр. Карту используйте по назначению, компас отдайте Родену. Мамонтёнок Дима, 19.19 – 16.11.80.

22.11.80. Вошли Роден и Барсик. Идём в новострой Подарок – жрать, а потом Барсик пойдёт к себе.

22.11.80. 17.00. Сейчас состоится явление КНЭД народу! Ева! Командор шлёт огромный привет. Скучает!

[*далее карикатура – распятое шприцами тело на больничной койке]*

Стою в Кабачке 13 Жидких Стульев. Просьба БУДИТЬ. Кнэд.

– Как можно стоять в гроте, где можно только лежать?.. загадка.

22.15. В сей прекраснейший дворец впорхнула прелестнейшая Псица, которая Жар. Ксюшка, которая не баба и не мужик! Я по тебе соскучился и по твоим 70-ватным 20 килогерцам. Буду в Че-Геварах. Жёлтая Псица.

< ... >

ИЗ III ЖУРНАЛА ВХОДА МЖД8М (ноябрь 1980 г.)

На обложке кольцевой надписью : “НИКИТАМ – ОТ ДУРАПЛЯСОВЪ!”

На форзаце: “Телефоны КСС: нач. Мальцев – 268-05-32, зам. Нач. Коротаев – 134-65-35”

– Если заблудился — звони из любого грота!!! [*приписано карандашом*]

29.11.80. Привет всем от Кнэд! (А ЮДА стоит у входа! Сенсация!!! Вот смеху-то!..)

Мы идём далеко и надолго.

29.11.80. Вошёл Барсик. Иду прямым ходом к Псице, которая как старая ворона осталась зимовать в Москве.

Вошёл Абрек. Ищу Илью и Хмыря.

ТОВАРИЩИ! Я РЕАБИЛИТИРУЮСЬ! ЮДА.

29.11.80. Всем привет! Вошёл один. Жду Madmen в < ... – знаете, где >. Катерину не дождался. (Придёшь, получишь по шее!) Mikle.

29.11.80. Привет Никитам! Вошёл часов в 19.00. Остановлюсь в Сапфире. Пиф!!! Было бы очень клёво, если бы ты притащил в Сапфир воды. Если принесёшь, мы выпьем отличного чаю.

Лёха, Wanderers.

29.11.80. Привет Никитам и всем их обитателям! Пришла одна туда, куда Mikle пошёл. Катя.

29.11.80. Вошли трое из «Загзигов»: Умка, Люба, Валя. Привет Барсику.

Никитам привет от Киселей! Мы пришли вчетвером:

Иисус Христос (Диверсант) – МГУ

Апостол Пётр (Анархист) – МГУ

Ватенин – МГУ

Бороденский – МГУ

С группой местных спелеологов. 29.11.80.

29.11.80. Поздравляем Мамонтёнка с Днём рождения! Желаем всего-всего замечательного!!!

[далее – рисунок, совмещённый с подписями]

29.11.80. Спелео МГУ – Лена и Марина – идём в РА.

29.11.80. Вошли ХенкМ, Мамонтёнок Дима, Цезарь [зачёркнуто, приписано «Рапиль»], Мамонт, Поскрёбыш.

ЗНАЧИТ, ТАК!!! Я — ЭМЭНЫНЫКЪ!!! ВСЕ СО ЖРАТВОЙ – В РА!!!

29.11.80. Приехал Магарыч. Здорово, ребята!!!

Happy Birthday, Мамонтёнок!” [традиционный рисунок-иероглиф – подпись Магарыча]

30.11.80. [первоначально вместо «11» написано «9», – как и в последующей записи] 9.45.

Всем привет и массу поздравлений. Прибыли шефешники Ира, Лена, Ира.

30.11.80. WE-E-E-U!!! UR-RA-A-A!!! Я снова здесь!

Здорово, Никиты! Здорово, все! Здорово, Лёха! Привет Профессору и другим, поздравляю всех, кого надо, с днём рождения! Пришёл, иду и собираюсь долго кайфовать. Направляюсь собственно в Сапфир, но весьма сложным путём.

Идём в район Альбеста искать потерявшихся ребят. Пиф, “W”. 9.46.

PS в 10.30.

Потерявшиеся хмыри нашлись.

– Кого Вы именно имели в виду?.. Тщательнее подбирай выражения! С приветом ХМЫРЬ.

Решил исправиться и отправиться в Сапфир прямым ходом, с чуть-чуть воды. Редж, Вина! Как бы нам встретиться?.. Пиф.

30.11.80. 15.00 Р-р-р-реджик!!! [далее зачёркнуто] Пр-редательница! Ну и пожалуйста! Ну и всё... И ва-а-аще! Пиф, Лёха.

PS Идём с визитами по Никитам, курс в основном на Сапфир.

PPS Кант! Др-р-р-ррянь!!! Хр-р-рен! Пр-редатель. Обманщ-щик! Гад.

30.11.80. – 17.45. Вошёл с радостью Б. Хенк. Останусь здесь до вторника.

30.11.80. 21.55. Выходим. На впечатления – нет никаких сил (кайф!!!).

Спасибо всем за угощения, поздравления, торты, водку, гитару, песни. Огромное спасибо!!! Послезавтра мне исполнится 20 лет!

Пиф, Лёха, “W”.

30.11.80. Выходим трое: Псица, Барсик и БаБа. Сутки знойных событий, приключений. Впечатления обалденные. До встречи, Никиты! Реджик! Зверски хочу тебя видеть, позвони мне, если будет время!

2.12.80. 16.42. Всех с началом зимы!!! Вышли Хенки – 2 шт. Впечатлений ++++. Усталости ещё больше. Через три дня – в Никиты! До встречи!

М. Хенк, Б. Хенк.

5.12.80. Вошли в Систему Золушка и Удав. Никого в Системе не обнаружили, хотя многие зарекались быть здесь сегодня. С Роденом по этому поводу будет разговор особый, т.к. я не хочу писать нецензурщину в Журнал. Даю Родену совет: заткни покрепче уши, не то завянут. Если придёшь без обещанного – убью!

Удав.

В 11.00 зашли в Систему Начальник и Лёха. Должны были приехать с Роденом, но его не дождалось. Систему знаем плохо. Плекса нет, один фонарь на двоих. Родену: хочешь нас найти – крикни!

– Хороший совет!

6 декабря. Мальцев + 1 женщина.

– Идём на проходку с ними. Начальник, Лёха.

6.12.80. 13.30 – пришёл Роден. В Системе некрофил с женщиной???

6.12.80. 17.50. Вползла злая Кнэд. Хмырь! Я думаю, ты не будешь возражать, если МЫ С ТОБОЙ и твоим другом постоим сегодня в Хате. Я уже там. Жду! Там примус и блины.

6.12.80. Влезли 5 человек, идём на блины. Саня! Мы стоим в Русской Америке!

6.12.80. 18.30. Начальничек, лапочка – где ты???

Ксюша.

6.12.80. Вошли Барсик и Аня.

За ними – Слободан и Шкет из МГРИ.

6.12.80. Вошли Хенк, Мамонт, Лена и Марина. Русская Америка занята – будем стоять в Хате. Серёжа (Диверсант), если приедешь – давай к нам, ночью полазаем, утром в 11 ÷ 12 уезжаем.

6.12.80. Припёрся Хмырь и с ним Игорь. Иду по следам Кнэд. (Зачем ты это сделала?)

ДРУЧЬЯ! БАБЫ НА КОРАБЛЕ!

– СПИСАЙСЯ, КТО ЕЩЁ МОЖЕТ!!!

6.12.80. 23.00 Сбежал из больницы на одну ночь Comandor. По мере сил помог Хмырю и Игорю (благо, сам налегке). ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО В СИСТЕМЕ ПОСТОРОННИЙ НАРОД.

6.12.80. Дуров старший и Дуров младший. Стоим в «4 Подъезде». Выйдем ко входу в 13.00.

7.12.80. 5.30. Вошла Анюта (с кактусом).

7.12.80 в ~9.40. Comandor – бегу сдаваться убийцам в белых халатах. “А в больнице сейчас завтрак – манную кашку дают!..”

Огромное спасибо и самые искренние благодарности всем никитянам, кто был сегодня в Системе! Было очень здорово. (Особенно дуэль на фонарях Удава и Золушки и хождение без света по Системе после. Непонятно, кстати: на фига им нужен свет, коль они замечательно обходятся без него?..) Теперь – до встречи в больнице. Ещё раз всем – привет и огромное спасибо! Счастлив был убедиться, что моя предыдущая запись относится к столь малому “народу”, что и писать, по сути, не стоило.

СПАСИБО ВАМ, НИКИТЫ!!!”

< ... >

7.12.80. Сматываю дудки. Хмырь. Архисенсация: найден светильник недалеко от Клондайка, возраст ещё не установлен (от 15 до 150 лет). Обозначен новый грот Полость Имени Нурека, Клондайк закрыт для посещения.

Привет ПОШЛЯКАМ.

ДРУЗЬЯ! ВЕДЬ БАБЫ НА НАШЕМ С ВАМИ КОРАБЛЕ!

СПИСАЙСЯ, КТО ИХ НЕ ХОЧЕТ!

РУБИТЕ КОНЦЫ!

СВИСТАТЬ ВСЕМ НАВЕРХ,

СТРУБИТЬ ТРЕВОГУ!!!

ГОСПОДИ, КАК Я ХОЧУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ!

Хмырь с приветом.

Все, кто ходит в Никиты дураки. Привет от ГРТН, Сидоров, время 21.30.

– Не все, а только те, кто пишет такие вещи.

– САМ ТАКОЙ.

7.12.80. 18.30. Вышли Начальник и Лёша. Большой привет всем, кого не видели.

18.30. Выхожу Бердоносов.

7.12.80. Вышла Кнэд, злая как собака.

7.12.80. Вышли Барсик, Ксюша и Аня. Псица, канистра на 2 л лежит в гроте с водой. Торопимся. Всем остающимся привет!

7.12.80. Вышли Роден, Золушка, Удав. Всего хорошего!

7.12.80. Замыкаю парадное шествие на Карле Марле . 22.30 – ЭТО НЕ ВРЕМЯ!! М. Хенк.

11.12.80. Вошла Марина. 21.00. Командора нет. Что помешало прийти?..

11.12.80. В 22.00. Comandor.

1. Опоздавши на последний сегодняшний А 21, пришёл пёхом. Стою в Подарке – спасибо Родену, Удаву и Золушке за прекрасный грот и традиционное никитское гостеприимство. Постараюсь добавить к интерьеру Подарка недостающие нары.

2. Сегодня будний день, четверг. А я здесь потому, что наконец, слава Богу, вышел из больницы. Но – к сожалению – после Нового года снова придётся лечиться.

3. Жду В. Чукаева. Вэл! Топаи быстрее!!! Всё будет, как год назад – только, увы, без Вета...

4. Хмырю. А иней на входе не хуже ледяных сталагмитов. Даже красивей!

5. Маринка!!! Я уже бегу к тебе! Привет и огромное спасибо!!!!!!!!!!

11.12.80. Пришли Вэл и Вторая Марина. После долгого перерыва – опять здесь. УРА!!!

12.12.80. Вышли! До свиданья, Никиты!

Командор, не устраивай завалы на свою голову! Вэл.

12.12.80, 14.15. Comandor, ДВАЖДЫ ползущий на выход. Сегодня сбывалась мечта одного идиота, т.е. меня. Маринка! И всё-таки – это Грот Маленького Счастья... Провожая М. Р.; надеюсь заскочить в магазин за [*рисунок сигаретки*]. А Вэл (имею право позлорадствовать) опоздал на “14.14.” СЛАВА КПСС! [зачёркнуто крест-на-крест]

... ТРАХ-РАСТРАХ ЭТУ < ... > ПРОДАВЩИЦУ! ЧТОБ ЕЙ ПЛИТА НА ГОЛОВУ СЕЛА – КОГДА ХОЧЕТ, ТОГДА И РАБОТАЕТ!!! НИКАКОЙ СОВЕЦ/ТСКОЙ ВЛАСТИ!!!

16.00 – Comandor, опускающийся вниз. Стою в Подарке.

СВИНСТВО!!! Уже 22.40, пятница – а в Системе никого нет. (Кроме меня, болезного.) Что: сидите в городе, смотрите телевизор и поёте «мы с тобой давно уже не те»? СТЫДНО!

Я за это время успел углубить на 0,5 метра пол-Сапфира, расчистил подступы к нему (а прошлую ночь не спал, потому как ходил за Чилкут и Клондайк, по свежим следам Хмыря), – и вообще: я страшно вымотался, устал, как собака, хочу спать и есть одновременно – а в Системе слишком пусто... Это не по товарищески! Где же твои обещания, Дубль?.. (Роден, Удав, Золушка и Ко – etc.)

Э-эххх... Ждать, видимо, бесполезно. Уползаю вовнутрь, но не сдаюсь!

Приходите в гости – буду рад любому обществу!

Comandor, – почти ошипанный, но не побеждённый.

Ба! Вспомнил: Говорят, афоризм «кому суждено быть повешенным, тот не застрелит в шкуродёре» приписывают Хмырю...

– См. Хмырь.

Уже 13.12.80, 15.15. Славно поспал, сладко позавтракал, затем ещё один раз не менее сладко поспал, славно пообедал, – жирно по...кал и иду за водой. В Системе по-прежнему никого нет. Эх вы, сони! Сколько можно спать??? Уже три часа, а у меня ни в одном глазу!!!

Comandor, ползущий за водой.

Ровно 2 года назад я вернулся из армии. Наверное, чудом. Два года «на гражданке» – против потерянных там — как целая жизнь против одного дня. Спасибо Никитам, спасибо вам, мои друзья!..

... Взял H₂O. Умылся, почистил зубы. Ах!.. – забыл дома полотенце... Обнаружив это, зачистил зубы в обратном порядке и размылся. (Не помогло.) Погода на улице – 5+!!! Ночью, оказывается, шёл снег. А я спал и не заметил. И вообще – в Подарке можно год просидеть автономно, не выходя на поверхность — всё, что наверху – мимо.

Так. Уже 16.05 – а никого нет. У-у-у, мещане!

Прочёл наверху лыжникам лекцию о спелеологии. Предложили апельсин и спирт. От C₂H₅OH отказался – пить не с кем. Ну, хватит изливаться. Поползу в Сапфир и буду работать там до ужина, до ~19.00. Воду оставляю в «4П» НЕ ЛАПАТЬ > 1 Л (литр возьмите, если очень надо).

Мясо – вот что спасает мужчину, сидящего в гордом одиночестве третьи сутки под землёй!

Если никто не появится до вечера воскресенья – испишу весь Журнал до последней страницы!!!

Comandor.

Длинное подземное одиночество изливается длииииииннннннннними строками. Хмырь его прекращает.

– ТОВАР ИЩИ! А што такоЭ щасте? щасте – это когда тебя разделяют.

Иду разделять Comandor'a.

13.12.80. 19.27. VE-E-E-E-EV!!!!!!

Вошёл Мамонт в количестве трёх человек. На душе кошки и поскрёбыши. Мамонтёнок! Хочу тебя видеть. Бум стоять в РА или Кафе.

Хмырю медаль за спасение Журнала – осталось всего четыре страницы...

PS. Comandor! Я привёл клёвую рыбу.

13.12.80, 20.19. Comandor – ещё раз и снова. Ну вот и первые люди, то есть Мамонты. Мамонт! Ты меня слышишь? Ну, Мамонт – ну погоди! Нашёл в Пионерском твою заплутавшую чайницу, ждём в КД. Если не доберёшься до нас – сам доберусь до тебя и твоей рыбы... Ой! Мне тут говорят, что рыба – это и есть спасённая мной... Значит, уже добрался.

PS. ГДЕ ХМЫРЬ???

Здорово людям в Никитах, Мамонту, хотящему меня лицезреть, конечно Comandor'у, а каким-то рыбкам (аквариумным, наверно) – разберёмся. 2 недели, как я не был здесь – тоже целая жизнь. Идём сразу резко в проходку – потеряться куда-нибудь... Но это всё шутки, со мной ещё двое ртов – Абрек и Халява. Мамонту: на бумаге всё не скажешь, идём в РА. (14.12.80, 11.16, Мамонтёнок Дима)

14.12.80. Пришёл Роден.

– Лаконичность — сестра.

18.37. Вышли Халява, Абрек, Мамонтёнок. Должны успеть на автобус. Привет всем!

14.12.80. Ушёл Роден. Краткость – сестрее.

20.15. Мамонт, Comandor, Х. М. ЫрЪ, Игорь, Света, Лёша – Летим!!! Автобус, будь человеком, подожди!!!

– ХА-ХА-ХА! – сказал автобус.

20.12.80. Пришли четверо – Андрей, Миша, Андрей, Костя. В пещере раньше не были, лезем вперёд. Когда вернёмся, не знаем. Привет всем остальным.⁹⁰

20.12.80. 13.45. Пришёл Бозя.

20.12.80. Привет, Никиты!!! Пришёл один. Золушка.

20.12.80. Пришёл Роден сплошь в моральных увечьях.

20.12.80, 17.00. Привет и поздравления наидлиннейшему и наиползучейшему Удаву! Кнэд.

20.12.80. ПОЗДРАВЛЯЮ УДАВА! ВСЕМ УДАВАМ – ВЕЛИКАЯ СЛАВА! ПРИВЕТ ОТ «WANDERER».

20.12.80. Салют всем Удавам, которым день рожденья сегодня! – От Динозавра.

Командор, Хмырь! Мы сегодня стоим в районе Африки. Если не найдёте, встречайте в 23.30 в «4 Подъезде». Кнэд. [эта запись зачёркнута] СТОИМ В ХАТЕ!

20.12.80. Вошёл Барсик. Удав! Поздравляю тебя с днём рожденья. Приду в Подарок – будем все вместе тебя вытягивать.

Миша Филимонов. Удачи всем посещающим сии темноты. Счастья вам в Новом году!

Вошли М. Хенк, Мамонт, Лёша, Шура (Шутник), Света. Отсутствующему Удаву – большие и длинные поздравления. М. Хенк ищет Ксюшу (чтоб ей пусто было).

20.12.80. Где-то около 21... Вошли 4. 2е из Madmen, их хвост и Шкет. Присоединяемся к поздравлениям в адрес Удава, а также привет всем остальным и Никитам во главе. Madmen.

20.12.80 – 22.00. Comandor, иду в Хату через «4П». ПРИВЕТ УДАВУ, ШЕРШЕ ЛЯ ЗЕЛЁНЫЙ ЗМИЙ!!

Макс (Кунак), Хорев С., Слободан, Ричард III, Гога последний – 23 ч 15 м 20.12.80.

Пляшите! Меня сюда притащила сильная сила! ХМЫРЬ.

Дрючья! Вы знаете, от чего умер Косыгин? Сказывалось мне, что перестали, в связи с понижением по службе, присылать ему икру мексиканских тушканчиков. Летальный исход...

А чё мне Леонид Елдыч рассказал!! Просыпается он, значить, в тот самый день... потянулся, сунул руку под подушку, – а там... — там орденишко лежит, значить. Тут у него настроение враз и испортилось. А так хорошо начинался день рожденья! А испортилось настроение от того, значить, что почудилось ему, что опять в больницу ложиться – грудь расширять...

– хеппи бёсдей, UDAFЪ!!! Я уже бегу к тебе!!!

А САМОЕ ГЛАВНОЕ: ЗДРАВСТВУЙ, СИСТЕМА!!!

Весь мир – бардак

.....

⁹⁰ Это первый приход в Никиты Зелёного Змея и его замечательной команды с озера Глубокого.

и не болейте за Спартак!

ХМЫРЯНА

20.12.80. Пришли 1 + 1 + 1 + 1 + 1 человек = Реджик + Пиф + Дима + Кант + Таша. 24.00. Идём туды, не знаем куды.

Мы.

PS. БОЖЕ МОЙ!..

21.12.80. 2.21. Пришла Анюта. Привет всем, кого не видела. Удавчик, поздравляю!

21.12.80. 03.00. Пришли Абрек и Илюша. Поздравляем Удава. Слободан, пасть порву!!!

Удавчик! Поздравляю и желаю всего! Начальник, Лёша – идём в Подарок. Хотим видеть Канта и Татьяну.

Хитры, как сто китайцев!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Ксюша.

PS. Привет всем, кто меня ищет. Ну что, Мамонт, поговорим?

Вышел 21.12.80. Динозавр.

Мне жаль вас, Никиты! Wanderer, Дуроплясы – Хмырь без привета и Кнэд без того же.

Вышли 21.12.80. Жека, Слободан, Лера. Слободан меняет кличку на Лёху, Жека теперь зовётся Слободан. Вылезли около 16 часов.

17.45. Вышла Анюта.

17.16. Убегаем – Абрек, Илюша.

17.30. Вышел Бозя.

21.12.80. 17.35. Вышли гр. Madmen и хвост.

21.12.80. 17.50. Вышли Андрей (Зелёный Змей) и Костя. Телефоны для Командора [...].

21.12.80. 20.00. Выходят Ксюша, Начальник и Барсик.

Народ! Кому я должна брюки, ищите их в первой щели направо после входа.

Ксюша.

Ещё уходят Маша с Серёгой.

21.12.80. Вышли Шкет, Макс, Редж, Димочка, Пиф.

— УТОШНЕНИЭ: Шкета вынесли.

– «Калугина сложили пополам и выкинули вон, как сор.» Д. И. Хармс.

21.12.80. н.э. Ушёл Роден, предвкушающий весёлую пробежку по молодому ледку и спешку. Тьфу Х 3 раза через левое плечо.

21.12.80. Вышел Мамонт, Мамонд, Чебурашка, Шютник and my Love Зоолушка.

Шютник.

21.12.80. Хенк, Comandor, Мамонт, Шютник и пр. пока не выходят. В Системе Кант и Татьяна. Ждём их у выхода. И пишем Хронику Событий Дна:

1. Закончены строительные работы в Сапфире по подготовке к тотальной встрече Нового Гада – точно и в срок.

2. Группа досрочно приступила к отделочно-обделочным работам (протянули нитки для плоХатов и клозет и толстую капроновую нить от ЧП до Сапфира).

3. В силу чего вступила в действие Вторая (завершающая) Очередь Никитского метрополитена им. Удава с оборудованными восстановочными пунктами в гротах:

Монте-Кристо, Райские Сады, Пробка, Кайф и останочным пунктом по требованию Барсика «Поворот на Че-Гевары».

4. к Пифу:

– Если бы ты, Пифок, попал в этот волок и при этом застрял в шкурнике — пел бы иные песни! А коль эта сволочь сунется сюда ещё раз — получит два раза по столько и без всяких волоков.

5. В ближайшие выходные (от слова «ВЫХОД») состоится последняя заброска тяжёлых шмоток. < аккумуляторы, кабель, ёлка, Н2О, консервы... >

6. Дружно отметили День Рождения Длинного Никитского Удава – к сожалению, в отсутствии самого именинника (тот трагически болен). С ПРОШЕДШИМ ТЕБЯ, ВАСИЛЬ УДАВЫЧ! А ТАКЖЕ С БУДУЩИМ – ВЫЗДРАВЛИВАЙ!!!

Роден собственноручно испёк шикарные кексы. БРАВО Х 3 Р.

7. Дуроплясы плясали в Хате.

8. Для тождественной встречи Нового гАда на общем собрании в субботу в Русской Америке был избран ЦК (Цельный Кворум) в составе:

- 1) Мамонт
- 2) Золушка
- 3) Роден
- 4) Командор
- 5) Зелёный Змей
- 6) Удав – условно за отсутствием
- 7) Кант
- 8) Барсик.

Задача ЦК – встретить, организовать, разместить, не допускать, удержать, проводить и осветить-расписать-озвучить.

– КСТАТИ: ГДЕ ЭТУ НОВОИЗБРАННУЮ СВОЛОЧЬ ИЗ ЦК ЧЕРТИ НОСЯТ???

9. В данный момент по инициативе Кантика проводятся учебно-тренировочные спасработы, плавно переходящие... Ага: ЯВЛЕНИЕ КОЗЛА НАРОДУ...

– Спасённый отделяется лёгким испугом [*зачёркнуто, исправлено: «обделяется сильным испУКом»*].

21.12.80. Выходим: Кант, Татьяна. Мы спали в Хате, проснулись от холода – а вы все ушли. Время было неизвестно, часов не было...

– ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА-ТА-ТА И ТРУ-ТУ-ТУ-ТУ-ТУ... (Канту) Выходим из Системы все в полном составе.

МАМОНТ.

26.12.80. Вошёл ХО-ХО, – т.е. Хотабыч. Стою в КД.

27.12.80. 6.40. Вошёл Рашріл.

6.55. Вышли на два часа (за бензином и хлебом) – Рашріл и Хотабыч.

Вошли ТРОЕ: Рашріл, Хотабыч'ок + Машка.

ВНИМАНИЕ! Сегодня, 27.12.80. произошло знаменательное событие: в Системе – КОШКА! Живёт в КД, зовут Машка и ждёт гостей.

* * *

Тут необходим пространный комментарий. Добренькие Хотабыч и Раш-пиль “сжалились” над замерзающим, как им показалось, котёнком на домодедовской станции – и принесли его в “пещерное тепло”. Ни разу не подумав, что будет с животным дальше. Так как никто из нас взять домой кошку не мог, а выгнать её на улицу рука не поднималась – оставили в гроте на тёплом спальнике с запасом молока в мисочке, воды и нескольких банок вскрытых рыбных консервов. Поначалу так и подкармливали — в дальнейшем она начала самостоятельно ловить проникающих в пещеру мышек-полёвок, чем не только разнообразила свой рацион, но и принесла естественную пользу сохранности оставляемых нами под землёй продуктов. Освоив добычу простых мышей и сократив их пещерную популяцию, она научилась ловить мышей летучих: внезапно прыгая из засады почти под самый потолок штрека, сбивала летучую мышь ударом лапы с выпущенными когтями по крылу (и ни разу при этом не промахиваясь). Полагаю, что для кошки, прекрасно слышащей ультразвук, мышь как бы сама кричала во время полёта: «вот я, возьми меня, я здесь!..» Уже через пару месяцев своего пещерного пребывания Машка освоила десяти-километровый лабиринт, ориентируясь с помощью обоняния и теплового зрения. Что необычно, и служит важным наблюдением-доказательством в пользу подземной экстрасенсорики, Машка прекрасно чувствовала каждую группу, *подходящую по поверхности* к пещере: любого из нас она встречала метрах в пятидесяти не доходя до входа, терпеливо ожидала, пока мы переоденемся и перепакуем вещи в транспортные мешки – после чего по команде «Машка, покажи, кто где стоит» *вела за собой к гроту, где расположилась ранее пришедшая группа.* Вообще животное оказалось необычайно умное, доброе и отзывчивое – не говоря о естественном применении Машки в качестве ночной грелки в спальнике (за право пользования которой буквально записывались в очередь), на каждую предложенную ей в качестве угощения кильку в томате она через некоторое время приносила свежезадушенную мышь-полёвку и с характерным «мр-р» подкладывала её к миске с едой. Мол, «спасибо». В соответствующие периоды она бегала в близ расположенную деревню к котам – после чего возвращалась обратно в пещеру. Три раза она приносила котят – каждый раз выбирая в качестве “роддома” чей-нибудь спальник. К сожалению, потомство её оказалось диким, к людям уже не подходило и начало воровать наши продукты – иной раз прямо у нас на глазах; в результате при-

шлось открыть на них сезон охоты, так как терпеть кошачий разбой сил ни у кого не было. Сама Машка дожила до закрытия горкомом Никит — погибла она под землёй после горкомовских взрывов входов или догадалась уйти в деревню, мы не знаем.

* * *

— *Возвращаюсь к цитированию:*

27.12.80. 11.00. Группа “Минотавр” (Зеленоград) – 4 человека.

Вышли встречать народ с парафином и аккумуляторами – Хотабыч и Рашпіл.

27.12.80. Группа Хиппи – Зелёный Змей и Киса (трезвые) + Мамонт и Золушка (трезвые).

PS. Большой привет и огромное спасибо Родену за навешанные перила. Золушка.

PPS. ТРА-ТА-ТА, ТВОЮ МАТЬ – РОДЕН!.. У нас одна пара аккумуляторов 60 кг весит!!!

Вошли опять – Хотабыч и Рашпіл.

27.12.80. в 17.45. Вошли Креветка, Мока и Irbis.

PS. С нами также и Роден с кабелем. (Мастерит обещанные перила.)

– Родеша работает? НЕ ВЕРЮ!!!

Люди! Кому дорога жизнь и остатки жопы – НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПЕРИЛАМИ Родена перед входом!!!

Своевременное предупреждение... Блиннн... Его бы ещё в КД вывесили.

– И туда же КНЭД во главу травмпункта!

27.12.80. Comandor. ~ 20.00 ÷ 21.00.

27.12.80. 21.30. Пришёл один, никитский и очень уставший Удав.

27.12.80. 22.30. Пришли Светик, Макс Кунак и Профессор.

< ... >

24.00 / 00.00 того же и не того же числа. Профессор, Madmen и Рашпиль полезли вверх за Зелёным Деревом. Синтетику не предлагать. А Роден уже натянул кабель...

– Хорошее имя: «Кабель»...

– Роден — Кабелино!

28.12.80. 0.26. Пришли: Барсик, Ксюша, Сергунчик, Анюта II.

Такого прекрасного настроения у меня ещё не было за 6 месяцев хождения в Никиты. Ура!!!

Через 15 минут. После несколько экстравагантных поисков нашли искомое растение. Вначале, правда, Рашпиль попытался завалить столетний тополь. Упаковали добытое в три слоя полиэтилена – и понесли!

– От кого? Не понял. Хмырь.

28.12.80. 3.15. Пришла Света. На две секунды опоздала на последний автобус, когда подбежала, он мне только помахал хвостиком. Пришлось идти от

станции пешком. Дошла чуть живая. Видела у моста костёр и слышала голоса, но когда подошла, никого близко не было, а костёр горел.

28.12.80. 07.18. Irbis и Креветка сходили к Нетоксичному Роднику за водишкой. Система дрыхнет. Только Comandor, Креветка, Сергунчик, Киса и Irbis тащат воду, щелочники и кислотник в Сапфир. Удачи нам.

28.12.80. Вышли Серёга и Б.

– Гони её к ... !!!

Движение способствует мышлению. 15 – 20 минут – это много. Теперь твёрдо решил: после Нового года начинаю новую жизнь. Аминь!..

«Б» – значит «Барсик».

Счастливо всем, кто остаётся!

28.12.80. 23.45.

О, да! Вода к Новому году – это прекрасно! И никто этого не поймёт, кто не ходит с тремя канистрами в зубах. Ксюша.

Comandor. У меня тоже. [стрелка к надписи о движении]

Полное понимание непонимания. [стрелка к надписи о понимании]

Транс лучше носить завязанным – личный горький опыт.

Кошка на втором. Аборта не делать, у неё минус семь.

PS: ПОЧЕМУ КОШКА БОИТСЯ ПРОФЕССОРА??? (КОНКУРС НА САМЫЙ ЗАБОЙНЫЙ ОТВЕТ)

– Не знаю. Профессор.

– Это неспроста. Ксюша.

– Интересно, а котята тоже будут от него шарахаться? Псица.

– Потому что он один аборт ей уже делал. Хмырь.

– Не путай зачатие с абортом. Роден.

– Между прочим, Рашпиль при слове «Профессор» тоже дёргается и норовит дать тягу...

– А все нормальные люди при слове Профессор дёргаются.

– Рашпиль уже не нормальный. Он с ним сутки в одном гроте просидел.

– ВОТ ТАК И МАШКА!..

< ... >

ИЗ IV ЖУРНАЛА ВХОДА МЖД8М (февраль 1981 г. / март 1981 г.)

21.02.81. Вошли в Систему Comandor и Удав. Идём в Подарок. Лелеем надежду дожидаться второй половины группы In-Vi-S. Удав.

PS. Прошу почтеннейших волокитчиков не использовать Журнал в качестве сырья для своих гнусных акций.

21.02.81. Здравствуй, Никиты! Вошли Начальник, Кузя, Лёша. Идём в Русскую Америку, – затем в Подарок. Корректива: стоим в Кошкином Доме.

22.02.81. Примерно час ночи. [далее граффити – чередующиеся отпечатки ладоней и башмаков с буквой на подошвах «W»]

– УЭВ! Снова в Никитах! Паша, Лёха, Татьяна, Ленка, Ольга, Дима и Пиф. Привет Никитам и всем остальным в частности!

PS. Ха! А дневничок-то опять новый...

– Непонятно, улажаемый, что Вам не нравится конкретно: факт существования Журнала; то, что вместо закончившегося старого принесён новый – или что в Систему ходит столько народу, что толстой тетради хватает не более, чем на месяц???

— НЕ НРАВИТСЯ ЖУРНАЛ – НЕ ПАЧКАЙ ЕГО СВОИМИ ЕХИДНЫМИ ПИСУЛЬКАМИ!

– Он просто помнит, как за писанину в предыдущем получил им по морде. Вот и примеряется заранее...

– Если каждого Пифа хлестать Журналом по морде – тетрадей не напасёшься.

22. 02. 81 в 06 часов вошли трое (Маша, Анюта, Наташа). Большой привет Никитам от Светки. Идём в Подарок.

22.08.81. Сколько лет, сколько зим! И я снова у вас в гостях!

КВ (Б – 0)

Здравствуй, август в феврале!

Приехал наконец-то тысячу лет не был здесь – Лис (МФ)

PS Привезли двух совсем зеленух, первый раз под землёй. Сидим в ЧП.

Каммандас – 5 человек, выйдем 22 [*далее три строки разобрать невозможно*]

12.00 Вышли Анюта, Маша, Наташа.

15.05. Вышли Кузя, Карен, Ольга, Паша, Лена, Таня, Лена, Пиф.

PS. Дима! Если тебя в 23.00 не будет дома, повторится история предыдущего понедельника.

ПРИВЕТ ВСЕМ!!! ПИФ.

Дима вышел!!!

22.02.81 в 17 часов. Пришёл ИОАННЪ-ЦАРЕВИЧ. Привет следующим: ЛЮДЯМ, НИКИТАМ, а Е... в особенности, что не мешает моей сердечности!

Я уже провожаю XX + 6 (шестой) съезд нашей популярной партии. Ищу Comandora.

22.8. [«8» зачёркнуто] 2. 81 17.30 5 человек Серёжа, Андрей, Роман, Гриша и Макс успешно вышли из тьмы! (Камандас)

Выходим из Системы 8 человек, привет 26му съезду!

22.02.81. Вышел Лёша. Где же ты, Удав? И куда делся этот зловредный Начальник???

23.02.81. в 02.05 Выходим из Системы – Хмырь, Comandor, Удав – IN-VI-S.

28.02.81. Вошли двое (Андрей, Роман) ищем “третьего”. Выйдем 1.03.81 часов в 7 утра. Группа «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС».

28.02.81. Вползла чета Удавов. Приходите к нам в Подарок на чаёк (со своей заваркой и бензином). In-Vi-S. (Ждём Comandor’A-76.)

8.45, 28 февраля – In-Vi-S на марше! Сом и Vel.

– Уфф! Заторрр! (Сзади давят.) Эй, народ – это не автобус!!! Ой! Выжимают в сторону «4 П». Но мы пойдём в Подарок. Привет Ромке и Андрею – гей к нам в гости!!! Comandor.

28. в 21.30 – Вошли Серёга, Буратино, Начальник.

Группа ГРТН. Сидоров – передаст!

Вошёл один. Иду в Кабачок, Майкл.

1.03.81. Вышли Андрей и Роман. «Последний Шанс».

Вышел Серёженька. Счастливо всем! Всех с Весной!! Было очень хорошо!

1.03. 81 в 7.45. Уважаемый Comandor! Ты КНЭД уезжает в Москву без штанов, в то время как ты остаёшься всё тем же АВРАЛ!!!

Остаёмся без бензина. Свистать всех наверх!!! Ждём на остановке А №21!

Comandor, тряси костомыщами шустрее. Иначе останемся без жратвы!

..... Пунктуальность!

Уважающий тебя Удав.

... тридцатью минутами позже. Проводил свою ненаглядную и любимую змею и возвратился в Систему. Имею желание поговорить с Comandor'ом о точности и о бензине.

УДАВ.

Вышла группа «Двойка Голых».

1.03.81 в 9.30. Вошли Индеец и два человека.

1.03.81 от РХ в 9.42 вылетел Вел. ПС. Предлагаю Двойке Голых свой старый комбез, который лежит под гротом Поэзия. ВЭЛ.

ВОШЛИ МАМОНТ И АНЮТА I (Инфекция).

Группа ГРТН вышла и пошла купаться!..

Группа «Двойка Голых» вошла в 13.00. Спасибо за комбинезон. Пришёлся в пору. Добро потребляем!

Группа «муравей» получила огромное удовольствие от Лифта Шагала [10 подписей]

Иванов (Мадмэн) вышел.

Вышла Аня Первая.

Подышали свежим воздухом! Кайф!! Индеец и К. Теперь – в г...ород.

Мамонт вышел [далее три строки неразборчиво]

Майкл один выходит в надежде успеть на автобус...

1.03.81 в 23.00 Выходят из Системы Comandor. Начальник, Леха, Семён и Удав – IN-VI-S.

КОНЕЦ ЗИМЕ...

КОНЕЦ МОРОЗУ-ТРЕСКАЧУ!

СПАСИБО ПАРТИИ РОДНОЙ

И ЛИЧНО – ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ!!!

02.03. 81. Вошли в Систему. Анархист, Тэлго, Бизон, Асс, Малыш, Танкист, Луноход.

03.03.81. Вышли оттуда в 6.00. Анархист, Тэлго, Бизон, Асс, Малыш, Танкист, Луноход.

03.03.81. Вошёл один, чтобы быть одному в 11.00. запаса света достаточно. Зелёный Змей.

03. 03. 81 Вышел в 14.00. Всё отлично. Не скучал, меня сопровождала кошка Машка. З. Змей.

6.03.81. Вошли In-Vi-S – Comandor и Комиссар. Сердечно поздравляем Родена с предстоящим. Мужайся!!!

6.03.81. 23.30. Вошли Индеец и Пэн. Присоединяемся к поздравлениям.

7.03.81. Вошли 11 человек в 9.40. А кто такой Роден?

– Срите только в Амфитеатре — никогда не узнаете!

7.03.81. 15.25. In-Vi-S – Старуха Кнэд. Одна. Всем – ку-ку. Всех женщин – с МЖД8М. Особенно Родена.

7.03.81. 18.45. Поздравления Родену особенно сильны от членов In-Vi-S.

Роден! Не ковыряйся фонарём в носу – кто знает, где этим фонарём ты ковырял раньше???

Нежно ко всему любящий Удав.

7.03.81. Вновь Хмырь. ВОСЬМОЕ МАРТА БЛИЗКО-БЛИЗКО...

– В ЖУРНАЛЕ ПИШУТСЯ ЗАПИСКИ.

Кнэд! С праздНИЧКОМ!

Рацуха: надо завести в Системе ещё один Журнал – специально для пользования Родена и Пифа, поочерёдно. Пусть Роден вытирается, а Пифа потом хлестать этим по морде.

– А хлестать ЭТИМ ты будешь?..

9.03. 81 Comandor. Иду на выход. СПАСИБО!!!

Надеюсь, что те, кого я провожаю – не уедут.

... уехали.

– Все девы!

А я с... нова здесь. Но кайф крепчает!!!

12. 03. 81. Пусть ночь на улице и тишина –

В Никитах много тише и темнее.

Из родника течёт ручьём вода –

Но с водокапа капает вкуснее!

Индеец.

“В ПРОДОЛЖЕНИЕ РИФМОМЫСЛЕЙ, ВЫСКАЗЫВАЕМЫХ КАЖДЫЕ ВЫХОДНЫЕ РОДЕНОМ

[«Роденом» зачёркнуто, дописано – «Ж.-НАВОЗНИКОМ»]:

Барсик уютненький гротик нашёл,

Барсик любимую в гротик привёл;

Дорог мне левый и правый мой глаз –

А потому не продолжу рассказ!

Тихо кайло пробуравило тьму,

Шорох раздался у входа –

Вижу: в Орешке (зачем – не пойму)

МЕТРОВ ПЯТНАДЦАТЬ ПОРОДЫ...

Под плитой Роден стонал

*Весь от крови розовый —
Он с Дзуликою играл
В Павлика Морозова...*

*— Он нам выход заслонял
В стиле А. Матросова!..*

< ... >

ИЗ ЖУРНАЛОВ ВХОДОВ ЭГИПЕД И МЖД8М (июль 1981 г.)

18.07.81 в 22.00. К. и С. занесли в Систему продукты от себя и ребят:

Минтай — 4 б.

Бобы — 0,5 л ст. б. — 2 шт.

Оладьи — 1 бол. пакет.

Суп куриный — “маде из полено” — 5 п.

Пенис [*зачёркнуто*] Перец резанный с овощным фаршем в т/с — 1 б.

Тушка (от) Рашпиля — 1 шт.

— а также много плекса, нож и чайник.

До этого на складе были:

1б. икры баклаж., 2б порт. сардин, 1б. икры каб., 2б. минтая в т/с и 1 б. бобов — 0,7 стекл.

... Эх, Динамитрий, Динамитрий! Какого Чёрта прогуливаешь второй выход подряд? Какого Малого мы тащили сюда твои шмотки, а??? (К.).

— Дай Бог, чтобы когда я опять приду сюда через 2,5 месяца, здесь всё оставалось так же. Аминь! Господу помолимся! (С.)

22.10. Пришли Рашпiл и Малый Хенк. Очень кушать хочется (ему). Взяли 1 минтай в масле и один ивась. (Здесь сидит и жрёт; обещает вернуть завтра с процентами).

ИДЕЯ!!! Господа отщепенцы! Какого «285» мы хотим Никиты — настоящие??! Давайте открывать БУДУЩЕЕ — ВПРАВО ДО УПОРА! Пусть их бегают. Всё равно перегрызутся и им настанет «125 без SF».⁹¹

— Присоединяюсь! (Сом.) *Левой системе — приятного аппетита!..*

— *Мы тоже!!! (Борода, Хмырь).*

— И мы (Светик, Змей, БесТ.).

Банка с плексом приятно греет руки. Идём до упора вправо согласно соб-

⁹¹ К этому времени нашей группой было в целом завершено картографирование Никит (так называемая Первая Съёмка UM 80/81 гг.); дабы не загромождать карту надписями, всем более-менее значимым местам и гротам были присвоены трёхзначные цифровые обозначения: первая цифра обозначала подсистему Никит, две других — порядковый номер в каталоге соответствующего грота, места или надписи. И очень быстро эти цифровые обозначения вошли в нашу повседневную речь вместо соответствующих слов. “285” — это Большой Нецензурный грот в Сетке, “125” — надпись «Пиздец SF» в Сейсмозоне.

ственным предложению.

03.00. Пытались уйти вправо (на юг) из нашей Системы. Не смогли. Идём второй попыткой по левой стенке.

05.30. Выходим. Дальше Клондайковского водокапа пробиться не удалось. Почему-то страшно устали. Наверное, разобрали слишком много завалов. О нашем состоянии можно судить по почерку. Хенк, Рашпиль.

9.30. Борода и Алик. *Хенк и Рашпиль! Какого чёрта вы жрёте?! Сюда носить надо, а не обжираться! Трудно пожрать у костра, что-ли???*

12.00. Выходим. Сом! В твоём шкуродёре БА-А-А-А-АЛЬШУЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ЧЁРТ ЕЁ ВОЗЬМИ!!! Как её проскочили ночью Р. и Х.? Загадка. Наверно, обожрались минтая. Два грота из многих назвали Останкинский Сыр и Трон Двуликой. Подробности потом. Главное: *это просто огромная система ходов, она должна соединяться с Доусоном и – возможно – с системой Шкварина.*

16.25. Вошли Хмырь Иоанъ I и La Barbe. Идём в Колокольную – далее, как уже обычно. Намерены посмотреть шкурники в Сыре.

Догнал Магарыч. Ходили вместе. Открыли: две новые колокольни; одна из них названа Колокольная Ивана Дурака Великого. Нашли натёки Лунного Молока – назвали Белой Бородой.

Всей системе в целом, что справа от Колокольни, порешили дать название Бородинские Поля. Ход от Чилкута и далее – завалили. (Кажется, навсегда. Не зря?...) Сейчас покушаем одной из баночек консервов, что мы принесли в этот раз (оказалось, что её долго хранить нельзя) — и наверх.

: La Barbe, И. О. Аннъ д'Урак Великий, Мега-рыч.

25. 07. 81. 04.00. Рашпил, Хмырь и Командор. Идём в Первомайский. Ком. – первый человек, кто вместо получения зряплаты поехал в Никиты. Принесли на склад ещё одну баночку минтая.

25. 07. 81. 10.00. На троих осмотрели владения. Катали губы на каждую щель... Выходим три маленьких микрогарина. Динамитрию объявляется выговор с лишением стопок и недонесением в личное тело.

25. 7. 81. 11.00. Мне 8 лет. Впервые пришёл в пицеры. Понравилось. Маша такая обжора ест мышей. БУРАДЁНОК.

La Barbe и Бурадёнок – принесли на склад “иваси”. Идём просто (очень) погулять. На часик-полтора. Рашпиль отлынул – хотел пойти, но когда тронулись в путь, исчез вместе с АН-II (заниматься еёной психотерапией, наверняка). Он предложил затащить сюда баночку сгущёнки. А? неплохо бы...

Р.! Где ты, гад???

12.00. Вошёл МАМОНТ –

— МУ-КА-РЕ-КУ!!!

Зашли 8 чел. Маршрут: Малое Кольцо – Ясный проезд – МГРИ – Подарок – РА.

Малый Henk.

25.07.81. 13.00. Ребята, я не была здесь с середины мая, наконец добралась. Ура! Страшно рада, если не считать маленькой ссоры с очень хорошим

человеком. Со мной двое чичак, надеюсь вывести их живыми. Comandor! Я стою в Тринадцати; жду на кусок огурца и кружку чая. М. Henk, очень прошу: зайди. То же относится к Мамонту. Анюта-II.

А вот и я – RRRRRRRRRRRRRRRR!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! – ШПИЛЬ. Принесли тушёнки 2 б, лосось 2б, СГУСЧЁНКА (обещанная) 1 б, иваси 1 б, шпоровотный паштет 1б. Кажется, всё. Идём в Старьёвщик и в Левую через Сетку — АН-II (сама чичака), Татьяна и Я.

А Хмырь колесо прёт. Вот бы узнать – куда? Врёт, что в систему Шкварина.

Вошли Студент и Золушка. Анюте-II большой привет. Рубай огурцы и радуйся жизни.

PS: Анюта, я рад, что ты приехала. По-моему, лучше общаться с живым человеком, а не по испорченному телефону. Золушка.

Вышли в магазин. Двое чичак: Бугор и Дубровский.

Паниковский, Юлия-Ивановна, Стёпина жена, Наталья, Ника, Татьяна. Пробуем идти до Подарка.

Выходим из Системы благополучно. Все живы и здоровы. До новых встреч с Системой! Т/К “Сокольники”, Витя и Тима.

Выходим и выползаем – СПАТЬ!!! – М. Хенк и к°. ПАНИКОВСКИЙ! ОЧНИСЬ! ПОДАРОК СОВСЕМ В ДРУГОЙ СТОРОНЕ! НЕ НАДО НАРЫВАТЬСЯ НА СПАСАЛОВКИ. ДАЮ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ СРОК ДО УТРА, ПО ИСТЕЧЕНИИ КОТОРОГО, ЕСЛИ НЕ ВЫЙДЕШЬ И НЕ ПРИДЁШЬ В НАШ ЛАГЕРЬ (ОТ ПОЛЯНЫ ШАГАЛА ВЛЕВО), НАЙДУ И ОТОРВУ ГОЛОВУ.

Рашпиль! Моя ссора с Анютой не причина, чтобы тоже становиться сволочью. Если я опять ошибся, заранее прошу прощения. А вообще человек должен думать сам и не надо давать советы и успокаивать...

PS: «Ах, как хочется в синий лес...»

21.55 (А мы думали – уже где-то около 23!!!) Итак: дошли до Перекура (там серая и чёрная пирамидки). Стало ясно, что по карте *этой* (такой-сякой – как бы не сказать хуже – *идиотской*, в которой более-менее верно лишь Ближняя система и Централка) ХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ. Половины Системы просто нет, остальное нарисовано от балды. ТРИЖДЫ ЛАЖА!!!

Бурадёнок уже собирался плакать. А всё потому, что дважды прошли по кольцу, следуя “топосъёмке” группы SF, и я уже собирался идти на третий круг – как вдруг СЛУЧАЙНО сунулся в проход, на месте которого на карте МОНОЛИТ. Хотя проход – старый и хоженный, через него мы в это место и попали. ВОТ ТАК!..

Л. В. – Ну как, понравилось тебе по карте ходить?

Бу.-к – ОЧЕНЬ! (С иронией.) Особенно кольца.

— Уходим, но ещё вернёмся: оба и не раз!

Выходим: Рашpil, АН-II, Татьяна. До встречи, Никиты!

С ТВОЕЙ, ПУСТЬ ОДНОЙ КОЛОКОЛЬНИ
МНЕ ЧУДИЛИСЬ ДИВНЫЕ ЗВОНЫ!!

31.07.81. Вошли: М. Хенк, Мамонт, Папаша, Б. Хенк, Димыч, Ирина, Анд-

рей, Рашпиль.

Идём на гроты Сетки, Рашпиль ждёт своих.

[Далее три строки зачёркнуты – похоже, поджидая народ, Юлик боролся с рифмой и проиграл.]

Ждал своё К°, но оно не вышло. ГАДЫ! Сколько можно кур.....ИТЬ!?

: Рашpil.

Входим ИОАННЪ Д'УРАКЪ I и Comandor. В Системе проводится тотальная операция «ХРУСТАЛЬ».

< ... >

Выходим – Comandor и ХмырЪ, несём ящик Б...

0 % боя!!!

Время проставят следующие за нами, – да будут шкурники несомому ими пухом! На моих часах – 4.00. Что бы это значило?..

На наших часах – 7.30, а твои, Командор, на керосине. Выходим: Рашпиль, Алик и Слава. С пакетиком Б...

Вошли Анюта-П, Бугор и два чайника. Какого чёрта разводить ругань в Журнале??? (См. предидущую запись). Анюта-П.

– Это не ругань. Это АН-П учится читать между строк...

ИЗ ЖУРНАЛОВ ВХОДОВ ЭГИПЕД И МЖД8М (август 1981 г.)

20.08. Завтра – мой первый суточный эксперимент по одиночному пребыванию без света (в системе Шкварина). Ева, пожелай мне удачи! Comandor.

23.08.81. Comandor, 16.00. Иду на выход. Слава Двуликой, что ни одна морда не осквернила своими воплями сводов этой Чудесной Пещеры, пока я был внутри, – не воссияла плексуальным огнём и т.д. Удалось побыть одному. Спасибо, Ева!!!

25.08.81 ÷ 26.08.81 (с 24.00 по 9.00) Сом, Рашпиль + Вводим пришли сюда налегке, без ничего отметить день рождения Рашпиля. ДАЙ БОГ ЕМУ ЕЩЁ СТОЛЬКО ПО СТОЛЬКО ПРОВЕСТИ ЗДЕСЬ!!!

Принесли в верхний лагерь ВООООТ-ТАКУУУУУЮ ТАБЛИЧКУ. СЛАВА НАМ И НИКИТАМ!!!

Напоили коньяком Рашпиля и ёжика. Это победа!..

26.08.81. 20.00. Удрал с работы. Зашёл за плексом (извиняюсь дико, но я – в гражданской одежде и даже без плекса). А иду – на Второй Ярус. СОМ! Как тебе Бородинские Поля?! Буду гадом, если ещё хоть одна надпись (не моя) там появится. Иду искать тебя. Не найду – сразу вниз. У меня – 2 пузыря! Салют!!!

La Barbe.

29.08.81. Рашпиль и Светик. Идём в Мечту устранять последствия собственного раздол- (а точнее -ПИС- от *писать*) -действия. Не понял запись Бороды. Он что, уже сделал это?

29.08.81 15.55. В Систему вошёл Св. Динамитрий. Рашпиль, лапоть, про-

срочил контрольное время.

16.00. Обнаружил пропащие души на Колокольне, объявил выговор. Надо ставить время, когда влезли и знать контрольный срок.

Что мы сволочи, это факт.

Красивее Колокольни я никогда ничего не видела. Спасибо Природе за такое чудо, спасибо Людям – хранителям её огня, тем, что вставили это в драгоценную оправу добрых отношений.

А теперь мы пошли на расстрел / меня и Юлика / к Comandor'у.

Светик и Юлик.

31. 08. Опять Я, Рашріл. Принёс сгущёнку – 1, тушёнку – 1, Перец фаршированный – 1. ПОЗОР ГРОТУ КАЛЬМАР! Он упустил банку самого себя – она ЗДЕСЬ! Принёс чуть плекса (лежит правее продуктов).

Пришёл полюбопытствовать на предидущие записи, посидеть в одиночестве полчаса, подумать. Настроение поднимается на зрачках (глаз много). Оставляю за это свой НЗ плекса (из сапог) Пройдусь дальше метриков на 20 – посмотрю.

Пришёл.

Может, самовнушение, а может, навязчивая идея, но мне здесь показалось очень чисто (морально), уютно и красиво. Не смотря на то, что один.

Хочется писать много хорошего, но (кажется, вовремя) останавливаюсь.

Пойду на выход. СПАСИБО.

31.08.81. Вошёл Большой Хенк. Здорово, Никиты! Опять я здесь. Нет слов, одни мысли. Много изменений. И первое, что бросается в глаза – нездоровая засранность Левого Системы. Стыдно!

< ... >

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ ИЗ НИКИТСКИХ ЖУРНАЛОВ 1982/83 гг.

25.01.82. «Equinox» и «Oxugene» – это по-прежнему здорово!

– Крокодил ОхуГена тебе товарищ! Высоцкий в такой день – это здорово!

– Высоцкий здорово каждый день.

– А Битлз???

< ... >

2.02. Вошли: Саша и Настя (чайники).

2.02. Вышли: Саша и Настя. Чей это нож? Найден в одном из гротов.

– Чей это примус? Найден в одном из гротов...

– Чей это спальник? Найден в одном из гротов...

– Чей это магнитофон? Найден в одном из гротов...

– Чья это чайница? Найдена в одном из гротов...

– **Чей это жмур? Найден в одном из гротов...**

< ... >

23.02.82. 5.30 утра. Я – Борода. Иду спать в КД. Дайте мне ПОСПАТЬ!!!

Дайте отдохнуть моему языку – я им очень много работал сегодня. А если не дадите ему отдохнуть, я за него не ручаюсь.

< ... >

Здесь – РАШРИЛЬ со своей ГИМН-ТАРОЙ. Число и время СЕВО ДНА шнее. МЫСЛЬ:

- Для чего спелеологу голова?
: Чтоб носить каску.
- Для чего спелеологу каска?
: Чтобы носить налобный свет.
- Для чего спелеологу налобный свет?
: Чтобы видеть стакан товарища.
- Для чего спелеологу стакан?
: Вопрос явно риторический...

< ... >

17.00. Ветер, т/к “Сокольники”.

17.20. Рашриль на остановку встречать АН-П.

ВЕТЕР – средство для разрывания горизонта и раздувания рассвета.

ЧАЙНИК – агрегат для кипячения инструктора.

СПЕЛЕОВОДНИК – психопат, одержимый идеей найти Большую Воду в Никитах.

< ... >

1. 03. 82. 00.15. Вошёл Д’Урак, О’Хламон и И’Диот ИоаннЪ ХмырЪ I.

УНИТАЗ – калоссальный инструмент!

ПОСАТИЖИ = иже поссать.

Иду в Вупертот.

Уйдёт весна, – настанет лето.

Спасибо Лёне и за это!!!

Вошёл МЭГА-РЫЧ с приветом:

[Далее карикатура – Л. И. Брежнев в каске с налобником тычет перстом вперёд с хрестоматийно-мооровским вопросом: – А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ В ЖУРНАЛЕ??? Правее генсека КПСС – как бы на пещерной стене – портрет Председателя КГБ Ю. В. Андропова. Сходство персонажей такое, что Кукрыниксы отдыхают.]

Иду – куда? А ен ево знает!

< ... >

1 АПРЕЛЯ – В КГБ НЕ ВЕРЯ!!! Сижу две недели в темнице сырой, готовлюсь к неволе – орёл молодой... То есть к летнему трёхмесячному пребыванию. С приборами и жратвой всё в норме. Народ! Не забыли, когда меня на поверхность вытаскивать?.. Comandor.

2.04. 12.15. Влезла одна персона из чайного сервиза. Попробую дойти до какого-нибудь грота, а если не дойду, в прятки постараюсь не играть. Дарья.

2.04. 12.50. Из Системы все вышли. Дарья.

2.04. в 23.30. Как это “все” – А Я??? Народ! Завтра выброска!

Сом.

Влез 02.04. в 14.35. (Один). ДСШ № 2, 10 кл. М. М. Е.

– Как может быть «14.35» после «23.30»???

– А ВЫХОДИТЬ ЗА ТЕБЯ

ШКВАРИН БУДЕТ?..⁹²

< ... >

Народ! Предлагается начало гениальной частушки: «ПО СИСТЕМЕ БРОДИТ ЖМУР...»

(Остальное домысль сам, посмотрев запись от 02.04. в 14.35.)

– «... Всем спасателям bonjure!» (от Кирина)

“По Системе бродит жмур – ждёт к себе спасателей...”

– Шли бы вы, спасатели, все к абстрактной матери!!!

: ЛЕЩИНА.

< ... >

ЯРКИЙ ПОДЗЕМНЫЙ ПОЛДЕНЬ.

ОЧЕРЕДНОМУ ОТКРЫТИЮ СПЕЛЕОНИКИТСКОГО СЕЗОНА – ПОСВЯЩАЕТСЯ:

НИКИТСКИЕ ХРОНИКИ

... В районе Никитского озера обнаружен штрек ранее неизвестного вида – выходящий, по предварительному трендежу Черепя, к Чёрному морю. В торжественной обстановке новому штреку было присвоено имя ПУТЬ ОДЕС-СИТА.

... Юбилейную группу чайников заманил в ЖБК знаменитый полупроводник-шкуролаз М. Сусанин. «Идите вы в Малый, я сам заблудился!» – ответил он на вопрос корреспондента “Комсомольской неправды” А. Дятлова, по наводке Мальцева оказавшегося рядом.

... Долгожданное открытие совершил на прошлой неделе Склизский Змей, обнаружив в трансе Крэйзи неоткрытую бутылку водки.

... Очередным изобретением порадовал спелеомир небезызвестный конструктор Васисуалий Блаженный-Тихонов, соорудив устройство для прогрева головки примуса в сырую и ветреную погоду. Эффективность устройства превзошла ожидания конструктора в несколько раз: при испытании модели грот удалось погасить лишь на вторую неделю.

... Всего 10 секунд понадобилось Динамитрию, чтоб забить в Эгипед 2 ермака, гитару, транс, магнитофон, канистру бензина и 9 кг плекса. Поиски нового входа в Правую систему продолжаются.

... В районе грота Старьёвщик раскопана кладка, относящаяся к XV веку. Камни так хорошо подогнаны друг к другу, что между ними не смог просунуть голову даже Хмырь. Интересно, что меж камней не найдено и капли раствора. **ТАК БЫЛО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО НАЧАЛО ХИЩЕНИЮ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ ПОЛОЖЕНО ЕЩЁ В XV ВЕКЕ.**

... В рекордно короткие сроки Мамонт и Командор оборудовали к Новому

⁹² Данная приписка была сделана несколько дней спустя, когда выяснилось, что в Системе никого нет – тем не менее запись о выходе данного субъекта отсутствует.

году грот Санфир. В не менее короткие сроки он рухнул.

... Далеко от родной Системы оказался Сима, заправив по ошибке примус сжиженным ацетиленом. Попытка сбить его МБР при пересечении границы Системы позорно провалилась.

... На днях при ассенизационно-уборочных работах в гроте Весёлый был обнаружен слезогонный волок, поставленный Мамонтом ещё в прошлом сезоне. Кстати, заодно обнаружили пропавшие носки Мамонта.

... О том, как не надо крепить штреки, может рассказать группа придурков, откопанная в районе Русской Америки...

: Сом, Лещина и Рашпиль – сидя у Журнала и поджидая всех благоприходящих.

< ... >

МОНОМАЛЬЦУШКИ ОТ ЛЕЩИНЫ:

Мальцев бродит по Системе по довольно странной схеме...

Группа Мальцева слегка углубилась в ЖБК...

Как у Мальцева порой возникает геморрой...

Шёл спасатель по Никитам, выворачивая плиты...

В штрек заходит спасотряд – фонари ещё горят...

< ... >

Крэйзи & Ставрида вошли и всплыли. В Петропавловске-Камчатском – полночь.

Асисяй тоже здесь. В Петропавловске-Камчатском – 00.30. Спокойной всем крыши!!!

15.45. Пришёл СИМА. Снова принёс жареных пельменей. Будем кушать?

– а как же!!! / Крик души /

16.20. Крэйзи за водой. Какая сволочь налила Симе > 100 г.? Командор, если ты – сам вычищай штрек!

16.30. Comandor. Меня и близко не было, только вхожу. А что – уже нагадил?..

— ТЫ ЗНАЛ!!!

СИМЕНС – единица забавности.

СИММЕТРИЯ – свойство.

СИММЕТРИЧНОСТЬ – способность.

СИМЕННОЙ ФОНД – наше подлинное богатство.

АНТИСИМИТ – Крэйзи.

< ... >

Командор! Не бзди, но Университет был фигов.

Сам ты был фигов! Пить надо меньше! Ком, не заморачивайся!!! Рашпиль! А ты чтоб к следующему выходу играл на гитаре, как Маклафлин!

Маклафлин – козёл.

– А Розенбаум – что?..

ВСЕ – КОЗЛЫ!!!

Крэйзи не козёл. Крэйзи – крэйзи.

Если бы Маклафлин играл на гитаре шиховской ФАКбрики, Рашпиль был

бы более известен.

Лещина тоже.

Если бы на лбу моей бабушки вырос буй, она была бы бакеном.

< ... >

Командор! Передай ОГРОМАДНЕЙШЕЕ СПАС-ИБО Салчаку за удивительный вечер в Девятке. Он вообще собирается ещё к нам??? Извещай заранее, а то плитой придавим (на кухне, газовой). ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ.

< ... >

ТОПОЛОГИЯ ОСЕНИ

*“И природа готовится зимовать,
А листва надеется уцелеть...”*

: А. Воронин

Осень 1981 года выдалась на редкость красивой и тёплой. И мы продолжали оставаться наверху – в нашем лесу на холме над Пещерой, золоте берёз и киновари осин, уюте костров и палаток. За лето и осень никитское население увеличилось более, чем вдвое; предстоял новый подземный сезон с неизбежными проблемами оборудования и оснащения стояночных гротов — “до прилёта белых мух” никому заморачиваться этой маею не хотелось:

Под ногами лежит целый мир, который
Нас влечёт много больше осени
Но который с нею сродни немного
И в страницы детские просится

Наверху наступает стена дождей
И касание белых мух
Всё длиннее стрелки дневных теней
И теплее руки подруг

Только что нам – утренний холод лесов
Когда ясно увидел каждый
Что всегда в нашем царстве подземных снов
Камень тоже холодный и влажный

И каким бы зовом ни вёлся вниз
Краски осени жаль терять
На ветру дрожит уцелевший лист
Не желает судьбу принять

Но всё ближе пламя ночных костров
 И рассвет можно днём смотреть
 Замерзают в камень следы шагов
 — под землёй надеемся уцелеть...

: Эта тёплая осень длилась с нами так долго
 Под небесной сказочной просинью
 Но придётся уйти зимовать в оковы
 Камней —
 — такова
 Топология осени...

В конце ноября, когда стоять на поверхности стало совсем невозможно, приступили к “переселению из Леса в Систему”. Безусловно, эта миграция напоминала аналогичный процесс имени трёх поросят — наиболее заботливые начали “строиться” в никитских завалах ещё с сентября, и к наступлению холодов захватили не только самые подходящие для жилья гроты, но и оборудовали их с комфортом, близким к каменному поросячьему домику.

Иные расширяли и оснащали новыми спальными местами оборудованные ещё в прошлом сезоне гроты; третьи довольствовались более-менее ровным пространством где-нибудь в тупиковом штреке, и чтоб с потолка “капало не очень сильно”.

Мы в очередной газете язвили:

«... в предверии зимнего сезона три брата-спелеолога отстроили под землёй удобные жилые гроты. Первый, не долго думая, натаскал с колхозного поля соломы и застелил случайную плиту в уголке штрека; второй работал, не покладая рук, три выхода подряд и отстроил грот из крепей, — а третий пахал, как проклятый, целое лето и возвёл настоящий замок из бутового камня с отдельными спальнями, сортиром и кухонькой, где на полочках любовно разместил спальник, дутик, запасы продуктов, примус и канистры с бензином. А потом начался сезон и в Систему нагрянули чайники из соседней каменоломни. Первый грот они просто сожгли, второй раскатали по брёвнышку — а в третьем развалили все бутовые стены и вынесли заначенные снарягу и продукты. Сами понимаете, что в отличие от героев детской сказочки, меньше всех горевал самый ленивый из братьев. ВОТ КАК НАДО СТРОИТЬСЯ ПОД ЗЕМЛЁЙ!!!»

— Сами мы, не долго думая, решили, что сможем перезимовать в только что открытом Хмырём гроте Вупертот — буквально в 20 метрах от созданного нами входа Эгипед. И пусть поначалу там едва помещалось три человека, и даже после нашей доводки лопатами и кайлом встать в полный рост возможным не представлялось — мы сочли, что это не важно. Как-нибудь перезимуем.

И перезимовали. Тем более, что основное время всё равно проводили в поисково-раскопочных хаджах по Системе.

А посиделки под гитарные переборы или магнитофонный звуковой уют большой высоты над каской не требуют.

Как, кстати, и самой каски. Что отнимает верные два-три сантиметра твоего, даже сидячего, роста.

* * *

: Наше “движение вправо” за присоединением к Системе исполинского ЖБК и воссоединением Никит в одно топографически-этнически целое было оставлено —

: до поры. Как выяснилось потом, в системе Бородинские Поля мы с Бородой не отвернули от одной щели *лишь единственный камушек* — чтоб выйти в систему Мартингал, в размерах ЖБК не уступающую, — мало того: с демисезонно возникающей глобальной обводнённой объёмом около 2.500 м³, — сталактитами, гипсовыми игольчатыми кристаллами на конусах чёрной глины, светящимися после фотовспышки натёками, большим количеством археологических ценностей — включая настенную роспись, оставленную древними, —

: в системе Шкварина по какой-то иррациональной причине не заглянули лишь в один странно ускользнувший от нашего внимания шкурник — чтоб выйти туда же. Аналогичное замечание можно сделать и касательно открытой нами с Хмырём системы Командорские Острова, из которой Сержант с Гонзой через 15 лет вышли в Антисистему —

Причём удивительных афронтон этих мы испытали не один, не два и не три. Что Бородинские Поля были нами, казалось, исхожены и осмотрены до самой последней щели, завала и камушка — что система Шкварина. Из которой — понимали: *можно выбиться дальше, — вела в неё постоянная тяга воздуха*, — прокопали два десятка метров в сложнейших завалах, соединили эту систему с Главной ещё одним ходом, — тремя разными командами в разные годы бились из неё “на юг и на запад” — за границу никитского периметра, —

: без результата. И при этом все наши поисковые экспедиции “свистели” мимо даже не заваленного шкурника в пяти метрах от Голубого Конуса. Проходя на расстоянии сантиметров от него... В самый последний раз — за неделю до того, как *из него* спокойно вылезли гуляющие по уже открытому Мартингалу Глеб, Фёдор и Мичман. Конечно, гуляющие не просто так — а именно с целью пройти максимально ближе в сторону системы Шкварина, —

: Прошли. Всего лишь расширив — даже без применения раскопного инструмента! — уже имеющийся шкурник. Через который и дул постоянный сквозняк, прекрасно известный всем нам.

— Теперь можно долго судить и рядить как о нашей былой “невнимательности”, так о топологической зашоренности, подземной мистике, ведущей наши открытия — и прочих интересных костровых темах.

А можно просто заметить: в ЖБК развернулись *такие объёмы*, что было невозможно заниматься одновременно ими – и Правой системой.

И мы “отдались ЖБК”. Вне зависимости от недавнего деления на “правых” и “левых”, – вне зависимости от того, кто в какой части Системы оборудовал себе стояночный грот, основное время проводили в этой новой части Никит.

Хмырь с Бородой, поковырявшись в замыкавшем “краевую обговнёнку” завале, пробились дальше. К системе небольших озёр, названных ими Сумасшедшим Барабанщиком. Сталактитов там не было, но беспрестанно долбила с потолка капель, звуки сплетались и множились эхом, – за десять минут сидения в темноте вполне могло “повести крышу”. Часть капель падала в лужи, часть на пол и уступы стен — часть долбила по жестяным коробкам из-под «белого горного пороха Винера», оставшимся от разработчиков каменоломни. Случайно эти коробки стояли под каплями или были поставлены для пущего звукового эффекта под каплепады первыми посетителями ЖБК, мы тогда не знали. Думали, их так установил Барсик; Хмырь и Борода, через завал пробившиеся в этот грот, данное утверждение оспаривали – на что получали резонные возражения: а) коробки ржавеют и разрушаются прямо на глазах и вряд-ли могли бы выстоять под каплями более пары лет; б) завал мог случиться как сто лет назад, так и месяц. Сам Барсик в это время в Систему не ходил, занятый учёбой и семейными проблемами, – так что установить истину было сложно. Правда была мне поведана через 20 лет: *Виталик Марченко в феврале 1980 года – незадолго до своей трагической последней поездки в Крым – “вычислил” Цыганова, в тайне от прочих посещавшего ЖБК через проход в системе Коммундизма (тот, что позже независимо открыл и “закрыл” Барсик). Цыганов знал “дорогу в ЖБК” от их первооткрывателей из SCO – Виталик в возрасте 15 лет прошёл по его следам.* Что для этого требуются просто удивительные способности “пещерного следопыта” – ясно. Как и то, что какими бы способностями к “подземному частному сыску” ты ни обладал — ничего не увидишь, коль не имеешь подлинной духовной связи с Миром Подземли.

: У Виталика она была. И такая, что оставалось только завидовать...

: *Коробки из-под горного пороха, поставленные им под долбящей капелью, были проявлением этой связи.*

Чтоб сохранить древние коробки от разрушения, мы с Бароном заменили их на специально принесённые в Систему большие консервные банки.

Сумасшедший Барабанщик с первого же его посещения Хмырём и Бородой стал культовым в иерархии никитских достопримечательностей –

Не найти никому
 Позабытые к сердцу пути,
 Только горстка друзей
 Да безумцев с больною душой
 Всё стремятся к нему,
 Всё идут – и не могут дойти –
 А зовущая цель

Оказалась у них за спиной...

Разорвал тишину
Сумасшедший, шальной барабан –
Тот, что в каждом до смерти,
Считая удары, звучит –
Под землёю в плену
Заточила навеки судьба
В царстве Вечной Ночи
Наше общее звонкое Сердце –

Водокап, водокап,
Взбудораживший сонную тьму,
Жизнь в застенке у мрака –
Удел непокорных и твой;
Я – душою твой раб,
Но умом я постичь не могу:
Как возмездье века
Обходило тебя стороной?

Но несите свой крест
На олимпы наград и чинов
И глупец, и палач,
И крадите с небес звёздный сор –
Вашей *доброй* толпе
Никогда не понять: этот плач –
Наша память о тех,
Кто безмолвно
Взошёл на костёр...

: Не найти, не найти

Ныне пройденных нами дорог

Тем, кто в мире теней
В *беспросветное* солнце влюблён –

Мы уходим, прости,
Но отныне ты не одинок —

: *Каждой капле твоей
Чьё-то сердце
Звучит в унисон!*

Пел негр или Старр,
тот Ринго длинноносый –
Отчаявшийся бог,
отчаянный стукач –
И хочется условностей,
да темнота заносит:
Ей самый кайф валить
и по лицу стекать...

Он пел себе под нос – а руки танцевали
 Единственное па скачущих коней...
 Откуда здесь карета и дама под вуалью,
 С чего бы мне об этом во времени теней?

: Здесь надо бы представить

безумную улыбку

И жалобные горькие кошачьи глаза –

На корточках сижу.

Тьма – шоколадной плиткой

Лежит на языке. И тают образа, –

... А в стёкла барабанят

собравшиеся люди:

Мол, двери открывай –

одиннадцать давно, –

А там – телеги скрип

и два попа-ворюги

Везут в тугом бочонке

церковное вино, –

: Здесь надо бы представить

тюремные машины,

железные решётки

и койки психбольниц —

А мы в карете едем,

и кучер наш плешивый,

И близость Ваших щёк,

и ваших пальцев гипс...

— Там дети Вакха ждут, когда откроют лавку, –

— А там дегенераты чужих детей крадут, –

: Иные времена, но папы-алконавты

Не выкупят никак свой истинный продукт...

: Картины, как в кино – и всё такие страсти!

— А мы в карете едем, и кот в ногах лежит, –

— Бросай, наш Барабанщик, в палитру злые краски!

— Но мы в карете едем, –

— И кучер наш плешив...

Жёлтой капелькой

капнул свет

Из уставшего фонаря

Это милость пещеры ко мне

Эту малость судьбы даря

Прокатилось клубочком пятнышко –

— лучик Света нитью во тьме, –

Словно маленький

Мальчик-с-Пальчик
 Я ИДУ ПО ЧУЖОЙ ДУШЕ –
 Где орехов извилин ходы,
 И звучащий в ночи барабан –
 В барабан барабанят кроты,
 Светлячков созывая на бал –
 Сердца стук, звон монет, гром копыт
 И орган, и волшебный хорал, –
 Словно детской рукою забыт
 На площадке, где я играл...
 От воды – и от плекса – зайчик
 Проскользил по влажной стене:
 Кажет *вниз* сталактита пальчик,
 Прижимая меня к земле –
 Где не спят семь цветных королей
 И английская юная леди
 И божок хромоногих кровей
 И душа малахитовой меди
 В малом гротике свечку-ставенку
 Не спеши затворить за собой
 Этот свет, как цветочек аленький
 Сотворили мы здесь с тобой
 : Этот свет – маячок-огонёк
 Жёлтой пыли подземных небес, –
 Но из тьмы мне летит: “дурачок...” –
 И ПОМОЧЬ НАМ НЕ В СИЛАХ ГЕРМЕС
 ... Может быть
 средь натёков каменных
 В той, навечно иной, Земле
 Нам светило иное зарево,
 Освещаая тропу к себе –
 – *Только где этот сказочный мир,
 Не увидеть во тьме, не понять:
 В глубине наших чёрных дыр
 Безднадёжно себя искать —*
 : Только лишь и осталось – светить
 Отражая тепло рукой
 : Только лишь, что осталось – жить
 Занимая камней покой
 Только лишь, что осталось – петь
 Продолжая тоски обман
 Да из тьмы в тишине смотреть
 НЕСКОНЧАЕМЫЙ БАРАБАН —

: это лишь часть строф, посвящённых Никитскому Сумасшедшему Барабанщику [первые Рашпиля, вторые Игоря Салчака и третьи мои]; о Сумасшедшем Барабанщике слагали стихи и песни и другие авторы – но лишь Игорю Салчаку удалось передать ритмикой своего стиха созвучия и ритмы падающих капель. И какую-то долю его фантастических образов.

Без преувеличения могу сказать, что он продолжает оставаться изюминкой Никит и по сию пору: каждого приведённого в Никиты интересного человека (тем более, если он музыкант) обязательно ведут в этот грот и “выдерживают в темноте” и какофонии капельного звона минут десять-пятнадцать. < Рекорд одиночного пребывания в Сумасшедшем Барабанщике без света поставила в 1984 году Надя-Крэизи – *двадцать четыре часа ровно*. Причём ник свой она заслужила не после, а до этого крышесдвигающего эксперимента. >

В 1982 году я сделал туда ещё один ход – пройдя над телом завала (ход Хмыря и Бороды шёл по его мокрой нижней части); что было удивительно: мой проход абсолютно сухой — идущий под ним мокрый. С непонятно откуда берущимся капежом со свода. Впрочем, загадок поинтересней в ЖБК хватало с лихвой.

Одна из них – уже упоминавшиеся грибы-водоросли. Поначалу все воспринимали их, как некое “некробиологическое явление” – уж очень они по своему виду не отличались от обычных древесных корней... Называли “ожившие крепи”. Ожившие – сто лет спустя после установки под землёй. По-моему, многие из старых никитян так и не поверили в анализ микологов.

Ещё одна странность: штреки ЖБК резко отличались по своему виду и топологии от прочей части Никит. И лежали на метр-полтора *глубже*. Долгие годы положение это оспаривалось, но последние измерения подтвердили его справедливость. Как и то, что Мартингал тоже лежит ниже Никит.

Странной казалась и удивительная сохранность штреков ЖБК – против остальной части Системы. Впрочем, сохранившейся “во всём своём первозданном великолепии” была лишь часть ЖБК – не более одного километра из тогдашних пяти. Но в других никитских системах и того не было.

И вовсе непонятно-загадочно выглядел дальний периметр ЖБК — фронт выработки, названный нами Футбольные Поля. Огромный зал (высота 2,5 м, ширина до 10) шёл перпендикулярно тамошней Централке, названной нами Бродвеем, — завершали его ровные ряды орт, карманов-забоев – полукруглой формы, глубиной до пяти метров. Кстати, Бродвей не выводил прямо на ФП – за сто метров разделялась на несколько параллельных штреков. Как хорошо видно на современной моей топосъёмке – в том самом месте, где ходы соединяются/разделяются трилистником. В плане напоминая соты. И этот “шестигранный пояс” проходит фактически через все Никиты – образуя Дальнюю систему в традиционно известной их части, — в конечном итоге упираясь в систему Шкварина. Глубина Колизеев которой – та же, что штреков Мартингала и ЖБК. Как и вполне примечательная высота. Так же важно, что “правильных перпендикулярных пересечений” ходов в ЖБК не было: ни один штрек не

пересекался под прямым углом другим, все соединения орт с откатными штреками делались с некоторым смещением – очевидно, дабы избежать слишком большой площади не поддерживаемого монолитом свода.

Остальные части Никит – прямоугольные пересечения не столь высоких ходов. Кроме исторически древнейшей Ближней.

При взгляде на Футбольные Поля возникало ощущение, что разработки не были прекращены в связи с тем, что, скажем, исчерпался выламываемый пласт или штреки упёрлись в тектонический разлом, как на восточной границе ЖБК, – возникало твёрдое ощущение, что добыча камня брошена внезапно, по совсем не подземно-геологической причине.

Было непонятно: что могло остановить разработки в самом их разгаре?..

... А ещё во многих гротах ЖБК по стене шла загадочная Чёрная Полоса. С чёткой верхней границей и размытой нижней. Проходила она и по упавшим плитам в некоторых завалах – на одном уровне, как горизонт. В других завалах её не было.

«След наводнения», – определил Хмырь. Учившийся тогда в МИСИ по специальности подземного гидрогеолога.

В так зазываемых “подвалах” – участках исторического дна каменоломни, что открывались под некоторыми крупноглыбовыми завалами – ясно был виден слой намытого ила и глины. Кое-где толщиной до полуметра.

Стали опрашивать местных – и они подтвердили: в 1913 году мощное наводнение оборвало добычу никитского камня. По этой полосе оказалось возможным определить, когда случился тот или иной завал – до, во время или после наводнения.

: история Никит начала проясняться.

Но возник новый вопрос: если вода затопила ЖБК и Дальнюю систему (в ней тоже была найдена аналогичная Чёрная Полоса), – и при этом, судя по всему, что видели, *поступала в Систему откуда-то из более дальней её части — ОТКУДА? И ГДЕ ЭТА ЧАСТЬ???*

Единственный нелажовый вариант был – из Синеглазки. Что противостояла ЖБК с той стороны Никитской излучины, –

: Последовали очередные бессмысленные попытки её вскрытия. Как я уже писал, через это занятие прошёл каждый, кто когда-либо ходил в Никиты. И имел интерес к рукотворному продолжению Системы.

Мы с Асисяем, Хмырём и Бородой пробовали биться за границу правой части Периметра ЖБК. Не просто интуитивно чувствуя – зная: *там* продолжение Системы. Соединение с Синеглазкой, что каждую полноводную весну исправно принимала воды Рожайки. Через остающиеся щели.

Бились целый сезон через несколько завалов сразу – без результата.

Удачи через шесть лет добился Склизкий Змей – проломившись в новую систему (названную им УХА) не из рухнувшей орты, где копались мы – а довольно своеобразным образом: из полузаваленного перекрёстка метрах в тридцати правее нашего раскопа (и, соответственно, дальше от зримого края ЖБК): вначале, разбив часть плит “фальшпола” штрека (его отслоившейся

бывший свод) проник в пространство меж не севшим окончательно потолком и истинным полом каменоломни – в так называемый “подвал”, – затем прошёл по этому “подвалу”, разобрав несколько завалов, к границе ЖБК; после вскрыл ещё около пяти обрушений — и вышел в новую систему. *Данный подвиг анналов в никитской истории не имеет* —

– Причём выяснилось: в системе УХА, лежащей за ЖБК, чёрных полос на стенах гротов и плитах завалов *две* (в самом дальнем штреке УХА – три); в ближней к УХА части ЖБК полоса одна и очень отчётливая; в открытой мной системе Западня, находящейся меж УХА и Дальней системой Никит, тоже одна чёткая полоса — в Дальней системе она выражена слабее, в Сетке и Правой системе полос от наводнения нет. Вывод однозначен: вода поступала из УХА, причём в УХА было два/три наводнения – или вода вначале стояла на одном уровне, затем прорвалась в остальную часть Никит и на некоторое время установился новый уровень водного горизонта.

В ЖБК было найдено большое количество утвари разработчиков — коробки из-под “Белого горного пороха Виннера”, скамеечки, остатки бикфордового шнура, рельсовые костыли и сами остатки рельсов⁹³, фрагменты вагонеток и стрелочных рельсовых соединений, лампадки, гвозди и жестяные чайнички, — снесли всё в грот Сумасшедший Барабанщик, оборудовав в нём Музей. Со столь примечательным звуковым сопровождением...

Хмырь первым прикололся к большому песчаному вывалу на периметре ЖБК – начал строить в этой гигантской песочнице подобие миниатюрного Диснейленда. Назвав Остров Сокровищ. Постепенно остальные втянулись в его прикол, — приносили из дома солдатиков, нэцкэ, модели самолётов и детских железных дорог, —

— появилась ещё одна жемчужина. Неизбежный пункт на любом маршруте, которым выгуливали по Системе приведённых гостей.

Сейчас на Острове Сокровищ более тысячи различных предметов, — есть даже парящие над ним в воздухе (подвешенные на капроновых нитях) модели самолётов, первого спутника и пластиковая летучая мышь – стало никитской традицией №2 (после традиции №1: постановке горящей Свечи на месте гибели Виктора Шагала) приносить на Остров Сокровищ детские игрушки (как миниатюрные, так и “не очень”) и просто прикольные предметы, создавая из них всевозможные композиции. Для наших детей это, конечно, одно из любимейших мест в Никитах — но и взрослые, приводимые нами в Никиты гости, попадая на Остров Сокровищ, вначале ахают в изумлении – нигде, ни в каких иных пещерах никто из них не видел такого спелеодиснейлендного Чуда – затем, впадая в детство, тоже начинают мастерить из песка и маленьких камушков подобия Стоухенджа и мегалитических гробниц, средневековых

⁹³ Против иных находок собственно рельсов найдено было удивительно мало – очевидно, что не смотря на затапливающую Систему воду, рабочие отступали пред стихией весьма организовано: представлявшие ценность рельсы были аккуратно разобраны и вынесены на поверхность.

крепостей, египетских пирамид и прочее в том же духе. И при следующем посещении Никит обязательно приносят новые игрушки...

: Стало-ли это место очередным “спелеологическим святилищем”, трудно сказать. Ибо в первую очередь вопрос упирается в то, что мы под этим словом подразумеваем. Но что с подачи Хмыря безымянный до того грот, представлявший неказистое нагромождение обрушившегося плитняка в сочетании с песчаным вывалом, превратился в *поистине культовое место, символизирующее для многих из нас вершину Рок-Арта* — безусловно, да.

Исполинские обвальные конуса и купольные залы ЖБК также притягивали к себе внимание любого — Десятиметровый Пик Маразма и просто фантастической красоты естественный зал, названный Собором, — идеально правильный восьмиметровый купол, стены в разноцветных глиняных лентах-прослоях, разделяющих пласты известняков, доломита и мергелей...

Парящая Плита у красно-охрового вывала Планетария — весом около 100 кг — казалось, висит под сводом, едва касаясь его своим верхним краем. Начисто отвергая закон тяготения.

В гроте Зоопарк кремниевые включения в стенах и отслоившиеся от потолка и стен плиты зримо напоминали животных. Как реальных, так и фантастических.

Стометровка — штрек высотой ровно в 125 см, после точной топосъёмки, однако, сократившийся до 65 метров — выводил к гроту Шахматного Короля: упавшая на ребро плита, по форме — точная шахматная корона.

Белая, красная, чёрная, голубая и серая глина позволяли лепить не хуже, чем из самого марочного пластилина — Асисяй и Зелёный Змей немедленно воспользовались этим.

Юра Кирин здорово рисовал и резал по камню.

Но и просто из камней можно было складывать удивительно красивые колонны, пирамидки — и строить миниатюрные замки.

: Интересно, этот рок-арт *с точки зрения ревнителя подземного естества* был “экологическим мусором” — или (всё-таки) произведением искусства?..

: Мы такими вопросами не заморачивались. Просто ходили и творили.

По камню — а также бумажным листам и струнам.

Юра Кирин присоединился к ‘рыдакционно-маразматической калекии’. Иной раз рисовал Асисяй. Хотя предпочитал струны. Серёжа Лещина, Юлик Рашковский, Старый, — а также я, Асисяй и Мамонт творили рифмой. Кирин, Хмырь, Магарыч, Рашпиль (также: Асисяй, Лещина и Бес(Т) с периодически появляющейся Ведьмой) — рисовали. Приколы творили все.

Раз в два выхода выпускалась очередная “маразматка”. Стихи и посвящения друг другу появлялись каждый выход. Как и новые спелеоанекдоты.

Мир казался удивительно заполненным и гармоничным. Всё в нём сливалось и органично дополняло друг друга:

Костры и краски осени — наверху.

Ниже Подземный Сказочный Мир. Что не только постигали — вершили и

творили сами. Меж них и от них — гитары, стихи и песни. Приколы и газеты.

Каждая встреча с друзьями — в радость.

В печаль — городские проблемы и трудности. Которые многих из нас вязали по рукам и ногам, душили и тянули на дно, — но о которых можно было не говорить и не думать два дня в неделю. Потому, наверное, не только не интересовались отчествами и фамилиями коллег и партнёров по Никитам (что фамилии и отчества — зачастую мы имён наших друзей не знали, ибо для прямого дружеского общения хватало “более, чем характерного” ника) — в голову не приходило спрашивать, кто где работает или учится. Коль человек не говорил об этом сам. [Иной раз — с “весьма непарламентской” бранью выдыхая переполнявшее за трудовую неделю городское совковое ‘раздраже’; почти никогда — хвастаясь какими-то городскими “успехами” и “свершениями”: что не было принято, то не было принято. Ибо не затем уходили из города и приходили в сказочный мир Никит — чтобы “вновь о г...”]

С местными особых проблем не было. В отличие от других подмосковных Систем. То есть, конечно, поначалу *неизбежно были*, — но мордобойные инициативы со стороны отдельных удалых деревенских бойцов выглядели просто смешно против нашей огромной компании⁹⁴. Сильной не только достаточным количеством “ушуистики-и-каратменно” одарённых специалистов — но тем, что *мы все были вместе*.

Вместе — без былого деления на “команды” и “группы”, “лидеров” и “ведомых” — назывались же просто Никитский Круг. Без какого-либо подобия организации и структуры — Круг Друзей, каждый из которых равно приближен к центру.

И местные быстро поняли, что дружить с нами выгоднее, чем воевать. К тому же многие из нас за “давностью хождения” воспринимались ими, как неотъемлемая часть никитского ландшафта, — и хоть сами они под землю не лазили, увлечение наше, как отвязный приколы, уважали. Приходили к нашим кострам наверху с целью “выпить на халяву”, — впрочем, приносили и свой самогон. Иной раз приходили с магнитофоном, на котором наяривала “Машина Времени”. Интеллектуальная часть никитян, воспитанная на Галиче и Жаре, к “машинистам” относилась с усмешкой, — другой части Никитского Круга песни Макара нравились. Как, впрочем, творения БГ и Никольского/Романова:

Любителей “голимого КСП” в Никитском Кругу было не больше, чем сторонников “западного арт-рока”. А также психодела, металла и харда. И нарождающегося “нашего рока” во всех его вариантах и ипостасях.

* * *

Новый, 1982 год, встречали под “Equinoxe” J-M-J — любившуюся всем нам мелодию “шарманщика” в гроте Акулий. Мы с Юликом, Татьяной Бес(Т) и

⁹⁴ 40 ÷ 50 человек за выходные было нормой хождения в Никиты тех лет. На слёт памяти Виктора Шагала приходило в три раза больше.

Старым подготовили большую песенно-поэтическую композицию, подводящую Первый Итог нашему никитскому хождению.

Ближе к утру, по завершении “официальной части программы”, начались гуляния по Системе. Кто хотел продолжения праздника – продолжал его в Акульем.

: В полпятого мы с Кнэд пошли поставить Свечу Ивану Шкварину. Поделиться своим праздничным огнём. По дороге навестили Голубой Конус (даже в Такой День не изволил светиться),– в 5.10 были в Колонно-Крепяном зале. Время запомнил, потому что посмотрел на часы.

Вернулись в Акулий – и через пять минут туда ворвался “более, чем возбуждённый” Лёшка-Белый.

– Колонно-Крепяной рухнул!!!

: Он был там в 5.20. И никакого зала в этом месте уже не было.

– А знаете, ребята... – осторожно начал Рашпиль,– после прошлого Нового года рухнул Сапфир. После этого – ККЗ. Предлагаю следующий НГ встречать в Силикатах.

Шутки шутками – но мы тогда ещё не знали, что Сапфир пал от рук Пифа. А потому некоторая оторопь после слов Рашпиля в гроте “имела место быть”.

Но что характерно – *ни один из глобальных никитских обвалов, случившийся за время нашего хождения в Систему, не произошёл при непосредственном присутствии людей.* Два мощных обрушения Бродвея в ЖБК, обвал участка Правой Централки на пересечении со штреком, ведущим в Первомайский грот, обрушение тектонической трещины у Хаты, уничтожившее грот Поэзии – как и поведанный выше обвал кровли ККЗ — ни при одном из них не присутствовали люди. За пару минут до того, спустя десять минут – было.

“Тут можно долго философствовать...”

* * *

10 января я переехал на новую квартиру,– пару комнат в коммуналке по адресу “Новослободская, 25, 10.” Разменяв с мамой юго-западное жильё,– в котором, казалось, прожил целую жизнь: 12 лет < “эзотерический цикл”, как знаю теперь >,– жизнь, в которой были первые мои самостоятельные “коллекторно-диггерские” подземные вылазки, и чудесные пустыри Юго-Запада, откуда пришла в Никиты большая часть Никитского Круга,–

Ощущение было: одна эпоха закончилась, наступает другая. Выросшая из первой – как росток вырастает из семени.

– Ты думаешь, это ты переехал? – спросил Рашпиль на новоселье, держа в руках открываемую бутылку шампанского. – Нет: *это мы все переехали!!!*

– Ибо это была Первая Независимая от родителей квартира в нашем Кругу.

: Пробка вылетела из бутылки, ударила в стену,– от неё

полетела в потолок, затем в противоположную стену — отразившись от которой, попала точно в лоб Лёши-Белого. Достаточно широко распахнутый.

Случись ему оказаться в ККЗ на пять минут раньше — досталось бы сильнее.

И дальше эта квартира действительно превратилась в *нашу общую*. В штаб-квартиру уэмовской части Никитского Круга,— потом, впрочем, и всего Круга.

: Так сложились городские обстоятельства нашей жизни.